

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3
2018

МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Гусев Н.С.</i> (Москва). Разгон манифестаций в поддержку славян в России весной 1913 года...	3
<i>Соколовская О.В.</i> (Москва). Революционный 1917 год и судьбы русских моряков	15
<i>Улунян Ар.А.</i> (Москва). Советско-болгарские внешнеэкономические отношения в оценках ЦРУ США (вторая половина 60-х – начало 70-х годов XX века)	28
<i>Новосельцев Б.С.</i> (Москва). Советско-югославские отношения в конце 1968–1969 году.....	43
<i>Задорожник Э.Г.</i> (Москва). «Перезагрузка» внешнеэкономической ориентации ЧССР/ЧСФР на рубеже 80–90-х годов XX века	52
<i>Пилипенко Г.П.</i> (Москва). Маркирование интерференционных явлений в славянской речи Южной Америки	64

СООБЩЕНИЯ

<i>Парфирьев Д.С.</i> (Москва). Приднепровская Украина в планах украинских политиков Австро-Венгрии в преддверии Первой мировой войны.....	81
<i>Москвитин М.Н.</i> (Москва). Румынский фронт в общественно-политической жизни Румынии по донесениям российского посла А. А. Мосолова (1916–1917)	87
<i>Смирнова И.Н.</i> (Москва). Внутренний мир лирических героинь в «женской» болгарской поэзии начала XX века	94

РЕЦЕНЗИИ

<i>Серрапионова Е.П.</i> J. Bílek, J. Kuklík, E. Maršoun, J. Nemeček. Druhý exil Edvarda Beneše. Fotografie z let 1938–1945.....	104
<i>Иванов Е.Е.</i> K. Wojan. Z dziejów leksykografii polsko-rosyjskiej. Tom 1. Słowniki lingwistyczne (bibliografia za lata 1700–2015).....	106
<i>Изотов А.И.</i> J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jílková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Stylistika mluvené a psané češtiny.....	111
<i>Ващенко Д.Ю.</i> M. Čudić. Négy kísélet Krasznahorkai Lászlóról / Четири огледа о Ласлу Краснахоркаију.....	113

Гусев Н. С. Круглый стол «Революционные процессы 1917 года и их последствия для славянства (войны, миграции, образование государств)»	115
---	-----

НЕКРОЛОГИ

Искендеров П. А. Памяти Григория Львовича Арша (1925–2017).....	118
Памяти Галины Яковлевны Ильиной	121
Памяти Елены Любомировны Валеовой	123
Кудрявцева Е. П. Памяти Виктории Максимовны Хевролиной	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2018 г. *Н.С. ГУСЕВ*

РАЗГОН МАНИФЕСТАЦИЙ В ПОДДЕРЖКУ СЛАВЯН В РОССИИ ВЕСНОЙ 1913 ГОДА

Весной 1913 г. войска стран Балканского союза взяли турецкие крепости Адрианополь и Скутари. Это вызвало в городах России массовые манифестации, особенно в Петербурге. Учитывая международную напряженность в связи с вопросом о будущих границах Албании и, в частности о порте Скутари, власти, опасаясь резкой реакции Австро-Венгрии, приказали применить силу для разгона шествий. В статье рассматривается ход событий, мотивы их участников и реакция общества на разгон демонстраций.

In the spring of 1913, the armies of the Balkan League occupied fortresses Adrianople and Scutari. In Russia, this led to mass protest actions, especially in St.-Petersburg. Taking into consideration international tension concerning the issues of the future borders of Albania, and who would own Scutari in particular, the Russian authorities, fearing of a sharp reaction of Austria-Hungary, ordered forced dispersing of the political demonstrations. The article considers the course of events, reasons of the protesters and reaction of the society on the use of force.

Ключевые слова: Балканские войны, манифестации, Россия, Австро-Венгрия, Скутари.

Keywords: Balkan Wars, protestations, Russia, Austria-Hungary, Scutari.

DOI: 10.7868/S0132136618030019

Осенью 1912 г. началась Первая балканская война: связанные договоренностями Болгария, Сербия, Греция и Черногория начали боевые действия против Османской империи. Российское общество внимательно следило за этими событиями: в газетах появились специальные ежедневные рубрики, посвященные войне на Балканах. Традиционно, изучая российское общественное мнение этого периода, исследователи ограничиваются именно анализом периодической печати [1–2], в том числе и провинциальной [3–4]. В одной из диссертаций в 1979 г. даже заявлялось, что деятельность партий в Государственной думе в то время была ограничена, «соборания, манифестации, обсуждения и другие формы проявления общественного мнения были сведены на нет», поэтому автор занялся «именно анализом публикаций печати» [5. С. 4]. Однако это далеко не соответствует действительности: выходила масса брошюр о Балканской войне и Балканах, читались публичные лекции, устраивались собрания и славянские обеды, проводился сбор пожертвований, в воюющие армии отправлялись

Гусев Никита Сергеевич – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00346.

отряды Красного Креста и добровольцы [6. С. 46–49]. Имели место и массовые манифестации, которым до настоящего времени в науке не уделялось никакого внимания.

Начались подобные мероприятия с первых дней войны – в них превращались проводы балканских славян, учившихся или работавших в России, и правительство не пресекало такие манифестации. Но затем ситуация изменилась. В грядущий раздел европейской Турции вмешались великие державы и, прежде всего, Австро-Венгрия, настаивавшая на создании албанского государства в границах, лишивших Сербию вождельного выхода к Адриатическому морю. В Белграде отказывались удовлетворить это требование, и в Вене перешли к угрозам. Российское руководство не осталось в стороне, был принят ряд мер мобилизационного характера [7. С. 317, 319], департамент полиции стал выяснять отношение населения к возможному вооруженному вмешательству России в конфликт [8]. В итоге победили сторонники мира, и официальный Петербург согласился с ограничением сербских приобретений. Общество же было настроено не столь миролюбиво, правительство стали обвинять в излишней уступчивости во вред интересам страны, а Австро-Венгрия в публичной риторике превратилась в главного врага. Стараясь сохранить хрупкий мир, официальные круги стали пресекать антиавстрийские акции.

Так, 8 ноября¹ 1912 г. в Варшаве толпа из 300 человек провожала на войну студента-болгарина Сапунова, пели болгарский и российские гимны. «Общее настроение был крайне приподнятое», – как сообщил в донесении в Петербург варшавский обер-полицмейстер. После отхода поезда осталось около 100 человек, оживленно разговаривавших на площади. Среди них прозвучало восклицание «Долой Австрию», услышанное полицией, после чего манифестантов попросили разойтись, что они и исполнили. Но затем группа в 60–70 студентов «со свистом» направилась на улицу, где располагалось здание австро-венгерского консульства. Опасаясь, что «экзальтированная молодежь может сделать какую-либо выходку», полиция окружила студентов, половина из которых разбежалась. Оставшиеся «студенты, с целью показать, что манифестация не направлена против правительства, запели русский народный гимн и сняли фуражки, но тотчас же под конвоем городских были отведены в ближайший 13 полицейский участок». Там они признались, что шли «выразить протест против поведения Австро-Венгрии в нынешнюю войну славян с турками». После наведения справок всех 36 манифестантов отпустили [9. Ф. 215. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1–2].

Подобных случаев было немного, поскольку к концу 1912 г. боевые действия фактически закончились, линия фронта стабилизировалась по Чаталджинскому укрепленному району близ Константинополя, остались осажденными три турецкие крепости: Янина, Скутари и Адрианополь. Болгары и сербы, ранее отправившиеся на войну, возвращались в Россию. Мирные переговоры зимой 1912/1913 г. в Лондоне сорвались – стороны не могли договориться, а 10 января 1913 г. в столице Османской империи произошел младотурецкий переворот, лидеры которого отказались подписывать навязываемые условия мира. Вскоре боевые действия официально возобновились. Но фактически велась лишь осада указанных крепостей, новых информационных поводов на Балканах не создавалось. Война превратилась в затянутый сериал, интерес к которому постепенно угасал, поскольку сюжет потерял динамичность.

---

¹ Все даты даются по старому стилю.

13 марта 1913 г. болгарские войска при поддержке сербских частей сумели взять Адрианополь. «Это была не радость, это был не восторг, тут я видел что-то стихийное, могучее, глубоко встряхнувшее все массы русской столицы снизу доверху», — вспоминал болгарский посланник в Петербурге С. Бобчев [10. С. 104]. Узнав о новости, в Государственной думе проявили бурную радость, в том числе хором исполняя гимны России и Болгарии [11. С. 14–16; 12. Стб. 2223–2224; 13. С. 71–72], что вызвало насмешки со стороны левых журналистов [14. С. 174–177]. Но самое интересное творилось на улицах.

В Петербурге, Киеве и Москве прошли крупные манифестации. Воздействие падения крепости на российское общество оказалось не сиюминутным. Празднований было несколько. Дело в том, что осажденная крепость пала 13 марта, в среду. Среди рабочей недели бурное проявление радости могли себе позволить немногие, поэтому манифестации имели место в ближайший (17 марта) и последовавший (24 марта) воскресные дни. Вдобавок публичным и массовым мероприятием стали состоявшиеся 18 числа того месяца проводы болгарского генерала Р. Дмитриева, приехавшего в Петербург для переговоров с российским руководством.

17 марта около 4 часов дня окончилось богослужение в храме Воскресения Христова (он же — Спаса на Крови) и толпа, «состоявшая преимущественно из учащейся молодежи», отправилась по Екатерининскому (ныне — Грибоедовскому) каналу с пением национального гимна на Невский проспект. Присутствовавшего на службе Дмитриева отнесли к его экипажу на руках. У здания городской думы по требованию полиции манифестанты разошлись, но затем около 1 000 человек собралось на Симеоновском мосту (ныне мосту Белинского), откуда они пришли к болгарской и сербской миссиям с приветственными криками. Посланники из окон благодарили толпу. Шедший с процессией, а затем проехавший вдоль нее на извозчике, депутат от Союза Михаила Архангела Г.А. Щечков утверждал на заседании Думы: «Свидетельствую пред вами, что никакой скученности, загроможденности улицы не было, [...] все шли в известных интервалах друг от друга» [15. Стб. 5]. Основная масса толпы разошлась, и небольшая ее часть попыталась пройти к австро-венгерскому посольству, однако полиция преградила им путь. При этом были пущены в ход копыта лошадей и нагайки. «Одним словом, воспроизвели обычную картину официального “успокоения”», — как записал в дневнике ставший вскоре столичным городским головой И.И. Толстой [16. С. 431].

На следующий день после проводов генерала с Варшавского вокзала толпа с пением гимнов «Боже, Царя храни» и «Шуми Марица» двигалась по Измайловскому, Забалканскому (ныне — Московскому) проспектам. Затем появились конные городовые, принявшие грубо разгонять толпу. Один из участников манифестации спросил сотрудника правоохранительных органов, носившего на груди четыре медали, о причинах избиения демонстрантов, на что услышал ответ: «Не разговаривайте» — и удар нагайкой. В это время часть студентов-участников разговаривала с офицером полиции, «который очень вежливо просил студентов не стоять на мостовой, а идти на панель (имеется в виду тротуар. — *Н.Г.*)». После выполнения этого требования участников шествия не трогали вплоть до пересечения улиц Гороховой и Садовой (по всей видимости, толпа двигалась в сторону Невского проспекта). Там их встретила еще одна группа городовых. Старший из них скомандовал: «Шашки вон», но не обнажил оружия и «наводил порядок» кулаками [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 13–14]. Другой свидетель, студент Санкт-Петербургского университета М. Михайловский,

утверждал, что пристав шашкой все же махал, а отдал приказ о применении оружия под пение «Боже, Царя храни» [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 18].

Здесь речь идет о приставе П.А. Зарецком. Ему в последовавшем полицейском расследовании событий уделено значительное внимание. Как писали свидетели, он «буквально сумасшествовал». Уже после того, как участники демонстрации разошлись, Зарецкий, по словам очевидца, «как видно, вошел в раж и видел в каждом проходившем манифестанта. Он гонял публику с истерическим криком с 3-этажными ругательствами на всю улицу — не лучше ломового извозчика. Гонял публику как стадо баранов с одной стороны Садовой улицы на другую или с Сенной площади на Гороховую, а потом наоборот». Одного гимназиста швырнул о мостовую, и «бедный долго не мог встать». Как заканчивал свои показания свидетель, место приставу — «лечебница для умалишенных» [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 21–22].

По версии самого Зарецкого все было иначе: впереди толпы шли «уличные мальчишки и праздные торговцы», увидев его, услышав требование разойтись, будучи уже знакомыми с ним, побежали. Им последовали и остальные манифестанты, в связи с чем приставу не требовалось применять силу, тем более и оружие [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 31–31об].

Как выразился в воспоминаниях историк и публицист С.С. Ольденбург, полиция «по обыкновению» рассеивала демонстрации [17. С. 97], но некоторые сотрудники правоохранительных органов вели себя корректно. Так, полковник Григорьев, следя за действиями манифестантов после проводов Димитриева, все же дал им спокойно продолжить движение [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 15]. Как утверждал А.В. Королев, отрекомендовавший себя в свидетельских показаниях надворным советником, преподавателем женской гимназии, членом Русского собрания и Славянского благотворительного общества, полиция действовала корректно, но случаи произвола были. Перечислим их. 17 марта возле Казанского собора одного из разгонявших, полицейского пристава, попросили представиться по фамилии. «Я покажу тебе мою фамилию», — ответил он и толкнул любопытствовавшего в грудь. Там же под рукоприкладство попала курсистка, ее принялись защищать студенты, но и они пострадали от суровой длани российских органов охраны правопорядка. Свидетели показали, что при этом отличились «бляхи» № 2620, 1667, 1649 [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 11–11об.]. 18 марта манифестантов «атаковал» полицейский ротмистр с криком «Расходитесь, иначе буду лупить нагайкой». К нему подошел «артиллерийский полный генерал», по праву старшего по званию потребовал представиться и объяснить причину таких действий. «Ротмистр конно-полицейской стражи Колберг. Я в точности выполняю распоряжение своего высшего начальства», — услышал он в ответ [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 33–33об.]. По словам депутата А.И. Савенко, «одного солидного господина, в тот самый момент когда он произносил слова “Боже, Царя храни”, городской сильно, со словами “пошел к черту”, ударил кулаком в грудь», «было много лиц разбито в кровь. Один генерал, зритель, протестовал по этому поводу, но в ответ получил одну грубость. Какой-то плац-адъютант обращался к полиции со словами: “Почему вы не разгоняете этих безобразников?”».

В силу не до конца понимаемой причины разгона с самими чинами полиции происходили курьезные случаи. Один из депутатов рассказывал коллегам: «Нам сообщает один студент о следующем инциденте. Он был избит, а затем арестован и препровожден в участок. Там пристав грозно стал чинить ему допрос: “Послушайте, вы там безобразничали? — Что? Я безобразничал? И не думал. — Ну,

а за что же вас арестовали? Что вы там делали? — Я стоял у дома № 57 (на Литейном, т.е. у сербского посольства. — *Н.Г.*) и пел «Боже, Царя храни». — И только? — Только». Пристав несказанно сконфузился и отпустил сейчас же этого студента» [12. Стб. 2404–2405]. В неловкую ситуацию попал и градоначальник Д.В. Драчевский. Он приехал к манифестантам, дабы воздействовать на них. Но ему начали кричать: «Поют гимн, извольте встать, встать»; градоначальнику пришлось встать и нехотя выполнить воинское приветствие [13. С. 75].

Реакция властей выглядела хаотичной и бессистемной. Одной из причин этого являются действия и социальный состав манифестантов. Случайный свидетель проводов генерала Дмитриева писал, что была толпа человек из пятисот, «состоявшая исключительно из студентов», певших гимны России и Болгарии. «Живя в С[анкт-]Петербурге 42 года, я в первый раз видел и слышал, что студенты такой массой с восторгом громко и воодушевленно пели национальный гимн», — сообщалось в записке [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 13]. В полицейском расследовании сохранилась секретная справка о выяснении личностей некоторых участников шествия. Среди них — ординарный профессор Петербургского университета, надворный советник, инженер путей сообщения, присяжный поверенный, камер-юнкер, служащий Государственной канцелярии, студенты Технологического института и Университета. Так же там есть личность без рода деятельности «53 лет, сын Тайного советника» [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 28], которого привести на шествие могли и искренние чувства, и просто безделье. Дворянин П.И. Шевченко писал в записке на имя заместителя министра внутренних дел, что толпа состояла из «каких-то штатских, [...] женщин плохо одетых», вела она себя «развязно», оскорбляла полицию, а самого автора записки заставила снять шапку, ему казалось, что манифестанты хотели «ворваться в австрийское посольство» [9. Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 451. Л. 23об.–24]. Отрицательное отношение дворянина объяснимо тем, что его вынудили оставить голову непокрытой, поэтому в объективности этого свидетеля есть основания усомниться. Иным был взгляд на социальный состав манифестантов председателя Думы М.В. Родзянко. По его словам, «состояла толпа из серьезных и благонамеренных людей: были офицеры, дамы общества, сенаторы, чиновники», а городскими был даже избит сенатор [13. С. 74–75]. Депутат В.М. Пуришкевич утверждал, что присутствовали духовные иерархи, члены Государственного совета [12. Стб. 2414]. Как видно, с поправкой на субъективность Шевченко, среди манифестантов было достаточно много людей, статус которых не позволял полиции действовать без оглядки на соблюдение некоторых рамок приличия. Отмечу, что не всем «серьезным людям» эти манифестации были интересны. Журналист Вас.И. Немирович-Данченко писал, что в Петербурге фабриканта спросили: «Какое на вас впечатление произвели воскресные манифестации в Петербурге? — Манифестации, где? [...] — На улицах. — На улицах? О, я улицы не вижу, у меня хороший закрытый автомобиль. А дома спущены гардины» [18. С. 210].

Действия полиции вызвали в Государственной думе возмущение, и главе МВД был составлен официальный запрос [19]. 20 марта секретарь поставил вопрос о нем на голосование, указав обоснование запроса: «На основании самых точных свидетельских показаний, выяснилось, что никакого буйства или бесчинства манифестанты нигде себе не позволили, если не считать пения гимна, до сих пор законом не запрещенного», поэтому поведение полиции, по мнению Думы, являлось «незаконмерным и возмутительным во всех отношениях» [12. Стб. 2402].

На заседании присутствовал глава МВД Н.А. Маклаков. Он, будучи высокопоставленным чиновником, понимая, что точными сведениями о произошедшем никто еще не обладает, говорил крайне осторожно: «Манифестации уличные, которые собирают толпу, которые вносят беспорядок в движение на улице, конечно, недопустимы, они должны быть прекращены самыми настойчивыми мерами полиции. Но меры эти, конечно, должны быть благопристойны». По его словам, правительство не одобряет грубых приемов полиции при исполнении своих обязанностей, а в данном случае находит их и необъяснимыми, поскольку «манифестанты, по-видимому, были настроены мирно, а самый повод, который дал основание к этой манифестации, встретил так много сочувствия». Он сообщил, что уже дал поручение своему заместителю Золотареву «произвести самое внимательное, всестороннее и полное расследование», и принять «самые энергичные» меры [12. Стб. 2409–2410].

Но возмущенные депутаты уже открыто давали с трибуны свое объяснение действиям властей и искали виноватых. Пуришкевич заявлял: «Мы знаем, как глава нашего правительства боялся не угодить в тот момент Австрии и боялся этой манифестации» [12. Стб. 2414]. Далее он утверждал, что «политика правительства в данный момент заключается в том, чтобы убивать, гасить дух русского народа и быть баржею австрийского парохода, отвозящую все выгоды к австрийским берегам», а «С.Д. Сазонов в кулаке у гр. Бертольда» [12. Стб. 2419].

Стоит отметить, что на отношения Пуришкевича и главы правительства, В.Н. Коковцова, могла значительно повлиять и состоявшаяся незадолго до этого их встреча. На ней правый депутат настаивал на необходимости выделения 960 000 рублей на ведение агитации перед выборами в Государственную думу. Но Коковцов, занимавший к тому же еще и пост министра финансов, отказал, депутаты-националисты затаили обиду [20. С. 171–172].

Упомянутый выше Шечков проявление страха перед Австро-Венгрией видел в словах градоначальника, постоянно упоминавшего Сергиевскую улицу (ныне – Чайковского), где событий никаких не происходило. Он сам себя спрашивал о причинах этого и тут же отвечал: «Да потому, гг., что на Сергиевской есть австрийское посольство. Вот, видите, нужно было указать, что генерал Драчевский исполнял великую задачу – он охранял Европу». Но «наивный монархизм» был неискореним, и этот же член Государственной думы говорил о правительстве и руководстве столицы: «Эти господа не являются представителями отеческой власти возлюбленного нашего Императора, а какой-то власти, неведомой нам, власти мачехи, которая относится к нам, как к своим несомненным пасынкам» [15. Стб. 6–8].

Лично главу правительства обвинял и националист А.И. Савенко, называя произошедшее «новым курсом статс-секретаря Коковцова», начавшимся с разгона патриотической манифестации в Киеве после убийства П.А. Столыпина. Курс министра-председателя, по его мнению, привел и к падению значимости России: «Теперь перед окриками Австрии мы отступаем поспешно и без малейшей попытки сопротивления, мы от уступки и унижения идем к уступке и унижению; и вот Россия, надо в этом сознаться, уже более не великая держава, с Россией более не считаются». Поэтому в столь судьбоносный момент, когда решается «судьба всего славянства», правительство «не сумело сделать ничего лучшего, как стать на запятки победной австрийской колесницы» [12. Стб. 2407–2408]. Его речь вызвала рукоплескания справа.

Еще более резким оказалось выступление кадета Ф.И. Родичева. Часть его даже не была опубликована, а он сам лишен слова на пять заседаний. Депутат

утверждал, что правительство своими действиями настроило все русское общество против себя, а причины разгона манифестации видел так: «Мотивов, по которым против третьеводнишних демонстрантов были вызваны полицейские, действующие насилием, было два: во-первых, давно существует правило — демонстрантов надо бить, а второе правило — нужно охранять нейтралитет правительства» [12. Стб. 2426]. Продолжение речи не было опубликовано, поскольку он с «неуместным непарламентским выражением» говорил о главе МВД, «который единоличным осуществлением законодательной власти присваивает себе не принадлежащие ему права». В этих словах националисты увидели и оскорбление царя, требовали лишить его слова на 15 заседаний, но восторжествовали умеренно настроенные депутаты [11. С. 22]. Отметим, что и ранее этот депутат оказывался несдержанным в словах — именно он с трибуны в свое время произнес словосочетание «столыпинские галстуки», за что получил вызов на дуэль от премьер-министра.

Первое из названных Родичевым правил вызвало также неоднозначную реакцию. Общество давно уже привыкло, что социалистические демонстрации разгоняли. Тем большее удивление вызвали события 17 и 18 марта 1913 г. Националистов это возмущало: «Прежде, повторяю, били за то, что ходили с красными флагами и пели революционные песни, теперь бьют также и за то, что поют “Боже, Царя храни”. Не знаю, быть может, по толкованию нашего нынешнего объединенного правительства, в этом выражается наш русский обновленный строй», — говорил один депутат [12. Стб. 2405]. А меньшевик А.Ф. Бурьянов, пробывший в тюрьме два года за свои взгляды, с трибуны Думы с негодованием вопрошал остальных народных избранников, почему те сейчас проявляют активность, но молчали, когда полиция избивала рабочих [15. Стб. 9–10].

Либерально настроенная интеллигенция ехидничала. И.И. Толстой записал в дневнике: «Если происшедшему безобразию нельзя радоваться, то невольно ощущаешь удовлетворение, что на этот раз палка, которая всегда о двух концах, ударила по физиономии лиц, всегда поощрявших избиение прогрессивных элементов, “инородцев” и т.п.» [16. С. 431–432]. Самарская газета «Волжское слово» иронизировала: «Какое настроение получается в октябристских головах, когда по октябристским спинам походят нагайки! Почти социал-демократическое!» [4. С. 16].

24 марта состоялось второе празднование, затронувшее и провинцию. Так, в Армавире, в котором оставались семьи уехавших на войну добровольцев, часть торговых рядов, где торговали преимущественно болгары, была закрыта и украшена национальными флагами. Из чувства солидарности не открывали лавки и «торговцы зеленью, армяне», в городе раздавалось пение болгарского гимна [21]. В столице состоялась торжественная панихида по погибшим и молебствие о даровании славянам победы. Проходили они в Казанском соборе. В «Ниве» была опубликована фотография демонстрации перед храмом, где участвовало, если верить подписи, 40 тысяч человек [22. С. 279]. По документам департамента полиции, их было вчетверо меньше [9. Ф. 102. Оп. 122. 4 дп. 1913 г. Ед. хр. 107. Л. 1]. В тот день И.И. Толстой отправился «смотреть кинематограф», после которого наткнулся на Невском проспекте на эту манифестацию, задержавшую движение по улице, и был вынужден следовать за нею до Морской. «Манифестация не производила импозантного впечатления. На мой взгляд, в ней участвовало сотни две или три учащихся или подростков, нескладно певших что-то, кричавших “ура” и несших несколько трехцветных флагов. Их окружала толпа любопытных, и мобилизованы большие отряды полиции, не вмешивавшиеся

в происходящее. Можно сказать, что эта толпа столь же легко вместо “Боже, царя храни” могла начать “Вы жертвою пали в борьбе роковой”²», — отметил он в дневнике. Но на следующий день он скорректировал свое мнение: «Судя по газетам, вчерашняя манифестация имела довольно большие размеры; мы с Лилей видели только конец ее; остаюсь, впрочем, при прежнем мнении — что “манифестантов” было сравнительно мало, но что они были окружены толпами любопытных; газеты уверяют, что временами скопление достигало числа 20—25 тыс., носили плакаты с надписями: “Крест на Св. Софии” и “Скутари — черногорцам”; кричали: “Долой Австрию” и т.п.» [16. С. 433].

Выйдя из Казанского собора, толпа с венком и крестом из живых цветов, с плакатами и пением молитвы «Спаси Господи, люди Твоя» и гимна при криках «Ура!» отправилась по набережной Екатерининского канала к храму Спаса на Крови, где также прошли панихида и молебен. Объединившись, люди двинулись через Марсово поле в Санкт-Петербургскую (Петропавловскую) крепость. Проходя мимо Британского посольства, стали кричать: «Долой Англию и Австрию!». Некоторые «грозили кулаками чинам посольства, смотревшим из окон». В крепость всех не пустили, лишь 200 человек сумели зайти в Петропавловский собор, где они возложили венок и крест на могилы Александра II и Александра III. Оттуда толпа направилась на Петровскую набережную ко дворцу великого князя Николая Николаевича. Прокричав «Ура!», манифестанты попытались пройти к британскому и турецким посольствам «для устройства враждебных манифестаций», но полиция не позволила этого осуществить. Тогда демонстранты пошли к зданию австро-венгерского дипломатического представительства. Однако органы охраны правопорядка и здесь оказались расторопны, пресекли попытку выражения чувств по отношению к венской дипломатии. Затем процессия проследовала сначала к болгарской, а затем и к сербской миссиям, распевая «народный и славянские гимны». Сербский посланник Д. Попович «из окна своей квартиры приветствовал толпу поклонами, бросал цветы и выкинул сербский национальный флаг».

После демонстрация направилась через Невский проспект к Адмиралтейству. Гулявшая публика присоединилась и «образовала скопище свыше 20 000 человек», препятствующее движению. У Аничкова дворца манифестанты пели гимн, в одном из окон увидели вдовствующую императрицу Марию Федоровну, тогда с новыми силами стали кричать «Ура!» и многократно исполнили гимн. Поскольку люди не расходились, движение в центре «встало», полиция попыталась восстановить порядок, оттеснив толпу на тротуар. При приближении конной полиции среди манифестантов «раздались враждебные крики и свистки, а один из руководителей манифестации, капитан 7-го понтонного батальона Ершов-Павлович, обнаженной шашкой ударил по крупу лошади заведующего 1-м отделением конно-полицейской стражи ротмистра Делла». После толпа, оттеснив сотрудников правоохранительных органов, двинулась по Невскому и Адмиралтейскому проспектам к Исаакиевской площади. Попытку враждебной демонстрации у германского посольства полиция пресекла, тогда манифестанты направились к квартире греческого консула, «провели дружественную манифестацию», вернулись на Исаакиевскую площадь, «по настоятельному требованию полиции разошлись». К 8 часам вечера порядок на улицах столицы был восстановлен [9. Ф. 102. Оп. 122. 4 дп. 1913 г. Ед. хр. 107. Л. 5—6].

² Один из знаменитых похоронных маршей русского революционного движения, написанный в 1870—1880-е годы.

Как видим, вторая славянская манифестация прошла уже более мирно и случаев вопиющего нарушения законов не было ни с одной, ни с другой стороны. Как отмечал корреспондент британской газеты «Daily Telegraph», никогда он не видел «со стороны русских городов такого любезного и сердечного отношения к уличным демонстрантам» [9. Ф. 102. Оп. 122. 4 дп. 1913 г. Ед. хр. 107. Л. 14].

Еще через неделю, 31 марта в различных городах страны вновь планировались панихиды по жертвам Первой балканской войны. В МВД постарались взять ситуацию под контроль. 30 марта местным властям в Москву, Ригу, Варшаву, Киев, Казань, Самару, Саратов, Одессу, Ростов-на-Дону, Кишинев, Житомир, Харьков, Томск, Екатеринослав (ныне – Днепр), Ярославль и Новочеркасск был отправлен циркуляр министра, требовавший «принять зависящие меры [к] недопущению скопищ, нарушающих свободное уличное движение и несовместимых с требованиями внешнего порядка, но при этом надлежит внушить членам полиции необходимость соблюдения должной осторожности и такта по отношению к толпе (подчеркнуто карандашом в документе. – *Н.Г.*)» [9. Ф. 102. Оп. 122. 4 дп. 1913 г. Ед. хр. 107. Л. 7–9]. Стоит обратить внимание, что в рассылке присутствуют не только крупнейшие города, но и населенные пункты южных губерний, где проживало довольно много южных славян, и соответственно, реакция на события на Балканах была обостреннее.

На что же были направлены все эти манифестации? Прежде всего, они должны были повлиять на позицию правительства в вопросе адриатического порта Скутари. Австро-Венгрия жестко настаивала на включении этого порта в состав албанского княжества; и в целях сохранения мира великие державы согласились на это. Однако черногорский король Никола, претендовавший на него, отказался подчиниться воле европейского концерта, продолжая осаду крепости.

Весной 1913 г. накал страстей вокруг этого вопроса достиг апогея; по словам Коковцова, процессии с плакатами «Скутари – Черногории!» наравне с «Крест на святую Софию!» стали обычным зрелищем [20. С. 173]. Об усиленной агитации под лозунгом «Скутари – Черногории!» писал в мемуарах и Ольденбург [17. С. 97]. Сазонов вспоминал, что демонстрации происходили ежедневно, затрудняли работу правительства, но не влияли на его спокойствие [23. С. 104].

Хотя надо отметить, что для сохранения душевного равновесия и спокойствия необходимо было иметь выдержку. Националистически настроенные круги публично клеймили Сазонова и Коковцова, говорили о министрах «продавшихся немецкому влиянию», и вели манифестации к их домам. Одна из подобных процессий следовала к дому главы правительства на узком проезде к Мойке, но полиция сумела ее остановить [20. С. 213], а жилище министра иностранных дел в дни празднования падения Адрианополя охраняло два эскадрона конных жандармов [13. С. 74].

По сообщениям российского посланника в Цетинье А.А. Гирса, во дворце короля Николы весной 1913 г. с уверенностью рассчитывали уже не только на просто манифестацию в поддержку Черногории, а на уличные беспорядки, которые придется подавлять силой [24. С. 40]. Но расчеты эти оказались неверными, глава внешнеполитического ведомства считал, что вопрос Скутари – «исключительно временного и местного значения, ради которого было бы преступно рисковать жизнью хотя бы одного русского солдата» [23. С. 88]. 2 апреля 1913 г. министр писал А.П. Извольскому: «Только тот, кто сам изведal прелесть власти, может отдать себе ясный отчет о тех трудностях, с к[ото]рыми мне приходится бороться с начала Балканского кризиса. Несмотря ни на какие ослиные лягания я продолжаю, насколько позволяют силы, спокойно идти по тому пути, который мне указывают мой рассудок и моя совесть,

надеясь на конечное торжество здравого смысла и политической добросовестности над безумием и интригой» [25. С. 482].

В те же дни МИД выпустил сообщение, где говорилось, что общественное мнение в своих суждениях опирается лишь на неполные и отрывочные сведения, поэтому необходимо разъяснение. Указывалось, что Россия была и остается великой славянской державой, никогда не скупившейся на помощь своим братьям, в данный момент «отстояв Призрен, Ипек, Дьяково, Дибру в интересах славян, Россия сочла нужным согласиться на присоединение к Албании Скутари», но «отношения России к единоверным и единоплеменным государствам не могут быть построены на обязанности русского правительства всегда и во всех случаях исполнять все их желания и требования» [26. С. 338]. Скутарийский вопрос был уже решен.

10 апреля спорная крепость пала (фактически — была сдана ее комендантом). В российской столице вновь прошли радостные манифестации. В тот же день в 6 часов вечера по инициативе Общества славянской взаимности в Спасо-Преображенском соборе был совершен молебен по случаю победы сербско-черногорский войск. Служба отправлялась настоятелем храма протоиереем С.А. Голубевым, призвавшим молиться «за великий по духу черногорский народ». После, согласно газете «Петербургский листок», толпа в 600–700 человек [27] (по данным полиции — около 500 [9. Ф. 102. Оп. 122. 4 дп. 1913 г. Ед. хр. 107. Л. 10]) с пением российского гимна и криками «Ура!» двигалась по середине Спасской улицы (ныне — Рылеева) в сторону Литейного проспекта, чем затрудняла движение трамваев, автомобилей и извозчиков. На Симеоновской улице их встретила полиция во главе с приставом полковником Шебеко, попросившим освободить проезжую часть, что было выполнено. Однако демонстрантам не позволили пройти на Симеоновскую, откуда они желали попасть на Моховую, где находилась болгарская дипломатическая миссия. Из-за этого произошли «частичные столкновения». Задержали 40 человек, после составления протокола и проверки документов, ихпустили.

Количество участников увеличивалось, и, как писала столичная газета, «к Невскому проспекту продвигалась тысячеголовая масса людей разных возрастов и положений». Толпа с пением «Боже, Царя храни» и «Спаси, Господи, люди твоя» подошла к представительству Королевства Сербии. Она ждала выхода посланника, «но вместо него вышла неизвестная женщина», сказавшая, что тот отсутствует, а «в окнах его квартиры виднелись фигуры рабочих маляров, которые, по-видимому, выставляли зимние рамы». К тому моменту толпу окружили значительные силы полиции. Раздался крик: «Господа, во избежание всяких осложнений, расходитесь, чтобы не омрачать сегодняшней радости!». После этого толпа разошлась. Тем не менее до 20.00 по Невскому проспекту разъезжали конные патрули. Однако опасения полиции, что повторятся значительные манифестации не оправдались. Лишь возле газетных киосков собирались группы людей, горячо обсуждавших значение падение Скутари, но и они быстро расходились. На Аничковом мосту ненадолго образовалась толпа, исполнившая гимн, но и ее рассеяли городские «без применения решительных мер» [27]. На следующий день в Казанском соборе состоялась панихида по павшим во время Балканской войны и благодарственный молебен в честь падения Скутари. После около 4000 человек отправилось в сторону Невского проспекта, куда полиция их не пустила. Начались пререкания, толпа разошлась, но часть манифестантов осталась у собора, и порядка 40 из них были задержаны. В четвертом часу дня в Петропавловском соборе депутация из 28 человек возложила

на могилу Александра III венки с надписью «От славянского общества взаимности императору Александру III-му, по случаю взятия черногорцами Скадра» [9. Ф. 102. Оп. 122. 4 дп. 1913 г. Ед. хр. 107. Л. 12–13].

Данная манифестация уже не вызвала столь большого ажиотажа, даже численный ее состав уступал предыдущим. Российское общество услышало позицию правительства и уже не считало вероятным заставить его заступиться за маленькое балканское государство перед всей Европой. Через некоторое время черногорский король был вынужден вывести войска из Скутари и передать его под контроль великих держав.

Как видим, весной 1913 г. в столице Российской империи прошли массовые манифестации, демонстрирующие, что, по крайней мере, образованная часть населения проявляла значительный интерес к событиям на Балканах, радовалась за славян и желала им успехов. Но в то же время особых чувств к непосредственному противнику Балканского союза не проявляла — манифестанты не стремились к посольству Османской империи. Турция явно представлялась не субъектом, а объектом международных отношений. А главным же врагом виделась Австро-Венгрия. Ее давление на великие державы осенью 1912 г. с целью создания независимой Албании и урезания приобретений Белграда сделали империю Габсбургов в общественном сознании врагом славянства № 1.

Руководство России опасалось обострения отношений с Веней, осознавая неготовность страны к большой общеевропейской войне. Весной 1913 г. курс на поддержание мира сохранялся всеми силами, вплоть до разгона манифестантов, поющих государственный гимн. Но среди населения градус ненависти к Австро-Венгрии рос, желание защитить славян крепло, и в августе 1914 г. российское общество вступало в войну с иным настроением, нежели за 10 лет до этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. 1908–1914. М., 2007.
2. *Учаева Н.А.* Мифы и реалии Балканских войн 1912–1913 гг. на страницах русской периодической печати // Славянский сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2009. Вып. 7.
3. *Смирнов Ю.Н.* Глобальные предупреждения провинциального журналиста: публикации Н. Северского (А.И. Свидерского) в период Балканских войн (1912–1913 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2014. Вып. 2.
4. *Артамонова Л.М.* Критика внешней политики правительства на Балканах и антивоенные выступления в самарской печати 1912–1913 годов // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2014.
5. *Гличев И.А.* Борьба общественного мнения в России по Балканскому вопросу (1908–1913 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Львов, 1979.
6. *Гусев Н.С.* Первая Балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5.
7. *Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1912 год.* М., 2004.
8. *Гусев Н.С.* «...Какие вообще высказываются соображения по вопросу желательности вмешательства России в славянский вопрос»: доклад Департамента полиции об отношении населения России к возможности общеевропейской войны в 1912 г. // Славянский альманах 2017. Вып. 1–2.
9. Государственный архив Российской Федерации.
10. *Бобчев С.* Страницы из мюля дипломатическа мисия в Петроград 1912–1913. София, 1940.
11. *Гальперина Б.Д., Перегудова З.И., Старцев В.И.* Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 4–5.

12. Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 1–30: (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). СПб., 1913.
13. *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929.
14. *Мстиславский С.* 13 марта в Государственной Думе // Заветы. 1913. № 3.
15. Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Заседания 31–54: (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). СПб., 1913.
16. *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997.
17. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Мюнхен, 1949. Т. 2.
18. *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XV.
19. Приложение № 211 // Стенографические отчеты / Гос. дума, четвертый созыв, сессия первая. Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. СПб., 1913. Вып. 2: (№ 151–270).
20. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М., 1991.
21. Новое время. 1913. 3 IV.
22. Нива. 1913. 6 IV.
23. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Берлин, 1927.
24. *Хлебникова В.Б.* Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков // Славяноведение. 2015. № 1.
25. *Кострикова Е.Г.* Первая Балканская война и российское общество. Корреспонденты русских газет на театре военных действий // Први балкански рат 1912/1913. године: Друштвени и цивилизацијски смисао (поводом стогодишњице ослобођења Старе Србије и Македоније 1912). Књ. I. Ниш, 2013.
26. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997.
27. Петербургский листок. 1913. 11 IV.

© 2018 г. О.В. СОКОЛОВСКАЯ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 ГОД И СУДЬБЫ РУССКИХ МОРЯКОВ

Статья посвящена судьбам отдельных представителей императорского флота после революционных событий 1917 г., Гражданской войны и «красного террора» в России, когда был фактически уничтожен один из самых блестящих слоев российского общества – русское морское офицерство. Многие из моряков стали узниками многочисленных московских концлагерей, организованных в самом начале 1918 г. Новые материалы повествуют о судьбе контр-адмирала А.П. Угрюмова, который пережил арест, заключение, но был освобожден усилиями его морских друзей и подчиненных, которые сами поплатились за это. Большую роль в освобождении Угрюмова сыграла первая советская правозащитница жена М. Горького Е.П. Пешкова.

The article deals with the plight of some representatives of the Imperial Navy after the revolutionary events of 1917 and the subsequent Civil War and Red terror in Russia, when one of the most brilliant layers of Russian society – the Russian naval officers – was destroyed. Many sailors became prisoners of numerous concentration camps organised in Moscow in the early 1918. New materials concerning the fate of Rear-Admiral A.P. Ugryumov are introduced. He had endured arrest and imprisonment but was released due to the efforts of his marine friends and subordinates who dearly payed for it later. A significant role in the liberation of Ugryumov was played by the first Soviet human rights activist, wife of Maxim Gorky Yekaterina Peshkova.

Ключевые слова: морское офицерство, революция 1917 г., Гражданская война в России.

Keywords: marine officers, Revolution of 1917, Civil War in Russia.

DOI: 10.7868/S0132136618030020

Революционные события февраля–октября 1917 г. и последующая Гражданская война в России стали трагическими для судеб российского морского офицерства. По понятным причинам исследования на данную тему появились лишь в конце XX в. По оценке, произведенной в 1990-х годах военно-морским историком капитаном 1-го ранга Виталием Дмитриевичем Доценко, численность офицерского состава флота на октябрь 1917 г. составляла около 5,5 тыс. человек. Из них более двух тысяч оказались в эмиграции, а из оставшихся более половины погибли в период Гражданской войны или были в дальнейшем репрессированы [1. С. 5]. Историк флота Н.А. Кузнецов также пишет, «что от общего количества офицеров, служивших на флоте к началу 1918 г., около 20–25% оказались в эмиграции, примерно столько же погибло в период Гражданской войны (в боях, от террора, болезней и других причин), остальные остались

Соколовская Ольга Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

на территории Советской России, где значительная их часть была уничтожена в период последующих репрессий» [2. С. 9].

Эта статья посвящена послереволюционной судьбе нескольких известных морских офицеров, любимцев греческой королевы Ольги Константиновны¹, о которых написано немало в только что вышедшей книге о русских военноморских моряках в Греции в 1867–1913 гг. [3].

Большинство русских морских офицеров, окончивших в разное время престижный Морской корпус в Петербурге, прошедших к началу революционного 1917 г. «огонь и воду» и ставших седыми «морскими волками» или крупными морскими чиновниками, оказалось на грани жизни и смерти. По-разному сложились их судьбы, но в целом можно говорить об исчезновении одного из блестящих слоев российского общества — русского морского офицества. Кто остался в России и согласился служить большевикам, были позже репрессированы или навсегда переняли нравы и язык, принятые в совершенно новом мире.

Даже такую прославленную семью русских моряков, верой и правдой служивших России на протяжении столетия, как Бутаковы, давших флоту более 120 морских офицеров (а семь из них ходили с «орлами» на погонах, т.е. были адмиралами), не миновала сия чаша страданий. Среди Бутаковых был наиболее известен один из основателей тактики паровых и броненосных флотов адмирал Г.И. Бутаков (контр-адмиралом он стал в 35 лет, получив должность губернатора и заведующего морской частью Николаева и Севастополя), и его братья — адмирал А.И. Бутаков (1816–1869) и вице-адмирал И.И. Бутаков (1822–1882) [4. С. 188], а также контр-адмирал Александр Григорьевич Бутаков 2-й. Некоторые представители этой семьи приняли участие в Первой мировой войне: А.Г. Бутаков ушел на войну с Гвардейским экипажем; сын контр-адмирала А.И. Бутакова и Веры Васильевны Бутаковой, близкой подруги греческой королевы Ольги, старший лейтенант Александр Бутаков 5-й (крестник королевы) ушел на германский фронт в составе 1-го отдельного батальона Гвардейского экипажа и в декабре 1914 г. был смертельно ранен. Крестник Веры Васильевны Бутаковой Григорий (Гричи) Бутаков командовал крейсером 1-го ранга Балтийского флота «Аврора»². В трагических событиях на Балтийском флоте, которые начались в Кронштадте 1 марта 1917 г., погиб начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал Александр Григорьевич Бутаков (убит возле памятника С.О. Макарову). Командир крейсера «Аврора» капитан 1-го ранга Михаил Ильич Никольский, который пытался призвать к порядку матросов, стихийно собравшихся на очередной митинг, был также зверски убит матросами. В тот же день были убиты: командир 2-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор А.К. Гирс и его помощник, полковник А.Ф. Павлов. Далее события охватили Кронштадт и Гельсингфорс (Хельсинки). Всего в Кронштадте и Гельсингфорсе 1–4 марта было убито более 95 офицеров (данные, как пишет Н. Кузнецов, разнятся). Так, по одним сведениям, в Гельсингфорсе погибло 45 человек, в Кронштадте — 40, Ревеле — 5, Петрограде — 4. Пропали без вести 11 человек и окончили жизнь самоубийством 4, также погибли более 20 кондукторов (старших

¹ Ольга Константиновна, великая княжна, королева эллинов (1851–1926), супруга греческого короля Георга I (1867–1913). Очень любила и покровительствовала русским морякам, за что получила ласковое прозвище «королева-мать русского флота».

² С началом Первой мировой войны «Аврора» стала флагманским кораблем учебного отряда и совершила небольшое практическое плавание с кадетами. 16 июля командиром «Авроры» стал капитан 1-го ранга Г.И. Бутаков, а крейсер вошел в состав 2-й бригады крейсеров Балтийского моря («Россия» (флагманский), «Богатырь» и «Олег») [5].

боцманов или сигнальщиков). Со стороны восставших погибли семь человек. Среди хорошо известных морских деятелей были убиты (заколоты штыками) солдатами и матросами контр-адмирал Аркадий Константинович Небольсин, командир линейного корабля «Император Александр II» Н.И. Повалишин, герой Русско-японской войны, главный командир Кронштадтского порта адмирал Роберт Николаевич Вирен (на Якорной площади Кронштадта, а затем его труп сбросили в овраг). Погиб даже командующий Балтийским флотом вице-адмирал Адриан Иванович Непенин [2. С. 8]. По словам Н.А. Кузнецова, «за несколько дней собственными матросами на одной только Балтике было уничтожено такое число офицеров, которое равнялось половине от погибших на всех театрах войны с 1914 по 1917 г.» [2. С. 9].

Ранее мы писали о сложной и печальной судьбе хорошо известного на флоте героя Русско-японской войны 1904–1905 гг., самого непредсказуемого и оригинального человека – Михаила Сергеевича Рошаковского (1876–1938), о котором сейчас вышло несколько интересных книг [6; 7]. Вернувшись в Россию летом 1914 г. из Дармштадта, где он был секретарем дипломатической миссии с 1908 г., он осуществил свою мечту снова служить на флоте: в начале войны он занимался минированием Балтийского моря. Но на одном месте ему никогда не удавалось поработать, и вскоре ему опять было уготовано новое дело: обустроить морской Север России – незамерзающие порты, следить за прокладкой железной дороги из Петербурга в Мурманск, затем стать начальником службы связи Белого моря (т.е. организовать ее с нуля) и наблюдательных пунктов создаваемой флотилии Северного Ледовитого океана. После Февральской революции Керенский, став военным министром, предложил Рошаковскому взять на себя руководство Мурманским районом и следить за военными поставками союзников. В эти дни ему было присвоено звание капитана 1-го ранга. 16 сентября 1917 г., т.е. накануне Октябрьского переворота, он был уволен с морской службы и перешел в Министерство иностранных дел. Все годы войны капитан М. Рошаковский поддерживал, по мере возможности, отношения с вдовствующей королевой Ольгой, которая жила в Павловске, занимаясь своим лазаретом. Именно он, всегда предвидевший события (что отмечали все его современники), уговорил в 1918 г. Ольгу Константиновну поскорее покинуть большевистскую Россию.

Все эти военные, а потом и революционные годы М.С. Рошаковский блестяще выполнял самые ответственные поручения сначала царского, а затем Временного правительств. Но когда весной 1918 г. в воздухе запахло братоубийственной войной, в которой он не собирался участвовать, он решил эмигрировать и с помощью Ольги Константиновны, находившейся в то время в Лондоне, поселился с семьей в Норвегии. Имея деньги, Рошаковский пытался заняться рыбным бизнесом – торговать с Советской Россией рыбой и рыбьим жиром. Но разве герой мог торговать! Однажды советские корабли – крейсер «Аврора» и учебное судно «Комсомолец» – совершали плавание, следуя вдоль норвежского побережья из Кронштадта в Архангельск. Говорят, увидев их, Михаил Сергеевич плакал.

Живя в Норвегии, он по-прежнему считал, что победа белогвардейцев будет означать, что Россия превратится на десятки, если не на сотни лет в фактическую колонию. Постепенно у Михаила Сергеевича созрело решение вернуться обратно в Россию, точнее в СССР, ставший, по его мнению, преемником Российской империи, в которой проходило возрождение оборонной мощи. В мае 1927 г. его 19-летняя дочь Мария вышла замуж, и старого боевого офицера

больше в Норвегии ничто не держало (с женой они фактически разошлись). Позже Мария Михайловна напишет: «Его возвращение на родину было искренним» [7]. О жизни М.С. Рошаковского в Советском Союзе исследователи судят в основном по его переписке с бывшим революционером, поэтом и ученым Н.А. Морозовым, написавшим фундаментальный семитомный труд «Христос», который впоследствии стал фундаментом так называемой Новой хронологии академика А.Т. Фоменко. Прочитав первый же том «Христа», Рошаковский был от него в полном восторге. С этого момента начинается долгая переписка этих неординарных людей. Хотя их письма в основном посвящены научным вопросам хронологии и организации службы времени, есть в них и личное. Последнее – от 24 октября 1937 г. Вот его текст: «Дорогой Николай Александрович! Все мое время уходит на изыскания себе пропитания. Политическое лицо мое совершенно безупречно: имею московский паспорт, пенсионер, член инженерно-технической секции, пользуюсь избирательными правами. На службе был аккуратен и деятелен, составил лучший наш англо-русский технический словарь, изданный под редакцией нечестного человека Чернухина. За 10 лет был дважды арестован по лживым доносам, и оба раза меня освободили без наложения взысканий, так как ни в чем не был виноват. Итак, прошу посильной работы, которую обещаюсь скоро и исправно выполнить. С юных лет приучил себя к правдивости, что так важно в научной работе. С самым сердечным приветом, М. Рошаковский» [7; 8]. Всероссийской чрезвычайной комиссией М.С. Рошаковский был признан «социально опасным элементом» и осужден на пять лет исправительных работ.

По пути в трудовой лагерь, Михаил Сергеевич оказался в московской Бутырской тюрьме в одной камере с будущим советским писателем 30-летним Львом Разгоном, который позже вспоминал: «Рошаковский был мне бесконечно интересен. Настолько, что я почти все время проводил в разговорах с ним [...] Это было просто удивительно! Он был убежденный монархист, националист и антисемит. Я был коммунистом, интернационалистом и евреем. Мы спорили почти все время. И выяснилось, что можно спорить с полностью инакововерующим не раздражаясь, не впадая в ожесточение, с уважением друг к другу [...] Для меня это было подлинным открытием» [9. С. 141]. Рошаковского отправили в трудовой лагерь в Казахстане, где он умер в 1938 г. В то время ему было 62 года. Благодаря настойчивости сестры Софьи Сергеевны в 1964 г. Михаил Сергеевич Рошаковский был реабилитирован. Морской писатель В. Шигин пишет: «Так вдали от столь любимого им моря закончил свой жизненный путь последний рыцарь старого флота, последний герой прошедшей эпохи, несгибаемый и честный, дерзкий и неутомимый Михаил Рошаковский» [6. С. 140].

Непросто сложилась судьба капитана 1-го ранга Михаила Юрьевича Гаршина, который находясь в должности секретаря греческой королевы Ольги приехал в Россию за два дня до начала Первой мировой войны и оставался там до 1918 г., пережив вместе со всеми моряками трагедию крушения императорской России и ее флота. Гаршин был самым преданным помощником Ольги Константиновны в ее личных и благотворительных делах в эти годы. Ненадолго Гаршин «отпросился» у королевы на войну, где успешно руководил приемкой раненых в прифронтовых госпиталях, но очередное ранение и операция заставили его вернуться к канцелярским делам секретаря королевы и помогать в организации Павловского лазарета [10. С. 92–119]. После Октябрьского переворота 1917 г. Гаршину с большим трудом удалось сначала отправить королеву с датским поездом Красного Креста за границу, а затем и самому уехать в Грецию. Жена

с детьми покинули его. После крушения монархии в Греции в 1920-х годах капитана Гаршина ждала судьба русского эмигранта: жил в Чехии, а умер (или погиб от бомбежки) в Бизерте в 1943 г. и похоронен там же. А по другим сведениям он жил и умер в г. Тунисе и похоронен на кладбище Боржель [11. С. 43]. В 1937 г. он опубликовал в сборнике «Русская морская зарубежная библиотека» очень хороший очерк о греческой королеве Ольге и ее любви к флоту, приведя десятки неопубликованных ранее писем королевы к нему за 1907–1917 годы [12]. Гаршин написал в годы Второй мировой войны книгу «Русские знаки отличия за храбрость, войны и походы», которая до последнего времени хранилась в рукописном отделе Российской библиотеки в Москве. Рукою капитана 1-го ранга М.Ю. Гаршина на титульном листе была сделана надпись: «Посвящается моей Великой Родине – России. 26 XI 1946 года». Опять загадка!

Из эмигрировавших за границу военных моряков относительно благополучно сложилась судьба капитана 1-го ранга, одного из любимцев греческой королевы, красавца, умницы и храбреца Сергея Сергеевича Погуляева (1873–1941). Возможно, это было связано с тем, что он был известен в зарубежных военно-морских кругах, будучи в довоенные годы военно-морским агентом во Франции, Испании и Португалии и сыграл некоторую роль в укреплении российско-французских отношений. С.С. Погуляев воевал в Первой мировой войне и был награжден боевыми орденами за проявленную храбрость [13. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4337] и стал контр-адмиралом. С октября 1916 г. по апрель 1917 г. он служил начальником штаба Черноморского флота, пока, по настоянию военного и морского министра Временного правительства Александра Ивановича Гучкова, не был отстранен от должности за отказ снять императорские вензеля на погонах. С 1918 г. по 1919 г. Погуляев на французской службе в чине контр-адмирала с причислением к Морскому генеральному штабу. Есть запись от 30 июля 1919 г. о том, что контр-адмирал являлся членом особого совещания в русском посольстве в Лондоне по вопросу эксплуатации русского торгового флота союзниками (Флотилия Северного Ледовитого океана) [13. Ф. 129. Оп. 1. Д. 83. Л. 10], т.е. о снабжении Временного правительства Северной области, которое сменило советскую власть в Мурманске летом 1918 г. В 1919 г. он – начальник Управления по делам русских военных и военнопленных за границей; в 1919–1920 гг. С.С. Погуляеву была поручена связь между морским министерством А.И. Деникина и П.Н. Врангеля и союзниками (странами Антанты). Судьба была благосклонна к этому замечательному человеку. В Гражданскую войну, перейдя на сторону антибольшевистских сил, Сергей Сергеевич Погуляев получил звание адмирала, а затем эмигрировал. В 1924 г., находясь в Бельгии, он создал Русский союз морских офицеров, впоследствии вошедший во «Всезарубежное Объединение Русских Морских Организаций». Умер 3 марта 1941 г. в Париже [11. С. 108].

С объявлением большевиками Красного террора в сентябре 1918 г. страна, как пишут, покрылась сетью узилищ, застенков и местами массовых казней. Например, только в августе 1921 г. органы ВЧК арестовали более половины из находившихся в Петрограде офицеров флота. Многих из арестованных в Питере моряков переправляли в Москву. Расстрелы бывших царских офицеров, дворян, священников и других «контрреволюционных элементов» в 1918–1919 гг. происходили в Кремле, в московских парках, почти на всех городских кладбищах, в подвалах тюрем, монастырей, превращенных в тюрьмы, в храмах. Считались «расстрельными» московские монастыри: Спасо-Андрониковский, Ивановский и Новоспаский, обращенный в застенок еще в начале января 1918 г.

Для лучшего понимания происходившего приведем слова М. Лациса, заместителя председателя ВЧК: «Мы не ведем войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность Красного террора» [14].

Декретом от 12 января 1918 г. «О демократизации флота» были упразднены «существовавшие до сих пор названия чинов, подчеркивающие кастовые различия», и все военнослужащие флота стали именоваться «Моряк военного флота Российской Республики» или кратко — «военмор». Но это было не самым большим унижением.

Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) хранит документы о нелегкой судьбе многих моряков, в том числе о судьбе вице-адмирала Алексея Петровича Угрюмова, участника Русско-японской войны, занимавшего к 1917 г. высшие руководящие должности на флоте³. Вице-адмирал А.П. Угрюмов, адмирал Р.Н. Вирен, моряк и ученый, контр-адмирал Н.Л. Кладо и некоторые другие остались в России, встретив отречение царя без сожаления, и перешли на службу Временного правительства. Большевистский переворот, приведший к власти людей, ненавидящих русское дворянство — и особенно лучшую его часть — морское офицерство, стал для них тяжелым испытанием, из которого живыми вышли немногие (адмирал Р. Вирен был убит одним из первых).

Семья вице-адмирала А.П. Угрюмова оставалась в России до 1920 г. До начала Первой мировой войны Угрюмов занимал должность помощника начальника Морского генерального штаба; с июля 1913 г. — вице-председателя временного Морского крепостного совета Морской крепости императора Петра Великого. С января 1915 г. Угрюмов — член от Морского министерства в Совете Добровольного флота, с июня — начальник Главного управления кораблестроения, одновременно член Совещания по судостроению. Ему было присвоено звание вице-адмирала. В июле 1916 г. он стал главнокомандующим Архангельска и Беломорского водного района, а с ноября 1916 г. — председателем Совещания по морским перевозкам в Главном управлении (ГУ) заграничного снабжения. В апреле 1918 г. в связи с ликвидацией ГУ (после заключения Брестского мира), в 60 лет вышел в отставку (с пенсией в 250 руб.). Служил в исторической комиссии при Морской академии, где занимался составлением монографии об истории Беломорского района во время Первой мировой войны, а также о деятельности Морского совета по постройке крепости Петра Великого [13. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4675. Л. 290, 301]. С апреля 1919 г. А.П. Угрюмов служил секретарем при краткосрочных педагогических курсах Наркомата просвещения.

Начавшаяся в России Гражданская война резко изменила жизнь всех морских офицеров, которые стали заложниками в своей стране. В ночь с 27 на 28 мая 1919 г. А.П. Угрюмов был арестован (вместе с женой) на своей квартире в Петрограде на Адмиралтейском канале (д. № 21) без предъявления обвинения

³ Угрюмов Алексей Петрович (1859—1937). В 1880 г. — окончил Морской корпус, в 1891 г. — Минный класс, в 1902 г. — Николаевскую морскую академию. С 1902 г. — командир миноноски «Строгий», с 1903 г. — заведующий обучающимися в учебном отряде Черноморского флота. С 1904 г. — участник Русско-японской войны флаг-капитаном штаба командующего 1-й эскадрой флота Тихого океана, затем командир крейсера 1-го ранга «Россия», в 1905 г. — командир крейсера 1-го ранга «Громобой», затем транспорта «Монгучай» и командир посыльного судна «Алмаз», в 1906 г. — крейсера 1-го ранга «Паллада», в 1908 г. — крейсера «Рюрик».

и приговорен к заключению, как и сотни других людей, до конца Гражданской войны по распоряжению ВЧК⁴. При обыске в его квартире ничего подозрительного не обнаружили, но конфисковали ордена и погоны. На следующий день Софью Николаевну освободили из-под ареста, а вице-адмирала, теперь «военмора» Угрюмова, до отправки в концлагерь в Москве заключили в Военную тюрьму (по адресу: Нижегородская ул., д. 39). При допросе в этой тюрьме обвинение опять не было предъявлено. В записке, составленной Алексеем Петровичем 26 июня 1919 г. в тюрьме, высказывается предположение, что основанием для его ареста стало желание некоторых лиц поселиться в самых роскошных квартирах в лучших домах «адмиралтейской части» Петрограда. В Москву он был отправлен 18 июня 1919 г. 1 октября 1919 г. — приговорен к заключению в концлагерь до конца гражданской войны.

В Москве он оказался узником Ново-Песковского концлагеря, который был открыт 1 мая 1919 г. по адресу: Ново-Песковский переулок или Проточный, 9 (сейчас на этом месте находится посольство Великобритании) [15. Ф. Р-4042. Оп. 1а. Д. 16. Л. 13] в здании «уездного арестного дома». Это был один из первых советских концлагерей, возникших в самом начале Гражданской войны под управлением ВЧК в центре Москвы. Рядом находился Смоленский рынок, на который Угрюмову иногда удавалось выбраться, чтобы не умереть с голоду. Там он мог передать записочки жене и друзьям. В одной из них от 26 июня 1919 г. он написал: «Москва. Концлагерь. Большой Ново-Песковский переулок. Смоленский рынок. Изрядно голодаем. Ваш А. Угрюмов» [13. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4675. Л. 74—77]. Его верная жена Софья Николаевна сразу после ареста переехала вслед за мужем в Москву, поселившись на Арбате, недалеко от здания концлагеря (Николо-Песковский пер., д. 9, кв. 7). Она очень беспокоилась о здоровье мужа, имевшего слабое сердце и перенесшего крупозное воспаление легких. 18 июля 1919 г. С.Н. Угрюмова обратилась к управляющему делами Народно-комиссариата по морским делам⁵ Н.И. Игнатьеву, который хорошо знал ее мужа ранее, прося о встрече. Софья Николаевна не ошиблась адресом, и, надо сказать, что Н.И. Игнатьев, а также Евгений Андреевич Беренс⁶, который был в это время командующим всеми морскими силами Советской республики, сделали все, что было в их силах, чтобы сначала облегчить, а затем освободить их бывшего начальника и замечательного человека.

Здесь мы сделаем небольшое отступление, рассказав о судьбе самого Евгения Андреевича Беренса и его родного брата — Михаила Андреевича Беренса, которая весьма показательна для этого периода русской истории. Две судьбы складывались похоже до 1917 г., ставшим переломным для обоих.

Е.А. Беренс в должности старшего штурмана крейсера «Варяг» (на этом посту сменил брата Михаила Беренса, переведенного на эскадренный броненосец «Севастополь») участвовал в бое у Чемульпо в Русско-японскую войну;

⁴ Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК при СНК РСФСР) была создана в декабре 1917 г. Упразднена — в феврале 1922 г. с передачей полномочий ГПУ при НКВД РСФСР. ВЧК РСФСР, являясь органом «диктатуры пролетариата», была основным инструментом реализации «красного террора» — комплекса карательных мер, проводившихся большевиками в ходе Гражданской войны в России против социальных групп, провозглашенных классовыми врагами или обвиненных в контрреволюционной деятельности.

⁵ Народный комиссариат по морским делам РСФСР — государственный орган РСФСР, осуществлявший руководство Военно-Морским Флотом. Действовал с февраля 1918 г. (после упразднения Морского министерства) по 12 ноября 1923 г.

⁶ Евгений Андреевич Беренс (1876—1928) — офицер русского и советского флота.

был контужен, но остался в строю; за проявленную храбрость получил орден Святого Георгия 4-й степени. В 1906—1909 г. служил на эскадренном броненосце «Цесаревич», входившем в состав Отдельного отряда судов Средиземного моря, неоднократно бывал в Греции. В декабре 1908 г., будучи старшим офицером «Цесаревича», проявил исключительную самоотверженность, помогая, наряду с экипажами других русских кораблей, пострадавшим от землетрясения жителям Мессины (о. Сицилия, Италия). Был награжден итальянским правительством специальной серебряной медалью. Позже Е.А. Беренс преподавал в Морском корпусе и в Академии Генерального штаба. В 1910—1914 г. он был военно-морским агентом в Германии и Голландии, а в 1915—1917 г. — в Италии. В 1916 г. произведен в капитаны 1-го ранга. В 1917 г. после Февральской революции возвратился в Петроград по собственной инициативе, возглавил иностранный статистический отдел Морского генерального штаба (МГШ). Но наиболее резкая перемена в его судьбе произошла после октябрьских событий. Морской историк В. Катаев в книге о крейсере «Варяг» пишет: «Старший штурман крейсера Е.А. Беренс явился полной противоположностью основной массы офицеров крейсера. Не задумываясь, он принял Октябрьскую революцию и перешел на службу в Красный флот» [16]. Долгое время Беренс занимал ряд ведущих постов в руководстве флотом: с ноября 1917 по апрель 1919 г. он был начальником Морского генерального штаба, в апреле—августе 1918 г. — членом Высшего военного совета, а с апреля 1919 по февраль 1920 г. Е. Беренс уже командующий Морскими силами Советской Республики (Рабоче-Крестьянским Красным флотом). В Гражданскую войну он весьма успешно руководил боевыми действиями на морях, а также созданными им же речными и озерными флотилиями. Эти 20 флотилий поддерживали части Красной армии под Чистополем и Елабугой, на Волге, Ладоге, Онеге и на Каспии, в частности в боях за Царицын [17]. Весной 1920 г. Е.А. Беренс составил воззвание к русским военным морякам, сражавшимся против большевиков: «Обращаемся ко всем морякам, всякого звания, чина и положения, где бы они ни находились, за пределами Советской России, и в особенности к морякам Черноморского флота, с искренним и горячим призывом. Забыть рознь, происшедшую в последние годы, и соединиться с нами для спасения русского народа и его земли» [18; 19].

Впоследствии он находился на дипломатической службе, где проявил незаурядные способности. Е. Беренс участвовал в качестве военно-морского эксперта в работе советской делегации на Рижской (1921 г.), Генуэзской (1922 г.), Лозаннской (1922—1923 гг.) мирных конференциях. На конференции по сокращению военно-морских вооружений в Риме (1924 г.) он выдвинул требование о возвращении Русской эскадры, уведенной белогвардейскими моряками во французскую военно-морскую базу Бизерту (Тунис) и интернированную французским правительством. С 1924 г. — Беренс военно-морской атташе СССР в Великобритании в звании флагмана (соответствует контр-адмиралу), с 1925 г. по совместительству военно-морской атташе во Франции. В конце 1924 г. в составе советской технической комиссии для ведения переговоров относительно судьбы судов Русской эскадры (которой командовал его брат М.А. Беренс) он прибыл на французскую базу Бизерту. Было принято решение вернуть эскадру в Севастополь, однако передача судов советской стороне, по многим причинам, так и не состоялась. Эскадра осталась в Бизерте, где ее корабли были (по официальной версии) разрезаны на металлолом, а по другой — изъяты французами, перекрашены и поступили во французский флот. С мая 1927 г. по апрель 1928 г. Е.А. Беренс находился при исполнении особо важных поручений при нарком

по военным и морским делам, но был отозван с дипломатической работы из-за критического отношения к развитию военных контактов СССР с Германией. Затем он занимался научной и преподавательской работой; переводил издания Германского морского архива «Война на Северном море», мемуары У. Черчилля и др. Скончался в 1928 г. после тяжелой болезни в военном госпитале в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище [20. С. 111–112]. По мнению его потомков, он умер своевременно и не подвергся репрессиям, как его родственники в СССР. В 1930-х годах могила Е.А. Беренса была уничтожена, но в 1989 г. восстановлена по инициативе его крестницы Т.А. Громовой. Новое надгробие было открыто в торжественной обстановке в 2002 г. [16; 21].

Его родной младший брат Михаил Андреевич Беренс (1879–1943) к началу революции 1917 г. был уже контр-адмиралом; в Русско-японскую войну проявил героизм при обороне Порт-Артура. В начале Первой мировой войны он был назначен командующим эсминца «Новик», который в ночь на 15 августа принял в Рижском заливе неравный бой с двумя немецкими кораблями, и германские миноносцы отступили. Михаил Андреевич, как и большинство русских дворян-офицеров, не принял пролетарской революции, став врангелевским адмиралом. На его долю выпала трагическая честь быть последним командующим (январь 1921 – октября 1924 г.) отряда кораблей Черноморского флота Русской эскадры, ушедшей из Константинополя во французскую военно-морскую базу Бизерту в Тунисе. Там М. Беренс сумел обеспечить ремонт кораблей, сохранение основного состава и продолжение обучения гардемарин по программе Морского корпуса до разоружения Русской эскадры после признания СССР Францией 29 октября 1924 г. В семье Беренсов бытовал рассказ о том, что в Бизерте Михаил Андреевич не пожелал встретиться с родным братом Евгением, но есть и другие сведения. Умер и похоронен М.А. Беренс на кладбище г. Мегрин, близ г. Тунис [20]. В связи с ликвидацией местного кладбища 30 апреля 2001 г. его прах был перенесен на кладбище Боржель в г. Тунис. Надгробная плита по инициативе адмирала И.В. Касатонова была доставлена на ракетном крейсере из России и с почестями установлена на могиле контр-адмирала.

Но вернемся к судьбе Алексея Петровича Угрюмова. Через комиссию по делам заключенных при ВЧК Е.А. Беренс и Н.И. Игнатьев отслеживали места пребывания военмора А.П. Угрюмова, временно добились, чтобы его посылали ежедневно для разборки морского архива, а затем в августе подписали необходимое «поручительство», взяв на себя «полную ответственность за поведение военмора А.П. Угрюмова» [13. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4675. Л. 291]. Они просили принять во внимание преклонный возраст и состояние здоровья Алексея Петровича и писали: «Хорошо лично знали Угрюмова, берем на себя ответственность за него в любых отношениях. Е. Беренс, Н. Игнатьев» [13. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4675. Л. 287]. Поручились за Угрюмова и его коллеги по работе в Морской Академии, в числе которых был историк и теоретик русского флота, бывший генерал-майор по Адмиралтейству, Николай Лаврентьевич Кладо (1862–1919).

13 ноября 1919 г. Беренс и Игнатьев обратились в президиум ВЧК в связи с постановлением Всероссийского ЦИК об амнистии «весьма нужных работников» с просьбой об освобождении А.П. Угрюмова из концлагеря [13. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4675. Л. 430]. Ответ не последовал, но они не прекращали обращаться в различные инстанции. Игнатьев писал в комиссию ВЧК о том, что в связи с утверждением положения о военных и морских инспекциях, наиболее подходящей кандидатурой следует признать военмора А.П. Угрюмова, находящегося в заключении в Ново-Песковском концлагере, и просил рассмотреть вопрос

о возможности его освобождения [13. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4675. Л. 289]. Такая активность руководителей флота вызвала недовольство начальства концлагеря, и Угрюмова тайно перевели в другой (Ивановский⁷) концлагерь. Беренс был удивлен, что, по распоряжению т. Кедрова⁸, А.П. Угрюмова «неизвестно почему перевели в другой лагерь — Ивановский, 10». Вскоре Игнатъев получил письмо от С.Н. Угрюмовой, которая писала о том, что для А.П. Угрюмова «возобновлен строгий тюремный режим; его силы, моральные и физические, стали падать», и просила облегчить его участь, заключая письмо словами: «Как я исстрадалась душой и как мне его жаль!» [13. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4675. Л. 310]. Оставался один путь — написать письмо лично наркому по военным и морским делам и председателю Реввоенсовета Л.Д. Троцкому. Безусловно, кто-то, по просьбе Беренса или Игнатъева, помогал С.Н. Угрюмовой составить текст письма, употребляя совершенно незнакомые ей выражения и должности. В РГА ВМФ хранится печатный вариант этого письма от 3 декабря 1919 г.: «Многоуважаемый Лев Давидович! Беру на себя смелость просить Вас обратить внимание на дело моего мужа А.П. Угрюмова, бывшего военного моряка, который заключается в Ивановском лагере, об освобождении которого, с назначением его на должность морского инспектора, хлопочет морком». Далее она перечисляет все его последние должности, в том числе последнюю работу при историческом отделе Морской академии, где ему было поручено составить обзор театра военных действий Балтийского моря — Архангельского района и работы по постройке крепости Петра Великого. «Эти работы прерваны арестом. Позволю себе просить Вас позволить моему мужу закончить эти работы. Арестован он был в Петрограде 27(28) мая без предъявления обвинения и приговорен к заключению до конца Гражданской войны по распоряжению ВЧК». Письмо Софья Николаевна заключала словами: «Призвав моего мужа на работу, Вы получите опытного военно-морского специалиста, с радостью готового исполнять работу, которая будет на него возложена упрморкомом. За политическую благонадежность и верность долгу может свидетельствовать то, что, будучи совершенно свободным в своих действиях, он не признал принципа саботажа и довел свою работу до конца, не касаясь политических событий. Я была бы очень счастлива, если все важно жизненное вы позволили бы мне объяснить Вам лично» [13. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4675. Л. 318]. Из канцелярии Троцкого немедленно пришла телеграмма от т. Зейца, «вриоуправканц»: «Прошу срочно сообщить, что из себя представляет и за что он находится в заключении в Ново-Песковском концлагере. Для доклада тов. Троцкому» [13. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4675. Л. 314]. К счастью, в судьбе бывшего вице-адмирала Угрюмова приняла участие жена Максима Горького Екатерина Павловна Пешкова⁹, занимавшаяся амнистией заключенных. В конце декабря 1919 г. для нее юридический отдел Московского политического

⁷ Ивановский концлагерь («Ивановский исправительный дом на Солянке») располагался в центре Москвы в здании Ивановского монастыря (сейчас здесь Иоанно-Предтеченский женский монастырь).

⁸ Кедров Михаил Сергеевич (1878–1941) — революционер, деятель советских спецслужб. В 1901 г. вступил в РСДРП, большевик. Свою часть отцовского наследства (около 100 тыс. рублей золотом) передал партии. С сентября 1918 г. — начальник Военного отдела ВЧК. После того как в декабре 1918 г. Военный контроль и Военный отдел ВЧК были объединены в Особый отдел ВЧК, — начальник Особого отдела. В 1918 г. М.С. Кедров, совместно с А.В. Эйдуком, занимался созданием первых концлагерей и реализацией политики «красного террора». В 1937 г. арестован; в октябре 1941 г. расстрелян.

⁹ Пешкова Екатерина Павловна (1876–1965), российский и советский общественный деятель, правозащитница, жена писателя Максима Горького.

Красного Креста попросил Угрюмова заполнить «Опросный лист», где в графе «Особые замечания» (в которой его просили «по возможности подробнее изложить сущность дела и допроса»), он написал: «В чем дело, не знаю. Служил при советской власти до упразднения отдела морских перевозок по заключению Брестского мира. Уволен советской властью с пенсией, ни в каких контрреволюционных выступлениях не замешан и, казалось бы, вполне подхожу под условие Амнистии. Семь месяцев лишен всякого заработка, почему с женой терпим большую нужду. Кое-как пробиваемся, для пропитания продаем последние вещи. Для выдачи пенсии моей жене по моей доверенности Петроградское казначейство требует удостоверения, что я май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь сего года нахожусь в живых, нигде не служу и не лишен пенсии. Прошу ходатайства о выдаче мне такого удостоверения для получения пенсии за вышеуказанные 8 месяцев. Также прошу ходатайства о моем освобождении, дабы я мог зарабатывать средства для пропитания как себя, так и жены. Подпись А. Угрюмов». Угрюмов еще раз подчеркивал, что «ни в каких контрреволюционных выступлениях не замешан» [12. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 260. С. 14. Автограф]. В январе 1920 г. заведующим юридическим отделом Московского Политического Красного Креста был подготовлен текст справки для ходатайства Е.П. Пешковой об освобождении А.П. Угрюмова.

Весной 1920 г. он был освобожден. (По некоторым сведениям в 1920 г. вновь был ненадолго арестован.) Но все-таки им с женой удалось вырваться из новой и жестокой к ним России и эмигрировать во Францию и умереть своей смертью. 14 декабря 1937 г. вице-адмирал Алексей Петрович Угрюмов скончался в Русском доме в Сен-Женевьев-де-Буа [10. С. 137]. И это еще счастливая судьба одного из лучших военно-морских офицеров, верой и правдой служившего Отечеству.

Софья Николаевна пережила мужа на девять лет; в последние годы жизни она приняла монашество под именем Ольги в знак любви и уважения к своей подруге всей жизни – греческой королеве Ольги Константиновны. Похоронена на парижском кладбище рядом с мужем. В эмиграции С.Н. Угрюмова возобновила переписку с Ольгой Константиновной, которая в 1920-х годах ненадолго вернулась в Грецию, где королем вновь стал ее старший сын Константин. Находясь в Греции, вдовствующая королева постоянно оказывала посильную помощь многочисленным беженцам – русским эмигрантам и грекам, бежавшим из Малой Азии после неудачной греко-турецкой войны. Она писала 23 февраля 1922 г. С.Н. Угрюмовой, жене контр-адмирала А.П. Угрюмова, находившейся уже в эмиграции во Франции: «Сердце за них болит, они такие несчастные! [...] Их так всех много, что всем и помочь нельзя, и при этом получаю массу просьб о помощи со всех концов Европы от дорогих морячков и от других, а всем помочь невозможно. Я иногда хотела бы быть на перекрестках, громко и долго, от отчаяния! Совестно жить в удобстве при виде нищеты кругом!» [22. С. 102–107]. После поражения греков в войне с Турцией¹⁰ в 1922 г. короля Кон-

---

¹⁰ Вторая греко-турецкая война 1919–1922 гг. (Малоазиатская кампания). Война между Грецией и Турцией за контроль над Восточной Фракией и районом Смирны (Измир) на эгейском побережье Малой Азии. В октябре 1919 г. умер греческий король Александр – сторонник Антанты, которая и толкнула Грецию на войну, и к власти вернулся его отец Константин, придерживавшийся прогерманской ориентации. Теперь англичане отказались от поддержки греческих действий в Анатолии. Еще раньше это сделали французы, не желавшие усиления британского влияния в Восточном Средиземноморье. Несмотря на первоначальные успехи греческих войск (к лету 1921 г. им удалось оккупировать почти весь запад Малой Азии), война закончилась для Греции полным разгромом и греко-турецким обменом населением [23].

стантина вторично свергли, и монархической семье пришлось покинуть Грецию. Ольга Константиновна больше никогда не была там, а в 1926 г. тихо скончалась в Риме в кругу своих детей на вилле младшего сына Христофора.

Большевицкий переворот октября 1917 г. и Гражданская война в России стали катастрофой не только для русского морского офицерства, но и для всего флота. Императорский военно-морской флот, с огромными трудностями возродившийся к началу Первой мировой войны (он представлял собой весьма грозную силу), просуществовал совсем недолго. В 1914–1916 гг. небольшая часть его участвовала в боевых операциях, а после выхода Советской России из войны в марте 1918 г., в связи с заключением Брестского мира между большевиками и немецким правительством, его ждала печальная участь. В 1918–1920 гг. большинство кораблей Черноморского флота было потоплено по указанию В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого (кстати, по предложению Е.А. Беренса), часть обманым путем перешла в руки противников России (захвачена немцами), а часть уничтожена англичанами. Теперь известна история «Ледового похода» под командованием контр-адмирала А.М. Щастного, который в тяжелейших условиях перевел 236 кораблей Балтийского флота из северных портов в Кронштадт. Но вместо благодарности Щастный, по указанию Троцкого, был расстрелян в Москве, став одной из первых жертв большевистского террора. Остатки императорского военно-морского флота послужили чуть позже основой для военно-морских сил СССР. Быстро возродившийся советский флот, в свою очередь, пережил тяжелейшие потери как в годы Второй мировой войны, так и более всего – в 90-е годы XX в. Сегодня в Российской Федерации вновь взят курс на возрождение Военно-Морского Флота, а историки вспоминают его героические страницы и пытаются восстановить биографии его лучших представителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Доценко В.Д. Под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 гг. // Колесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом. СПб., 1992.
2. Кузнецов Н. Русский флот на чужбине. М., 2001.
3. Соколовская О.В. Русские моряки в Греции. (1867–1913 гг.). М., 2017.
4. Врубель В.А. Адмиралы Бутаковы. Флотская слава России. М., 2014.
5. Поленов Л.Л. Крейсер «Аврора». Л., 1987.
6. Шигин В.В. Последние герои империи. М., 2013.
7. Братбак Бьорн. Герой Порт-Артура и узник ГУЛАГА: капитан 1-го ранга Михаил Сергеевич Рошачковский. <http://flot.com/history/personalities/roschakovsky/>. (Дата обращения – 23.11. 2016).
8. Соколовская О.В. Герой на фоне эпохи. (Судьба русского морского офицера М.С. Рошачковского) //Славяноведение. 2016. № 5.
9. Разгон Л.Э. Плен в своем отечестве. М., 1994.
10. Письма капитана 1-го ранга М.Ю. Гаршина к королеве эллинов Ольге Константиновне Романовой в годы Первой мировой войны. (Составитель и автор предисловия О.В. Соколовская) // Славяноведение. 2006. № 1.
11. Мартиролог русской военно-морской эмиграции (по изданиям 1920–2000 гг.). М.; Феодосия, 2001.
12. Гаршин М.Ю. Королева эллинов Ольга Константиновна // Русская морская зарубежная библиотека. Прага, 1937.
13. Российский Государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ).
14. Газета «Красный террор». 1 ноября 1918 г.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
16. Катаев В.И. Крейсер «Варяг». СПб., 2002. Ч. 1.
17. Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М., 2002.
18. Егорьев В.Е. Е.А. Беренс. Некролог / Морской сборник. 1928. № 4.

19. <http://pomnipro.ru/memorypage4209/biography>. (Дата обращения – 2 декабря 2017).
20. *Алексеев М.А., Колтакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012.
21. *Петраш В.Е.А.* Беренс (К 90-летию со дня рождения) // Военно-исторический журнал. 1995. № 11.
22. «Совестно жить в удобстве при виде нищеты кругом!» Письма королевы эллинов Ольги в фондах РГА ВМФ. 1922 г. / Публ. подг. М.Е. Малевинская, В.С. Соболев // Отечественные архивы. 2006. № 4.
23. *Дрогозов И.Г.* Турецкий марш: Турция в огне сражений. М., 2007.

© 2018 г. *Ар.А. УЛУНЯН*

СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОЦЕНКАХ ЦРУ США (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 60-х – НАЧАЛО 70-х ГОДОВ XX ВЕКА)

Взаимоотношения внутри Восточного блока представляли постоянный интерес для американского разведывательного сообщества и его главного члена в лице ЦРУ. Советско-болгарские внешнеэкономические отношения изучались со стороны ЦРУ с учетом места и роли Болгарии в советской внешней политике как в целом, так и в контексте Балканской региональной ситуации. Как и в отношении других стран Восточной Европы, хотя и в меньшей степени, Вашингтон ожидал проведения в Болгарии реформ.

Interactions within the Eastern Bloc were of constant interest to the American intelligence community and to the CIA as its leading agent. In this connection, economic links between the USSR and its allies, namely the members of the Bloc, had distinct importance. The CIA closely watched the Soviet-Bulgarian bilateral economic cooperation taking into account Bulgaria's place and role in the Soviet foreign policy both in general and in the context of the situation in the Balkan region particularly. As befitted other East European countries although to a less degree, Washington was awaiting possible reformist changes in Bulgaria.

Ключевые слова: Л. Брежнев, Т. Живков, СЭВ, США, ЦРУ, советско-болгарские внешнеэкономические отношения.

Keywords: Leonid Brezhnev, Todor Zhivkov, COMECON, USA, CIA, Soviet-Bulgarian economic relations

DOI: 10.7868/S0132136618030032

К середине 60-х годов XX в. положение Народной Республики Болгарии в коммунистическом Восточном блоке и на международной арене характеризовалось рядом черт, главными из которых были исключительная лояльность руководства НРБ во главе с Т. Живковым в отношении СССР практически по всем вопросам внешней и внутренней политики и курса на укрепление болгарских позиций в Балканском регионе. Особое место во взаимоотношениях болгарской стороны с Советским Союзом занимали вопросы экономического и хозяйственного сотрудничества. Ряд эпизодов из его истории получил после падения коммунистического режима правовую оценку, в частности, в расследовавшемся Главной прокуратурой Болгарии секретном деле № 4 от 1990 г. под кодовым названием «Направление Дельта-М» и посвященном операциям

Улунян Артем Акопович – д-р ист. наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01728), полученного ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

с золотым резервом Болгарии [1]. Многие ранее секретные материалы по этой теме стали доступны после публикации третьей части исследования «История внешнего государственного долга Болгарии, 1878—1990» [2] и документальных сборников Болгарского национального Банка [3].

Болгария рассматривалась большинством европейских стран Западной Европы и США как самый преданный союзник СССР, через который Москва, при определенных обстоятельствах, стремится реализовывать свои внешнеполитические планы внутри коммунистического блока в Организации Варшавского Договора (ОВД) и Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ). Одновременно обращалось внимание и на действия Софии как «доверенного» лица Москвы на Балканах и Восточном Средиземноморье. В этой связи внутри- и внешнеполитические действия руководства НРБ, с одной стороны, оценивались на Западе как безоговорочное следование советской линии, а с другой, как объект особого интереса с точки зрения определения перспектив развития ситуации внутри уже самого Восточного блока. После восстановления 24 марта 1959 г. дипломатических отношений с США, разорванных по инициативе болгарской стороны 20 февраля 1950 г., и повышения статуса американского дипломатического представительства в Софии 28 ноября 1966 г. до уровня посольства, в Вашингтоне все больше внимания уделяли складывавшейся в НРБ общественно-политической ситуации, ее экономическому развитию, оборонным возможностям и взаимоотношениям с главным союзником в лице СССР в контексте общего положения внутри ОВД и СЭВ, а также региональной балканской политики. Стремление добиться укрепления дипломатического присутствия США в Болгарии, способствовавшего бы расширению информационных возможностей американской стороны на «болгарском направлении», являлось свидетельством постепенной активизации американского интереса в отношении проводившейся официальной Софией внутренней и внешней политики. Анализ действий руководства НРБ и прогнозы его дальнейших шагов в политической, экономической и оборонной областях, характер и перспективы взаимоотношений с СССР делались не только в американском внешнеполитическом ведомстве, но и в разведывательном сообществе США, в котором Центральное разведывательное управление занимало традиционно важное место. «Болгарская тема» освещалась по линии ЦРУ в информационно-аналитических материалах в виде ситуационных, посвященных конкретной проблематике записок и регулярных периодических изданий ограниченного пользования, а также в материалах Радио «Свободы/Свободная Европа», которая в это время была связана с ЦРУ и располагала специалистами из числа сотрудников радиостанции, занимавшихся аналитической работой по широкому кругу проблем стран Восточной Европы, включая экономические и социально-политические вопросы. Эксперты радиостанции отмечали в докладе «Экономическая реформа в Болгарии» от 9 декабря 1965 г. непоследовательность предпринимавшихся властями мер и их опасения потерять контроль над централизованной экономикой [4].

Аналитики из Отдела исследований и докладов ЦРУ, в свою очередь, составили к апрелю 1966 г. специальный доклад «Экономические проблемы усиливают политические различия в Восточной Европе» [5]. Они проследили тесную взаимосвязь между экономическим развитием и политикой европейских коммунистических стран как в самом Восточном блоке, так и за его пределами, а также роль в этом процессе СССР. Вывод экспертов американской разведки заключался в утверждении о том, что «похоже, восточноевропейские режимы ныне питают меньше надежд на экономические перспективы, чем это было год назад.

Показатели 1965 г. отражают небольшой прогресс в решении основных экономических проблем, хотя экономисты сейчас приобрели их лучшее понимание. Существуют новые признаки сомнений и разногласий внутри режимов по вопросам экономической политики, особенно касательно решений о реформе, внешней торговле и целях на 1966–1970 гг.» [5. Р. 1]. Обращаясь к болгарской действительности, а также делая вывод о разногласиях в руководстве коммунистических режимов и о появлении в них представителей «консерваторов» и «либералов» [5. Р. 4], аналитики ЦРУ упоминали о заговоре против Т. Живкова в 1965 г. [5. Р. 5].

Касаясь попыток проведения экономических реформ в Восточной Европе, представители разведки США достаточно точно определили подозрительность руководства коммунистических стран в отношении возможных последствий, среди которых наиболее опасным они считали перспективу подрыва основ существующих режимов [5. Р. 3]. Внешнеторговый аспект экономического развития восточноевропейских государств, по оценкам аналитиков ЦРУ, также оказался для них не менее проблематичным. Это было связано с тем, что режимы «столкнулись с более жесткой формой переговоров, чем они ожидали, обсуждая торговые соглашения с СССР на 1966–1970 гг.» Несмотря на то, что, как отмечали авторы доклада, «новые договоры все еще покрывают большинство их потребностей в промышленных товарах и продуктах питания и на условиях, более выгодных, чем они могут получить [это] в целом на Западе [...] эти «условия менее выгодны, чем те, которые были в недалеком прошлом». Более того, как становилось ясно для специалистов, проводившиеся переговоры поставили на повестку дня вопрос о том, что «после 20 лет усиливавшейся экономической зависимости от СССР, восточноевропейские режимы были вынуждены научиться все же больше заботиться о себе, как это уже начали делать румыны» [5. Р. 4].

Важность экономической составляющей в отношениях американской стороны со странами Восточной Европы и, в частности, с Болгарией, достаточно отчетливо воспринималась в кругах американской дипломатии и в целом в руководстве США. Это проявилось во время официальной встречи главы американской миссии Дж. МакСвини с первым секретарем Болгарской коммунистической партии (БКП) и Председателем Совета министров НРБ Т. Живковым 2 ноября 1966 г. На ней американский дипломат заявил о заинтересованности президента США Л. Джонсона в развитии взаимоотношений со странами Восточной Европы. Он также подчеркнул намерение американского Президента провести через Конгресс США закон о торговле между Западом и Востоком, «который даст ему [президенту] возможность свободы действий при распространении режима наибольшего благоприятствования в торговле на все страны Восточной Европы» [6. Р. 135]. Одновременно, глава миссии напомнил главе БКП о том, что «США предоставили через Товарно-кредитную корпорацию 10-миллионный кредит Болгарии для покупки кормового зерна». Подчеркивая заинтересованность главы Белого Дома в Восточной Европе, МакСвини сослался на речь Джонсона, произнесенную им 7 октября 1966 г. В ней подчеркивалась необходимость улучшения взаимоотношений с восточноевропейскими странами. В контексте реализации этого плана рассматривалось главой американской миссии и исключение Министерством торговли США 400 наименований из списка стратегических товаров, приобретение которых странами Восточной Европы ранее требовало специального разрешения [6. Р. 135]. Во многом это было отражением начатой проводиться США и их союзниками по Североатлантическому альянсу политики дифференцированного подхода во взаимоотношениях

с европейскими государствами советского блока. В свою очередь, еще в 1958 г., обращаясь к теме экономических взаимосвязей СССР с его восточноевропейскими союзниками по Варшавскому пакту и СЭВу, ЦРУ США рассматривало их как важный элемент советского доминирования в этом регионе, а так называемая новая советская экономическая политика с 1956 г. в отношении Восточной Европы, по мнению аналитиков американской разведки, преследовала три основные цели. Во-первых, она была рассчитана на то, чтобы «народные восстания в европейских сателлитах были предотвращены ростом благосостояния каждой страны», во-вторых, «что является продолжением первого, усиление координации и интеграции в советском блоке в сфере экономической деятельности предпринимается с целью использования ресурсов блока в будущем более эффективно». Наконец, в-третьих, советские действия в этой области, «несмотря на предоставление сателлитам большей степени экономической независимости» были направлены на то, что «СССР должен поддерживать свое экономическое лидерство в блоке» [7. Р. 1]. В этой связи, и на что обращала внимание американская разведка, советское руководство начало использовать идеологический постулат «социалистического содружества» для определения характера взаимоотношений внутри коммунистического блока [7. Р. 2].

Несмотря на то что из всех европейских коммунистических стран Болгария, в отличие от Румынии, Югославии и Польши, не находилась в центре постоянного внимания американской разведки в политическом и экономическом отношениях, информация о ее социально-экономическом положении, а также связей с СССР и членами Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) представляла в 1968 г. для американской стороны определенный интерес. Это обуславливалось, во-первых, статусом НРБ как ближайшего союзника Москвы на международной и региональной балканской арене, и, во-вторых, развивавшимися в Чехословакии процессами демократизации, которые могли при определенных обстоятельствах повлиять на ситуацию во всем подконтрольном Москве Восточном блоке. Именно поэтому обращение аналитиков ЦРУ к теме уровня рождаемости в Болгарии зимой 1968 г. имело отчетливо выраженное социально-экономическое и внутривнутриполитическое значение. Отмечая падение рождаемости в стране за последние годы, специалисты разведки отметили попытки болгарского партийно-государственного руководства исправить складывавшуюся ситуацию, чреватую, по их мнению, в глазах простого болгарина тем, что «через три или четыре века болгары исчезнут как нация». Одновременно, аналитики ЦРУ обращали внимание на то, что предпринимаемые официальной Софией шаги не направлены на поощрение многодетности в семьях болгарских турок и цыган [8. Р. 1], в связи с чем делали стратегический по характеру вывод, касавшийся развития болгарского общества и имевший непосредственное отношение к экономической ситуации в стране. Они отмечали, что «по мере того, как болгары проходили через процесс индустриализации, они обнаруживали, что дети являются скорее роскошью, чем экономическим капиталом. Эта тенденция совпала с трудностями в жилищном строительстве и в структуре уровня зарплат, что заставляет всех взрослых членов семьи работать. Повышение цен на многие потребительские товары в новом году усиливают эту проблему» [8. Р. 2].

Ухудшение экономической ситуации в НРБ, отмечавшееся аналитиками в начале 1968 г., привлекало их внимание как в контексте внутривнутриполитического положения в самой Болгарии, так и ее взаимоотношений с главным союзником — СССР. Американская разведка сообщала во второй половине января 1968 г. о распространившихся в стране слухах о планировавшейся девальвации

национальной валюты — лева. Несмотря на опровержение их со стороны официальных властей, как отмечалось в справке ЦРУ, население не верило этим заявлениям, так как в декабре 1967 г. власти также опровергали слухи о повышении цен на потребительские товары, но 1 января 1968 г. это повышение произошло. В соответствии с данными американской разведки «начиная с сентября прошлого [1967] года, как сообщается, Болгария пыталась безуспешно получить кредиты в твердой валюте от Советов [СССР] с тем, чтобы оплатить краткосрочные долги западным государствам. София сейчас может рассматривать более жесткие меры с целью облегчения своего ухудшающегося финансового положения» [9. Р. 1]. Ситуация, складывавшаяся в стране после поднятия цен, привлекала внимание аналитиков американской разведки с учетом возможных последствий предпринятых болгарскими властями шагов. Отмечая протесты, прошедшие в ряде городов Болгарии, авторы анализа в бюллетене ЦРУ «Eastern European Intelligencer», составленного в конце февраля 1968 г., обратили внимание на недовольство действиями властей рядовых членов БКП, но считали, что поднятие цен, представляющее «падение стандартов жизни болгар, которое подкрадывается», население воспримет неохотно [9. Р. 3]. В контексте происходивших в Чехословакии событий в американской разведке не ожидали серьезных социально-политических последствий от действий болгарских властей в виде проявления в Болгарии массового недовольства, способного повлиять на внутривластное положение страны.

Появление на этом фоне весной 1968 г. информации о том, что Болгария предоставляет кредит Тунису в размере 35,5 млн долларов США, в момент, когда сама страна, как отмечали аналитики американской разведки, испытывала серьезные трудности в получении твердой валюты, привело их к выводу о том, что помимо заинтересованности НРБ в сотрудничестве с Тунисом по конкретному вопросу добычи и переработке фосфатов, «кредит также является показателем заинтересованности Болгарии в расширении контактов за пределами [Восточного] блока» [10. Р. 1]. Последнее имело особое значение, имея в виду сложившееся о Болгарии представление как о верном союзнике СССР, без согласования с которым руководство НРБ не предпринимало самостоятельных шагов на международной арене. Поэтому его действия на «тунисском направлении» могли служить определенным подтверждением того, что София, стремясь выйти из тяжелого финансово-экономического положения, готова на определенную самостоятельность во внешнеторговой сфере. Для американской стороны значение подобных шагов болгарского партийно-государственного руководства имело большое значение. Экономическая составляющая в болгаро-американских отношениях приобретала знаковый характер, так как являлась одним из важных факторов, способных при определенных обстоятельствах оказать влияние и на политический аспект двусторонних связей. Эксперты ЦРУ США подчеркивали в конце апреля 1968 г. важность изменения подходов Вашингтона к политике в отношении коммунистической Болгарии. Ссылаясь на сделанные американским посольством в Софии оценки, они отметили в специальном аналитическом материале «Болгарская либерализация и торговая политика США», помещенном в ведомственном бюллетене ЦРУ «Eastern European Intelligencer», что «долговременные интересы США в Болгарии могут пострадать из-за жесткой американской торговой политики в отношении Софии» [11. Р. 1]. Примечательным фактом стало обращение аналитиков американской разведки к мнению, сформированному в посольстве США в НРБ, т.е. непосредственно «на месте» и, соответственно, отражавшему реальность происходивших в стране процессов.

Тесная взаимосвязь экономики и политики была сформулирована в выводе аналитиков о том, что «невозможность предложить Болгарии те же “недискриминационные” тарифы, которые доступны большинству стран, сокращают возможности США сделать вклад в развитие либеральные тенденции в Болгарии и могут быть вредными для долгосрочных конкурентных возможностей американской промышленности» [11. Р. 1]. Данное заявление основывалось на оценке возможных серьезных политических и социально-экономических изменений в странах советского блока и, прежде всего, в Чехословакии, где усиливались позиции сторонников проведения реформ коммунистической системы в соответствии с концепцией «социализма с человеческим лицом». В Болгарии этот процесс был не столь отчетливо выражен, но на уровне общественных ожиданий отмечался не только американскими дипломатами, но и советской стороной, особенно после подавления СССР и его союзниками, включая Болгарию, Пражской весны в августе 1968 г. Так, в частности, в начале апреля 1969 г., в беседе с советником посольства СССР в Болгарии А. Соколовым министр транспорта НРБ М. Вачков был вынужден признать, что даже в его (Вачкова) присутствии «представители молодежи заявляли, что “Болгария во внешней политике следует неправильным курсом, плетется в фарватере советской политики, что болгары должны брать пример с Румынии, которая проводит независимую от Советского Союза политику, политику суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Они восхищаются героизмом чехословацкого народа, который, по их словам, несмотря на оккупацию страны советскими войсками, ведет мужественную борьбу против консерваторов и оккупантов [...] Все эти молодые люди [...] являются детьми высокопоставленных людей Болгарии, и нет никакого сомнения в том, что они пересказывают мысли своих родителей”» [12]. В составленном за год до сообщения советского дипломата уже упоминавшемся аналитическом материале ЦРУ, его авторы констатировали «происходящее разрушение доктринерского коммунизма в Болгарии как и везде в Восточной Европе», в то время как «сами болгары проявляют признаки нетерпения в отношении недостаточности своего прогресса в материальном отношении и духовного разочарования. Они стали одержимы обещанием более быстрого экономического и социального прогресса с помощью радикального внедрения передовых западных технологий. Отсутствие гибкости в торговой политике США, однако, срывает попытки болгар сократить экономическую зависимость от СССР и политическое раболепие перед ним» [11. Р. 1]. Несмотря на некоторую преувеличенность оценок планов руководства НРБ авторами доклада, тем не менее они достаточно точно уловили скрытые тенденции в развитии внешней и внутренней политики официальной Софии, которая, разумеется, не планировала проводить либерализацию «чехословацкого типа» или занимать «особую позицию» по «румынскому образцу» в отношениях с СССР. Партийно-государственное руководство во главе с Т. Живковым было крайне заинтересовано как в тесных отношениях с Москвой, так и в усилении своих собственных позиций на международной арене, используя ситуацию для улучшения экономического положения в стране. В свою очередь, как об этом свидетельствовали ссылки в докладе ЦРУ на мнение посольства США, которое, судя по всему, разделяли и в американской разведке, ждать изменения позиций коммунистической Болгарии по ключевым вопросам: войны во Вьетнаме, отношений с СССР и членства в Варшавском пакте, в результате изменений торговых тарифов «было бы нереалистично», тем не менее рекомендации по этому поводу и с явным намеком на стратегическую перспективу, высказывались. Эксперты ЦРУ полагали, что болгарское

руководство сможет проводить некие либерализацию и модернизацию только в том случае, если не будет касаться этих «фундаментальных» для его взаимоотношений с СССР вопросов, так как в противном случае советская сторона открыто вмешается в происходящее.

Положение болгарской экономики рассматривалось экспертами американской разведки в контексте конкретной ситуации конца апреля – начала мая 1968 г., когда в ЦРУ отмечали проявлявшееся болгарским партийно-государственным руководством беспокойство по поводу возможного падения урожая в сельском хозяйстве из-за прогнозируемой засухи. Обращая внимание на то, что на протяжении двух предыдущих лет рекордные урожаи «снизили необходимость проведения новых экономических реформ и системы управления», аналитики американской разведки прогнозировали, что в новых условиях трудности с урожаем «вероятно, будут способствовать переоценке [своих действий] высшим руководством в Софии» [13. Р. 2]. Обращение к теме реформ и либерализации в Болгарии делались экспертами ЦРУ на фоне усиления политической активности сторонников подобных процессов в Чехословакии и Польше. В этой связи в конце мая 1968 г. американская разведка обращала внимание на развитие студенческого движения и распространение в отдельных городах НРБ листовок, в которых выражался протест против повышения цен, предпринятое властями в январе 1968 г. и подчеркивалась важность обращения в листовках тезиса, сформулированного в виде вопроса: «Почему Болгария не следует примеру Польши и Чехословакии и как долго будет сохраняться нынешнее положение?» [14. Р. 1].

Тесная взаимосвязь экономики и политики, прослеживавшаяся в оценках аналитиков из ЦРУ в отношении перспектив развития «болгарского направления» внешней политики США, привлекала внимание экспертов американской разведки в контексте взаимоотношений Болгарии и ее соседей. Одной из наиболее конфликтных точек был «историко-политический» спор между Софией и Белградом по так называемому македонскому вопросу. Именно поэтому в начале июня 1968 г. в аналитическом бюллетене «Eastern European Intelligencer» информация об усилении болгаро-югославской полемики была помещена в самом начале этого секретного издания [15. Р. 1]. Имея в виду характер взаимоотношений Болгарии с СССР и достаточно сложные советско-югославские отношения, а также позицию СФРЮ – лидера Движения неприсоединения на международной арене, в ЦРУ рассматривали происходящее как способность негативно повлиять на балканскую региональную ситуацию в военно-политическом смысле, а также усилить зависимость Софии от Москвы, включая и экономический аспект, ввиду необходимости получения Болгарией советской поддержки в этом споре.

Последующие события августа 1968 г., когда НРБ вместе с СССР и рядом других членов Варшавского пакта участвовала в военной акции, направленной на ликвидацию попытки проведения в Чехословакии реформ, серьезно повлияли на характер внешнеполитической линии США в отношении стран советского блока и принятие Вашингтоном тактики «избирательности» на восточноевропейском направлении. В этой связи, с конца 1968 г. и вплоть до начала 1972 г. в политике США, начатой президентом Л. Джонсоном и продолженной его преемником Р. Никсоном, в отношении членов Варшавского блока стал оформляться принцип их «ранжирования» по степени близости к СССР, перспективам проведения реформ в политической и экономических сферах и готовности проявлять интерес к взаимоотношениям со странами Запада, включая США. Болгария в этом списке не занимала преференциального места, и аналитики

ЦРУ не видели причин акцентировать внимание на «болгарском направлении» в контексте возможного экономического сотрудничества с Софией. Следование Болгарии советским внешнеполитическим курсом подчеркивалось аналитиками ЦРУ как на мировом, так и на региональном Балканском уровне, что также влияло на позицию Вашингтона в отношении Софии по вопросам внешнеэкономических отношений США и НРБ. Это проявилось и на встрече американского посла в Болгарии Г. Торберта с Т. Живковым 30 ноября 1970 г. [16. Р. 192–196]. В начале декабря 1970 г. в специальном секретном ежедневном издании ЦРУ, предназначенном для американского президента, со ссылкой на беседу премьер-министра СФРЮ М. Рибичича с министром сельского хозяйства США К. Хардином, отмечалось, что, по мнению югославской стороны, «Москва одобрила возобновление Болгарией ее претензий в отношении югославской Македонии» [17. Р. 7] с целью оказания давления на Белград, для того, чтобы не допустить его сближения с Западом.

К концу 1971 г. ситуация на «болгарском направлении» внешней политики США начала меняться во многом благодаря влиянию, оказывавшемуся международной ситуацией на взаимоотношения двух противостоявших военно-политических блоков – НАТО и ОВД и характеру происходивших изменений в советско-американских отношениях. Большое значение в этом сыграли переговоры и соглашения США с СССР по ограничению вооружений, а также подготовка к общеевропейскому совещанию по безопасности. Уже в мае 1972 г. специальное секретное издание ЦРУ «General Survey», являвшееся основой для всей группы публикаций «National Intelligence Survey», было посвящено исключительно Болгарии и носило подзаголовок «Болгария: самый угодливый из восточноевропейских союзников Москвы» [18]. Разделы издания, посвященные экономическим аспектам жизни в НРБ и в целом экономике, отражали болгарские реалии конца 60-х – начала 70-х годов XX в. и достаточно подробно освещали хозяйственно-экономическую структуру страны. Помимо отмеченных аналитиками американской разведки проблем сокращения доли трудоспособного населения во всех секторах хозяйства и сохранения, несмотря на предпринимавшиеся режимом в определенной степени успешные шаги на пути индустриализации, роста занятости в промышленности, большой роли аграрного сектора, болгарская экономика характеризовалась ими как «наименее развитая в индустриальном отношении страна из всех европейских» [19. Р. 20], а также отмечалась решающая роль и важное место советско-болгарских экономических отношений в экономическом развитии Болгарии. Прежде всего делался вывод о том, что экономика НРБ «ближе всего сформирована к советской модели, чем какая-либо из экономик Восточной Европы, и большая часть ее роста является результатом советской помощи и торговли с СССР» [19. Р. 83]. Одновременно американские эксперты отмечали, что «без значительного объема помощи экономика не росла бы столь быстро, как это происходило. СССР более благосклонен к Болгарии, чем к какой-либо другой стране Восточной Европы, предоставив до 1970 г. кредитов на сумму более 2, 5 млрд долларов США» и развивая с НРБ торговлю, что, в свою очередь, обеспечило зависимость болгарской экономики от советского рынка [19. Р. 83]. В докладе также указывалось на то, что «большая часть продукции растущего машиностроения и производства оборудования производится в соответствии со специальными договорами на экспорт в другие государства, входящие в СЭВ» [19. Р. 83]. В этой связи, обращая внимание на рост объемов внешней торговли НРБ, эксперты ЦРУ подчеркивали, что значительная его доля приходится на страны СЭВ, а попытки расширить торговлю со странами Запада

закончились для Софии катастрофическим ростом дефицита внешнеторгового баланса [19. Р. 85]. Это, в свою очередь, привело к обращению за советской помощью и еще больше усилило зависимость Болгарии от СССР [19. Р. 85].

Внимание к Болгарии как ближайшему союзнику СССР по Восточному блоку проявляли и аналитики Радио «Свобода/Свободная Европа», аналитический доклад которых назывался «Болгария: ортодоксальность и изменения» [20]. Его автор – Стефан Лараби, впоследствии один из ведущих аналитиков RAND Corporation, отмечал в резюме к документу, что материал «сфокусирован на взаимосвязи элементов преемственности и изменений, и оценивает причины, почему Болгария продолжает оставаться по большому счету невосприимчивой к центробежным силам, которые повсюду оказали влияние за последнее десятилетие на Восточную Европу» [20. Р. 1]. Имея в виду существовавшие на тот период времени институциональные связи между радиостанцией и ЦРУ, 26-страничный доклад С. Лараби представляет определенный интерес с точки зрения оценок ситуации в Болгарии и перспектив ее развития как в политическом, так и экономическом плане.

Характеризуя позицию Болгарии внутри Восточного блока, автор материала отметил, что «в отличие особенно от Румынии, которая усиленно добивается как экономической, так и политической независимости от советской гегемонии, Болгария пошла в другом направлении, не только поддерживая, но и активизируя свои связи с Советским Союзом» [20. Р. 1]. Более того, «всемерное расширение и углубление» отношений с Москвой, объявленное Софией, «привело к тесной интеграции двух экономик» [20. Р. 2]. Обращаясь к примеру Албании, Румынии и Югославии, находившихся в различной степени остроты конфронтации с СССР, автор аналитического документа подчеркнул, что «ныне только Болгария остается послушным советским союзником, полностью незатронутым ветрами перемен, которые охватили всю Восточную Европу и Балканы, в частности» [20. Р. 2]. Объяснение этого положения давалось в виде перечисления трех основных причин: «1) исторические связи с Советским Союзом; 2) большой объем советской помощи, направленной в страну; 3) слабость болгарского руководства». При этом, советская помощь в виде кредитов рассматривалась как решающий фактор индустриализации болгарской экономики [20. Р. 2]. Анализ мотивов проведения советской экономической политики на «болгарском направлении» делался в материале С. Лараби в более широком контексте советских намерений в отношении всех стран Восточного блока. В этой связи, как полагал автор, предоставление большого объема советской помощи Болгарии при низком уровне выгодности для СССР обуславливалось тем, что кредиты усиливали зависимость Софии от Москвы и гарантировали лояльность болгарской стороны и наличие у СССР своего агента на Балканах, представлявших стратегический интерес для Кремля в контексте его усиливавшегося присутствия в Средиземноморье. Одновременно, помощь Болгарии служила своего рода образцом социалистического развития, а рост экономики при ее централизации и высокой доле вовлеченности СССР рассматривались как советский план для всей Восточной Европы. Наконец, координация и тесная интеграция экономик двух стран, как полагал Лараби, были призваны подчеркнуть направление, в котором должен был по планам Кремля развиваться СЭВ [20. Р. 3].

Рассматриваемая на Западе и, в частности, в США, как ближайший и зависимый от СССР союзник, Болгария, тем не менее, постепенно вновь начала привлекать внимание Вашингтона поведением на международной арене. Аналитики ЦРУ подчеркивали внешнеполитическую активность Софии

на «американском направлении», когда глава болгарского МИД П. Младенов обратился осенью 1972 г. к США с призывом улучшить двусторонние отношения. Этот шаг оценивался экспертами американской разведки как «следование примеру его советских наставников» [21. Р. 1].

Особое значение эксперты американской разведки придавали в заявлении болгарского министра, сделанном во время встречи с государственным секретарем США У. Роджерсом, той части, которая касалась экономического аспекта американо-болгарских отношений и характеризовали это как «нечто грандиозное». Суть болгарского предложения, реализация которого была поставлена Роджерсом в зависимость от решения ряда проблем функционирования дипломатических служб США в Болгарии, заключалась в снятии всех торговых барьеров, подписании торгового соглашения для получения Болгарией статуса страны с режимом наибольшего благоприятствования в торговле, подписание соглашений по морской конвенции и арбитражу, а также достижении соглашения о получении американских кредитов и создании совместных предприятий [21. Р. 1]. Эксперты ЦРУ делали в этой связи вывод о том, что болгарская сторона, следуя в фарватере советской внешней политики, направленной на улучшение отношений с США, решила активизировать контакты с американской стороной, но серьезность намерений Софии аналитики ставили под сомнение и в зависимость от дальнейших действий [21. Р. 1]. Последние говорили о намерении болгарских властей продолжать политический курс, несмотря на сделанные ранее заявления о заинтересованности в улучшении болгаро-американских отношений. Попытки добиться от США экономических преференций оказались серьезно дискредитированы в начале зимы 1972 г. развернутой властями кампанией по поиску «агентов ЦРУ» в Болгарии. Сами эксперты этой организации отмечали, что появившиеся в болгарской прессе материалы особое значение придавали «борьбе с антисоветизмом и антикоммунизмом». ЦРУ, сред прочего, обвинялось в сборе информации о ситуации в НРБ и ее вооруженных силах. При этом, как констатировали аналитики американской разведки, при разоблачении иностранной разведывательной деятельности, независимо от того, какая иностранная спецслужба ее вела, «обвинения всегда делались в отношении ЦРУ» [22. Р. 4]. В этой связи они пришли к выводу, что в действительности болгарская сторона не обнаружила какого-либо «шпионского заговора» и занималась фактически «профилактикой», повышая «бдительность населения». На фоне предыдущих попыток Софии улучшить отношения с Вашингтоном, включая их экономический аспект, данный вывод, содержащийся в секретном докладе ЦРУ, предназначенном для высшего руководства страны, имел большое значение. Он фактически объяснял действия болгарских властей исключительно внутривнутриполитическими причинами. В то же время, имея в виду заявления Младенова на встрече с Роджерсом относительно экономического сотрудничества между Болгарией и США, аналитики американской разведки пытались определить возможный вектор в политике болгарских властей по вопросам, связанным с децентрализацией управления экономикой и проведения реформ. С этой целью они обращались к болгарским изданиям и занимались систематизацией выходивших на протяжении 1960-х годов публикациям.

Экономические взаимоотношения стран Восточной Европы и двусторонние торгово-экономические связи СССР с его членами представляли стратегический интерес для аналитиков ЦРУ в контексте перспектив развития возглавлявшегося Москвой Восточного блока и Варшавского пакта. Особое значение для внешнеэкономических отношений СССР с другими членами СЭВ имели советские

поставки углеводородов в страны, не обладавшие их запасами или имевшие незначительные (Румыния) возможности по их добыче. Степень важности этого вопроса для американской стороны была подчеркнута помещением специального материала в ежедневный обзор ЦРУ, готовившийся для президента США. В результате произошедших в январе 1974 г. на нефтяном рынке ценовых изменений большинство стран Восточного блока оказались в сложном положении, так как многие из них, помимо советской нефти, а также нефти из арабских стран, перепродававшейся СССР, закупали ее напрямую в арабских государствах. Поднятие цен арабскими поставщиками серьезно меняло всю систему. Как отмечали аналитики американской разведки, «небольшая доля нефти, закупаемой Москвой, предназначена СССР, который самодостаточен в обеспечении себя нефтью-сырцом. Большая часть закупаемой за рубежом нефти доставляется в Восточную Европу, которая получает ее из арабских стран, составляя 15% их нефтяного импорта. Если поставки арабской нефти в СССР существенно сократятся, Москва, вероятно, продолжит удовлетворять большую часть потребностей Восточной Европы, сократив экспорт на Запад. Однако, даже в случае, если объем продаж Москвой Западной Европе упадет, поступления в Москву в твердой валюте будут расти до тех пор, пока продажа осуществляется на уровне нынешних высоких цен» [23. Р. 1].

В складывавшейся ситуации весьма примечательной становилась роль НРБ как ближайшего торгового партнера СССР и его союзника, на что обращали внимание в ЦРУ. В конце января 1974 г. оно сообщало президенту США о том, что «Дамаск предлагает поставки сырой нефти в этом году по цене 18 долларов США за баррель, но Будапешт ожидает, что СССР и Болгария заключат договор о цене с Сирией» [23. Р. 1].

Явная слабость болгарской экономики, не позволявшей прибегать к серьезным тратам твердой валюты даже для покупки важного для нее углеводородного сырья становилась очевидна. Однако подлинный масштаб «валютного кризиса» в 1974 г. был известен только болгарскому руководству, отчаянно стремившемуся получить кредиты в СССР и отдельных странах Запада. На этом фоне особую значимость, судя по помещению в ежедневный «президентский» бюллетень подобной информации, приобретал факт подписания 26 января 1974 г. меморандума о взаимопонимании на предмет промышленного и экономического сотрудничества между известной американской корпорацией Кайзер Индастриз, одним из лидеров металлургии, и болгарским министерством торговли. В соответствии с документом американская фирма обязывалась рассмотреть возможность постройки ряда приоритетных объектов, среди которых были металлургический комплекс по производству 12 млн тонн стального проката, большой цементный завод, провести реконструкцию портовых сооружений и построить завод по производству алюминия. При этом, как оценивала реализацию подобных планов сама американская компания, стоимость проекта варьировалась от 5 до 20 млрд долларов США в течение 20 будущих лет. При этом Кайзер Индастриз, что подчеркивалось в информации ЦРУ, собиралась получить финансирование как из правительственных, так и частных источников. Этот грандиозный для Болгарии проект предварял аналогичный по своему содержанию документ, подписанный тремя днями раньше американской фирмой с СССР [23. Р. 1]. Упоминание в данном контексте этого договора создавало определенные ощущения запланированной «синхронизации» действий болгарской и советской стороны, что объективно могло порождать подозрения (хотя и не высказанные в материале ЦРУ) относительно косвенного участия СССР

в «болгарском проекте», так как София не обладала достаточным резервом твердой валюты.

Существовавшая в рамках СЭВ координация внешнеэкономической деятельности ее членов и имевшая в ряде случаев достаточно тесный характер, в условиях повышения мировых цен на нефть привлекала внимание американской разведки. Болгария оказывалась одной из стран Восточного блока, на которой наиболее чувствительно отразились изменения в ценообразовании. Этот факт заслужил, судя по тому, что он приводился в специальном бюллетене ЦРУ, предназначенном для информирования главы Белого дома, особое внимание американской разведки. Обращаясь к внешнеторговым отношениям Ливии со странами Восточной Европы, авторы-составители документа ссылались на то, что в то время как Польша и Румыния заключили с Ливией долговременные соглашения о поставках нефти, а Чехословакия – пятилетний договор, Венгрия и Болгария собирались закупить у Ливии лишь небольшие объемы нефти [24. Р. 4].

Данный факт был симптоматичным на фоне получаемой ЦРУ информации о попытках болгарского партийно-государственного руководства, направленных на максимальное сближение Болгарии и СССР. Особенно активно, как отмечали аналитики американской разведки, весной 1974 г. стали распространяться слухи о «якобы существовавшем плане превращения Болгарии в шестнадцатую советскую республику», обсуждавшемся на встречах Т. Живкова с главой Румынии Н. Чаушеску и советским руководителем Л. Брежневым [25. Р. 1]. Консультации с румынской стороной в данной связи, по слухам, обуславливалась необходимостью добиться от нее права на создание «румынского коридора» между СССР и Болгарией. При этом в ЦРУ обращали внимание на то, что подобные слухи начали активно распространяться с сентября 1973 г., когда во время визита Брежнева в Болгарию Живков провозгласил, что обе страны «отныне будут функционировать “как единый организм, с едиными легкими и кровеносной системой”» [25. Р. 1]. Разумеется, в американской разведке не доверяли распространявшейся информации и делали вывод о том, что «общая напряженность на Балканах служит питательной средой для быстрого распространения слухов» [25. Р. 1]. Однако сам факт усиления взаимодействия между Софией и Москвой привлекал внимание аналитиков ЦРУ с учетом возможных последствий «тесной интеграции» двух стран как в политическом, так и экономическом отношениях в условиях наметившейся разрядки и заинтересованности Кремля в заключении серии стратегических договоров с США по вопросам сокращения ракетно-ядерного вооружения.

Именно поэтому американская сторона уделяла все большее внимание ситуации, складывавшейся в отдельных странах Восточного блока, включая Болгарию, занимавшую особую позицию как наиболее доверенного союзника СССР, во многом зависящего от него в экономическом отношении. Происходившие в высших болгарских эшелонах перестановки могли рассматриваться не только как внутреннее дело живковского режима, но и как отражение более общих тенденций и, в частности, влияния СССР. Персональные изменения в руководстве НРБ и болгарской компартии, произошедшие на происходившем 3 июля 1974 г. Пленуме ЦК БКП, оценивались резидентурой ЦРУ при посольстве США в НРБ как результат борьбы за власть в высших кругах и как отражение стремления контроля над внутренней жизнью в стране, а также ужесточение позиции по вопросам разрядки [26. Р. 1].

Столь однозначно жесткая оценка происходившего в Болгарии, тем не менее, не создавала предпосылок для окончательного разочарования в возможных

перспективах сотрудничества США с НРБ. К осени 1974 г. «болгарское направление» американской внешней политики подверглось всесторонней оценке со стороны ЦРУ. Накануне визита в США заместителя премьер-министра НРБ И. Попова, характеризовавшегося экспертами американской разведки как высокопоставленный чиновник, близкий к главе страны Т. Живкову, ЦРУ подготовило меморандум, датированный 17 сентября 1974 г. В нем отмечались изменения в стране, которые разрушали прежний стереотип образа Болгарии как «мрачной страны, населенной приспособленцами, людьми без чувства юмора и проявлений энтузиазма» [27. Р. 1]. Соглашаясь со словами американского посла в Софии, заявлявшего о положительных изменениях в НРБ, авторы меморандума отмечали, что «тем не менее, некоторые важные аспекты жизни в Болгарии продолжают оставаться неизменными. Это по существу закрытое общество во главе с руководством, опасаящимся влияния западных идей и тесно связанное союзническими отношениями с Советским Союзом ввиду серьезных политических и экономических причин. Например, с 1958 г. Болгария получила советскую помощь, эквивалентную сумме от четырех до шести млрд долларов в различной форме и в пропорции, намного превышающей ее размер, если сравнивать с другими членами Совета экономической взаимопомощи» [27. Р. 1]. Одновременно отмечалось, что болгарская позиция на международной арене частично определяется экономической помощью СССР, что заставляет Софию выступать в роли выразителя советских взглядов. Однако такое положение дел, как становилось известно американской разведке, начинало меняться, что нашло отражение в появившихся на протяжении последнего года признаках того, что «Советы сказали болгарам, что не могут продолжать удовлетворять растущие экономические нужды Болгарии. И как результат этого, София, вероятно, получила “зеленый свет” от Москвы в деле поисков дополнительной помощи от Запада» [27. Р. 1].

В то же время американские аналитики отмечали высокие темпы роста экономического развития страны в 1973 г. и активную внешнеторговую деятельность страны, 80% внешнеэкономических связей которой были ориентированы на СССР и страны Восточной Европы [27. Р. 2]. Статистические показатели и выкладки, делавшиеся на их основе, не раскрывали причины этого феномена – усиление кредитования за счет внешних заимствований, и, прежде всего, у СССР. В то же время аналитики ЦРУ предполагали, что высокопоставленный функционер из Болгарии постарается добиться от американской стороны заключения внешнеэкономических договоров и финансовых соглашений о кредитах, направленных на получение НРБ западных технологий, позволяющих ей сохранить темпы экономического развития.

Для американской стороны, имевшей в виду наступавший процесс разрядки в системе международных отношений, а также подготовку к общеевропейской конференции по вопросам безопасности, было важно наладить отношения со странами-членами Восточного блока, но при этом не идти на уступки, которые могли восприниматься как самими этими государствами, так и СССР как согласие с «советской» версией международных отношений.

Проводившиеся американской разведкой во второй половине 60-х и начале 70-х годов XX в. исследования в области болгаро-советских отношений, включая их важную экономическую составляющую, свидетельствовали о различной степени интереса США к этой теме, что во многом зависело от места и роли Болгарии в Восточном блоке, готовности существовавшего в ней коммунистического режима к сотрудничеству с Западом и, самое главное, от характера

самих советско-болгарских отношений. Наметившаяся в 1974 г. в аналитических материалах ЦРУ частичная переоценка «болгарского направления» также отражала ожидание американской стороны хотя бы частичных перемен в общественно-политической, но в большей степени экономической, жизни коммунистической Болгарии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Христов Х.* Тайните фалити на комунизма. София, 2007.
2. *Иванов М., Тодорова П., Вачков Д.* История на външен държавен дълг на България, 1878–1990 г. София, 2009. Ч. 3.
3. Българска народна банка. Сборник документи. 1948–1990 г. София, 2009. Т. 5. Ч. 1–4.
4. Bulgaria's Economic Reform, 9 December 1965. HU OSA 300-8-3-676; Records of Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute: Publications Department: Background Reports; Open Society Archives at Central European University, Budapest. – [Electronic record]– <http://hdl.handle.net/10891/osa:31ed70bf-604e-4748-866d-4b72ef93a360> (дата обращения: 1 VI 2017 г.)
5. Economic Problems Increase Policy Differences in Eastern Europe. Special Report. Central Intelligence Agency. Office of Research and Reports. April 8, 1966. CIA-RDP79-00927A005200090003-5 – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79-00927A005200090003-5.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
6. Memorandum of Conversation. Sofia, November 2, 1966// Foreign Relations of the United States 1964–1968 volume XVII Eastern Europe. Washington, 1996.
7. Soviet Economic Policy in Eastern Europe: The Impact of the Satellite Revolts. Central Intelligence Agency. Economic Intelligence Report. Office of Research and Reports. August 12, 1958. CIA-RDP79R 01141A001100100001-6 – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79R 01141A001100100001-6.pdf> (дата обращения: 25 V 2017 г.)
8. Eastern European Intelligencer. Central Intelligence Agency. January 20, 1968. CIA-RDP79B 00864A000800010128-2. – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A000800010128-2.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
9. Eastern European Intelligencer. Central Intelligence Agency. January 26, 1968. CIA-RDP79B 00864A000800010122-8. – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A000800010122-8.pdf> (дата обращения: 12 VI 2017 г.)
10. Eastern European Intelligencer. Central Intelligence Agency. April 15, 1968. CIA-RDP79B 00864A000800010059-9. – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A000800010059-9.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
11. Eastern European Intelligencer. Central Intelligence Agency. April 27, 1968. CIA-RDP79B 00864A000800010050-8.pdf – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A000800010050-8.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
12. Российский Государственный архив новейшего времени (РГАНИ). Ф. 5. О. 61. Д. 332. Л. 7. Запись беседы министром транспорта НРБ тов. М. Вачковым. 1 IV 1969 г. Советник Посольства СССР в НРБ А. Соколов.
13. Eastern European Intelligencer. Central Intelligence Agency. April 30, 1968. CIA-RDP79B 00864A000800010048-1 – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A000800010048-1.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
14. Eastern European Intelligencer. Central Intelligence Agency. May 31, 1968. CIA-RDP79B 00864A000800010024-7 – [Electronic record] – <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A000800010024-7.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
15. Eastern European Intelligencer. Central Intelligence Agency. June 1, 1968. CIA-RDP79B 00864A000800010023-8 – [Electronic record] – <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A000800010023-8.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
16. Memorandum of Conversation. Sofia, November 30, 1970//Foreign Relations of the United States, 1969–1976. Vol. XXIX, Eastern Europe; Eastern Mediterranean, 1969–1972 / Ed. by Miller J.E., Selva D.E., Van Hook L. United States Government Printing Office. Washington, 2007.
17. The President's Daily Brief. Central Intelligence Agency. December 9, 1970. DOC_0005977841 – [Electronic record] – https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0005977841.pdf (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
18. National Intelligence Survey N 23. General Survey. Bulgaria. May 1972. Central Intelligence Agency. CIA-RDP01-00707R 000200110035-5. – [Electronic record] – <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP01-00707R 000200110035-5.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)

19. Central Intelligence Agency. National Intelligence Survey N 23. General Survey. Bulgaria. May 1972. CIA-RDP01-00707R 000200110035-5. – [Electronic record] – <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP01-00707R 000200110035-5.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
20. Bulgaria: Conformity and Change, 22 June 1972. HU OSA 300–8–3–836; Records of Radio Free Europe/Radio Liberty Research Institute: Publications Department: Background Reports; Open Society Archives at Central European University, Budapest. [Electronic record]– <http://hdl.handle.net/10891/osa:2714b1bc-2b4b-4191-864c-d09d13b2551c> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
21. Eastern European Intelligencer. Central Intelligence Agency. October 2, 1972. CIA-RDP79B 00864A001200020053-9 – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A001200020053-9.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
22. Eastern European Intelligencer. Central Intelligence Agency. December 4, 1972. CIA-RDP79B 00864A001200020013-3 – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A001200020013-3.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
23. The President’s Daily Brief. Central Intelligence Agency. January 30, 1974 DOC_0006007660 – [Electronic record] – https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0006007660.pdf (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
24. The President’s Daily Brief. Central Intelligence Agency. February 26, 1974. DOC_0006007684 – [Electronic record] – https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0006007684.pdf (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
25. East Europe Branch Notes. Central Intelligence Agency. May 24, 1974. CIA-RDP79B 00864A001400010041-1 – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79B 00864A001400010041-1.pdf> (дата обращения: 3 VI 2017 г.)
26. Regime Shakeup in Bulgaria, July 3, 1974. Outgoing Message. Central Intelligence Agency. CIA-RDP78S 01932A000100070010-0 – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78S 01932A000100070010-0.pdf> (дата обращения: 14 VI 2017 г.)
27. Bulgaria and the Popov Visit, September 17, 1974. Memorandum. Central Intelligence Agency. P. 1. CIA-RDP85T00353R 000100090001-6 – [Electronic record]– <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00353R 000100090001-6.pdf> (дата обращения: 1 VI 2017 г.)

© 2018 г. *Б.С. НОВОСЕЛЬЦЕВ*

СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ 1968–1969 ГОДУ

В статье на основании неопубликованного материала российских и сербских архивов, а также недавно изданных источников предпринята попытка изучения советско-югославских отношений после событий Пражской весны (1968 г.) и интервенции вооруженных сил Варшавского договора в Чехословакию. Исследуются причины третьего по счету конфликта между Москвой и Белградом и попытки нормализации двусторонних отношений; выявляются общие закономерности.

The article is based on unpublished materials of the Russian and Serbian archives and recently published sources and strives to explore the Soviet-Yugoslav relations after the Prague Spring of 1968 and armed intervention of the Warsaw Pact states in Czechoslovakia. The causes of the third conflict between Moscow and Belgrade as well as attempts of normalisation of bilateral relations are analysed, more general regularities are highlighted.

Ключевые слова: Югославия, СССР, внешняя политика, дипломатия, холодная война, Иосип Броз Тито.

Keywords: Yugoslavia, USSR, foreign policy, diplomacy, cold war, Josip Broz Tito.

DOI: 10.7868/S0132136618030044

Начиная с конфликта 1948 г. советско-югославские отношения развивались по сложившемуся устойчивому стереотипу. В основе воспроизводившихся циклов, напоминавших колебания маятника, лежала разница в целях, которые ставили перед собой руководители двух партий и государств. В Москве следовали задаче «сплочения рядов» и укрепления единства в международном рабочем движении, понимая под этим возвращение Югославии в советский лагерь и ее подчинение советской линии во внешней и внутренней политике. В Белграде добивались невмешательства в свои внутренние дела и уважения суверенитета Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), отстаивая тезис о наличии некоего особого югославского пути к социализму, основанный на рабочем самоуправлении и политике неприсоединения. При этом сходство позиций на международной арене, общая коммунистическая идеология и взаимный интерес к сотрудничеству не позволяли двум странам окончательно размежеваться.

Поэтому действующие лица и декорации переговоров, такие как ситуация в мире или конкретика взаимных претензий, могли меняться, но пьеса всегда разыгрывалась одна и та же: обсуждаемые вопросы и затрагиваемые темы

оставались неизменны. Каждый раз это была история о ссоре и примирении, конфликте и нормализации, и каждые десять лет заинтересованные зрители по обе стороны Атлантики могли ожидать новой ее постановки.

В 1968 г. интервенция стран Варшавского договора в Чехословакию стала причиной третьего советско-югославского конфликта. В Югославии ее восприняли как грубое и немотивированное вмешательство в дела независимого государства и усмотрели в ней угрозу собственному суверенитету. Утверждалось, что ввод войск на территорию ЧССР — «переломное событие в отношениях между социалистическими странами» и «тяжелый удар по социалистическим и прогрессивным странам во всем мире». Все граждане Югославии были призваны «оборонять основные достижения социализма от угроз, с какой бы то ни было стороны». Руководители СФРЮ в многочисленных заявлениях, сообщениях и интервью осуждали интервенцию как «акт агрессии» и требовали немедленного вывода войск Варшавского пакта [1. S. 142—143].

Позиции сторон ярко проявились 30 августа 1968 г. во время эмоционального разговора, произошедшего между президентом Югославии Й. Брозом Тито и советским посолом И.А. Бенедиктовым¹, зачитавшим югославскому президенту текст заявления ЦК КПСС и правительства СССР. В нем позиция СФРЮ была названа «недружественной», упоминалось об «антисоветской кампании в югославской печати». Подчеркивалось, что «помощь ЧССР была осуществлена согласно принципу пролетарского интернационализма», что «в стране развивалась контрреволюция» и что «империалисты [...] пытались оторвать Чехословакию от семьи социалистических стран». Таким образом, по мнению советской стороны, «Югославия солидаризировалась с антисоциалистическими силами». Следовал вывод, что «позиции Югославии не имеют ничего общего с интересами социализма, идеологией марксизма-ленинизма, интересами солидарности социалистических стран и рабочих партий». Ответственность за «ничем со стороны Советского Союза не вызванную антисоветскую кампанию» возлагалась на югославскую сторону. Чтение Бенедиктова постоянно прерывалось возмущенными возгласами югославского лидера: «Это неправда!»; «Это ложь!»

Разъяренный Тито заявил, что применение силы есть агрессия против Чехословакии. «Помощь» пяти стран Варшавского договора «не имела ничего общего с интересами социализма». Говоря об осуществленной ОВД акции, югославский президент использовал выражения «вооруженная интервенция» и «оккупация ЧССР». «Мы [...] готовы идти на жертвы, если в опасности окажется наша независимость и наш собственный путь строительства социализма. Если возникнет угроза с востока или с запада, Югославия будет решительно бороться», — предупредил Тито. Немного успокоившись, глава СФРЮ заметил, что его страна, в том, что зависит от нее, хочет хороших отношений с Советским Союзом: «Между нами могут быть идеологические разногласия, но это не должно влиять на отношения между государствами» [2. I-3-a/101-108. Prijem ambasadora I.A. Benediktova 30. 8. 1968. // Zabeleška o prijemu sovjetskog ambasadora kod Predsednika Tita.]. 11 сентября 1968 г. Тито повторил эти позиции официально, в ответе на советское заявление [2. I-3-a/101-108. Prijem ambasadora I.A. Benediktova 30. 8. 1968. // Odgovor vlade SFRJ i CK SKJ na Izjavu CK KPSS i vlade KPSS od 30.8.1968].

¹ Бенедиктов Иван Александрович (1902—1983) — советский государственный деятель, дипломат; с 1938 по 1957 г. осуществлял руководство сельским хозяйством СССР; посол в Индии (1953 и 1959—1967); посол в Югославии (1967—1971).

Тито не даром говорил об «угрозе с востока». В конце августа — начале сентября 1968 г. интервенция на территорию СФРЮ рассматривалась как вполне возможный сценарий развития событий. 24 августа, сразу после ввода войск стран Варшавского договора в Чехословакию, в г. Вршац произошла встреча руководителей Югославии и Румынии, в ходе которой Н. Чаушеску, еще один «еретик» в международном коммунистическом движении, говорил о возможности советской интервенции в Румынию и зондировал почву относительно того, какую помощь югославы готовы оказать ей в такой ситуации [2. I-3-a/97-22. Poseta Predsednika državnog saveta NRR i generalnog sekretara KPR Nikolae Čaušeskua // Zabeleška o razgovorima Tito-Čaušesku. 24. 08. 1968]. 2 сентября 1968 г. состоялось совместное заседание Президиума и Исполнительного комитета ЦК СКЮ, в ходе которого секретарь обороны генерал И. Гошняк² заявил, что страна сейчас не готова к советскому вторжению, и что даже в 1948 г. ситуация была лучше [3]. 18 сентября на заседании правительства Югославии был принят «Закон о народной обороне», согласно которому в составе общин и республик, а также на предприятиях, создавались отряды территориальной обороны, вооруженные стрелковым оружием и легкой артиллерией, которые в случае нападения должны были вести партизанскую войну против армии противника (подробнее см. [4]).

19 октября И.А. Бенедиктов передал очередное послание Л.И. Брежнева югославскому президенту, особо обратив его внимание на три момента. Во-первых, он подчеркнул, что в ЦК КПСС озабочены сложившейся ситуацией. Во-вторых, указал на то, что советские руководители не хотели бы ухудшения отношений (В ответ Тито заметил: «Это и наше желание»). В-третьих, советский посол призвал к созданию благоприятной атмосферы и принятию с обеих сторон мер, направленных на стабилизацию отношений. «Мы хотим того же, оставаясь, естественно, на своих принципиальных позициях», — резюмировал Тито. При этом он дал понять, что югославское руководство не намерено осложнять подписание советско-чехословацкого договора³. Оценки событий в Чехословакии и позиции, занятой Югославией, в письме были даны прежние [2. I-3-a/101-109. SSSR. Prijem ambasadora A.I. Benediktova // Zabeleška o razgovoru Redsednika Republike sa ambasadorom SSSR Benediktovim. 19. 10. 1968].

5 ноября 1968 г. Брежневу был отправлен югославский ответ. Несмотря на выраженные обеими сторонами на переговорах 19 октября желание стабилизировать отношения, его содержание свидетельствовало скорее о стремлении еще раз указать на те принципиальные позиции, которых продолжали придерживаться в Белграде. Разумеется, это не способствовало достижению большего взаимопонимания сторон. Ответственность за возникший конфликт вновь возлагалась на СССР и увязывалась с интервенцией в Чехословакию, а также с нежеланием Москвы уважать независимую позицию, которую заняла Югославия. Выражалось недовольство антиюгославской кампанией в советской печати и средствах массовой информации других стран Варшавского договора, а также попытками дискредитировать международный авторитет СФРЮ, особенно среди неприсоединившихся стран. В письме Тито еще раз подтвердил, что у правительства

---

² Гошняк Иван (1909—1980) — югославский военный и политический деятель, генерал армии ЮНА; союзный секретарь народной обороны (1953—1967); в 1968 г. — член Президиума ЦК СКЮ.

³ Договор об условиях временного пребывания на территории Чехословакии советских войск был подписан в Москве 16 октября 1968 г. Согласно ему из страны начался вывод войск стран Варшавского договора, однако некоторые части должны были остаться в ЧССР «в целях обеспечения безопасности социалистического содружества».

и народа Югославии существуют опасения в отношении дальнейших намерений правительства СССР [2. I-1/1007. Odgovor Predsednika Republike Josipa Broza Tita. 5. 11. 1968].

И все же эскалация конфликта и разрыв связей противоречили интересам сторон. Беспокойство югославов вызывали возможность расторжения заключенных ранее торговых⁴ и кредитных соглашений, а также прекращения военного сотрудничества [6. С. 29]; противодействие инициативам, направленным на организацию очередной конференции неприсоединившихся стран⁵; и вновь вспыхнувшая полемика с Болгарией по македонскому вопросу. Но главной причиной для волнений было чувство угрозы национальному суверенитету после интервенции в Чехословакию. Военные маневры сил ОВД, неоднократно проводившиеся в 1968–1969 гг. у югославских границ, например, в Болгарии [7. С. 342] и присутствие советского флота в Средиземном море [8. С. 117–118] убеждали югославских руководителей, что угроза, исходящая от стран социалистического лагеря не меньше, той, что исходит от Запада.

Подобные страхи воплощала в себе «Доктрина ограниченного суверенитета» или «Доктрина Брежнева» – термины, которые использовались западными политическими деятелями (и югославскими СМИ) для характеристики советской внешней политики в 1970–1980-е годы. Мысль о необходимости вмешательства во внутренние дела социалистических стран, где существует угроза реставрации капитализма, Брежнев впервые озвучил 12 ноября 1968 г. на V съезде Польской объединенной рабочей партии: «Когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом – это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран» [9. С. 329].

Внешняя политика СССР во многом тоже определялась последствиями Пражской весны и интервенции в Чехословакию, ставшими тяжелым ударом по авторитету Советского Союза и привлекательности социалистической идеологии. Важнейшей целью Москвы было усиление своих позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе и в целом в коммунистическом движении. Одновременно необходимо было стабилизировать отношения с Западом. Основопологающей частью начинавшейся политики разрядки международной напряженности стало улучшение ситуации в Европе и разрешение Германского вопроса. Также опасения советского руководства вызывала эскалация конфликта и угроза полномасштабной войны с Китаем, возможность продвижения его влияния на Балканы и создания там неформального союза КНР, Албании, Румынии и Югославии. Вероятность существования такой коалиции представлялась сомнительной [8. С. 116, 135], однако налицо было потепление между Белградом и Пекином после более чем десяти лет полемики, взаимных упреков и даже оскорблений (см. подробнее [10. С. 34–35; 132–134]). Так, в марте 1969 г. стороны подписали договор о торговле. На IX съезде СКЮ не прозвучала обычная критика в адрес китайских догматиков, а кроме того, в Югославии заняли нейтральную позицию по вопросу советско-китайского конфликта на о. Даманский [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 338. Л. 162. Обстановка в Югославии на 01. 07. 1969].

⁴ Так, по данным советских источников предполагалось сокращение общего двустороннего товарооборота с 506 млн долларов в 1968 г. до примерно 470 млн долларов в 1969 г. [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 340. Л. 11].

⁵ Состоялась 8–10 сентября 1970 г. в Лусаке (Замбия).

16 апреля 1970 г., спустя 12 лет отсутствия дипломатических отношений, югославы направили в Пекин своего посла [11]. А в июне 1971 г. с визитом в Китай отправился секретарь по иностранным делам СФРЮ М. Тепавац⁶ [12. С. 470].

Таким образом, сотрудничество и улучшение взаимоотношений с Белградом можно назвать одной из важных предпосылок реализации тех стратегических задач, которые ставило перед собой советское руководство.

Однако зимой-весной 1969 г. в прессе обеих стран продолжали появляться критические материалы в адрес друг друга⁷. Делегация СССР не присутствовала на IX съезде СКЮ (март 1969 г.), в резолюциях которого, например, «Политика блоков и роль великих держав в этой политике», высказывалась мысль о равной ответственности противостоящих военно-политических союзов за международную напряженность, и в который раз критиковалась «Доктрина ограниченного суверенитета» [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 338. Л. 187–190. Материалы к тезисам «Об истоках и сущности югославского ревизионизма»]. В заключительной речи Тито сформулировал принцип, который теперь ставил во главу угла в отношениях с Советским Союзом: «СФРЮ не будет обострять отношений с социалистическими странами, но и не откажется от своих принципов» [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 340. Л. 8]. Югославы со своей стороны не участвовали в московском Совещании коммунистических и рабочих партий (июнь 1969 г.).

Сложно однозначно ответить на вопрос, кто первым сделал шаг к преодолению возникшей ситуации. Сербские историки, вслед за аналитическими материалами своих архивов утверждают, что это была советская инициатива. В доказательство они приводят письмо ЦК КПСС от 12 февраля 1969 г. с приглашением принять участие в подготовке совещания компартий, посвященного вопросам безопасности и сотрудничеству в Европе, на которое югославы ответили отказом. Кроме того, 18 февраля состоялся разговор И.А. Бенедиктова с М. Тодоровичем⁸, в ходе которого советский дипломат заговорил о возможности улучшения политической атмосферы и получил стандартный ответ, что югославы готовы сотрудничать по тем вопросам, где существует согласие, а по тем, где его нет, готовы открыто разговаривать (см. [13. С. 257]).

Российские историки полагают, что первыми были югославы, решившие действовать через посредничество Венгрии. В начале февраля 1969 г. ее послу в Белграде Й. Марьяи было сообщено, что на готовящемся IX съезде СКЮ не будут присутствовать делегации албанской и китайской компартий, а также не будут использоваться термины «агрессия» и «оккупация», да и вообще речь о Чехословакии пойдет лишь в самой общей форме [8. С. 88].

11 апреля Тито встретился с Бенедиктовым. И снова архивные материалы двух стран несколько по-разному трактуют прошедшие переговоры. Согласно

---

⁶ Тепавац Мирко (1922–2014) – югославский общественно-политический деятель, дипломат; секретарь по иностранным делам СФРЮ (1969–1972).

⁷ Советская пресса, избегая обвинений в ревизионизме, критиковала югославскую экономическую модель, систему рабочего самоуправления и ослабление роли партии в государстве. Кроме того, активизировалась кампания с критикой политики неприсоединения, которая не делала различия между социалистическими и империалистическими силами. В югославской печати были отмечены выпады в адрес «советского догматизма» и «этатистски-бюрократического аппарата». Но основной мишенью для критики оставались интервенция в Чехословакию и концепция ограниченного суверенитета. (см. [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 338. Л. 12–20. О некоторых направлениях идеологической и пропагандистской деятельности СФРЮ (май–декабрь 1968 года)]).

⁸ Тодорович Миялко (1913–1999) – югославский общественно-политический деятель. Министр сельского хозяйства ФНРЮ (1948–1953); заместитель председателя Комитета по экономической координации СИВ (1958–1963); заместитель председателя Союзной Скупщины и председатель СИВ (1963–1967); председатель Союзной Скупщины (1971–1974).

югославским документам, инициатива исходила от советского посла, упомянувшего, что скоро в Москве пройдет заседание ЦК КПСС, на котором будут обсуждаться и отношения с СФРЮ. А Тито лишь положительно ответил на вопрос, хочет ли он нормализации отношений [2. I-3-a/101–111. Zabeleška o razgovoru Tito-Benediktov. 11. 04. 1969]. Если верить советским источникам, складывается впечатление, что желание улучшить двусторонние отношения (особенно в сфере финансов и торговли) шло от югославского лидера, который призвал не связывать экономическое сотрудничество и политические вопросы [5. Ф. 80. Оп. 1. Д. 927. Л. 160. Обстановка в Югославии на 01. 07. 1969].

18 мая, вернувшись из Москвы, где он имел ряд консультаций в ЦК и советском правительстве, Бенедиктов снова встретился с Тито и передал ему послание советского руководства. В нем выражалась уверенность, что у двух стран «больше общего, чем того, что их разъединяет»; официально подтверждалось, что все существующие договоры в области экономического, военно-технического, культурного сотрудничества будут соблюдаться; заявлялось о поддержке политики неприсоединения «в той мере, в которой она имеет антиколониальную и антиимпериалистическую направленность» [14. S. 351–353]. Последнее для югославов было особенно актуально: в июле в Белграде планировалось консультативное совещание по подготовке очередной конференции неприсоединившихся стран. Бенедиктов выразил «удивление и недоумение» относительно распространенного в Югославии мнения, что кто-то в СССР угрожает ее суверенитету, и подверг критике «враждебный и тенденциозный характер» материалов югославской прессы. «Ни одна страна, имеющая подобные намерения, не стала бы оказывать ей экономическую и военную помощь, способствующую укреплению ее обороноспособности», — отметил он [14. S. 354–355].

Стороны договорились не акцентировать внимание на расхождениях относительно событий в ЧССР. В дальнейшем они последовательно придерживались этой тактики.

Переговоры стали переломным моментом на пути нормализации советско-югославских отношений. В дальнейшем они развивались в направлении сближения позиций сторон, которые стремились к компромиссу, при этом не желая поступиться своими важнейшими принципами.

Достигнутые результаты традиционно закреплялись в ходе визита крупного партийно-государственного деятеля. Причем это всегда была поездка советского руководителя в Югославию. Так, например, в 1955 г. в Белград прилетал Н.С. Хрушев, а в 1962 г. Л.И. Брежнев. Видимо, по мнению югославов, подобный жест был косвенным признанием вины Москвы за начало конфликта, а значит — победы Югославии в споре. На этот раз Бенедиктов попробовал пригласить в СССР секретаря иностранных дел СФРЮ М. Тепавца, но Тито настоял на том, что советский министр иностранных дел А.А. Громыко «задолжал нам визит» [14. S. 356].

Советское посольство в Белграде во главе с влиятельным Бенедиктовым активно выступало за скорейшую нормализацию отношений с Югославией. В конце мая 1969 г. там было подготовлено политическое письмо «О перспективах развития советско-югославских отношений в ближайшие два-три года». В нем четко указывались основные моменты во внешней политике СФРЮ, по которым Москва испытывала беспокойство. Во-первых, в период подготовки к очередной конференции внеблоковых стран отмечались «ослабление антиимпериалистической направленности движения неприсоединения и стремление Югославии к расширению политических и торгово-экономических связей

с Западом». Во-вторых, по вопросу европейской безопасности и сотрудничества основной упор югославы делали не на опасности неонацизма и немецкого реваншизма (а иначе говоря, на необходимости закрепления в Европе нерушимости послевоенных границ, что в тот момент являлось основой советской позиции), а на «обеспечении суверенитета и территориальной целостности малых и средних стран». Залогом улучшения обстановки в Европе они объявляли вывод войск Варшавского договора из Чехословакии и отказ от «Доктрины ограниченного суверенитета» [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 340. Л. 5–6. О перспективах развития советско-югославских отношений в ближайшие два-три года (политическое письмо). 30. 05. 1969]. Таким образом, создавалась опасность того, что на европейском направлении Югославия не станет поддерживать курс СССР, а выступит с собственной инициативой укрепления безопасности и сотрудничества в регионе, как уже происходило в середине 1960-х годов (подробнее см. [10. С. 208–225]). В-третьих, по вопросу сотрудничества коммунистических и рабочих партий югославы продолжали выступать «против [...] концепции руководящей роли одного государства или партии» и игнорировать иницилируемые Москвой международные совещания. В-четвертых, отмечались «нейтралистские» позиции югославы по пограничным инцидентам на советско-китайской границе [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 340. Л. 9].

Кроме того, в письме содержалась информация, что в результате решений IX съезда СКЮ во всех звеньях партийного и государственного аппарата выдвинулись более молодые кадры. Выражалось опасение усиления влияния сторонников прозападной ориентации. В связи с этим рекомендовалось поддержать Тито, который занимал центристские позиции. Посольство подчеркивало целесообразность организации поездки в Югославию Громыко, «что несомненно явилось бы шагом доброй воли, способствовало оздоровлению обстановки в советско-югославских отношениях». Кроме того, предлагалось во второй половине 1970 г. или в первой половине 1971 г. осуществить визит правительственной или партийной делегации⁹. По мнению авторов политического письма, решающую роль в укреплении советского влияния должны сыграть «налаживание контактов по партийной линии и терпеливое разъяснение наших позиций», а также значительное расширение экономического и военного сотрудничества [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 340. Л. 19–25].

16 июля 1969 г. Брежнев встретился с послом СФРЮ Д. Видичем¹⁰ и изложил ему свои замечания по поводу югославского ответа на советское письмо от 18 мая. Брежнев указал на несколько моментов, с которыми он согласиться никак не мог. «Каждый раз складывалось впечатление, что мы достигли взаимопонимания и договоренности, но каждый раз с вашей стороны что-то делалось не так», — эмоционально заявил советский лидер. Среди спорных вопросов он назвал публикации в югославской прессе («печать должна служить интересам своей партии, своего класса, своего государства, а не занимать какие-то особые позиции»); неучастие Югославии в июньском Совещании коммунистических и рабочих партий («СКЮ даже не высказал своего отношения к итогам совещания»); «пресловутую концепцию», ставящую на одну доску Варшавский договор и НАТО. Брежнев отдельно выразил удивление, «чем вызвано такое

⁹ С 22 по 25 сентября 1971 г. во главе советской делегации в Югославию приезжал Л.И. Брежнев.

¹⁰ Видич Добриное (1918–1992) — югославский политический деятель, дипломат; посол Югославии в СССР (1953–1956 и 1965–1969); в Бирме (1952–1953); в Великобритании (1970–1973). Постоянный представитель Югославии в ООН (1958–1960); член Исполнительного комитета Президиума ЦК СКЮ (1982–1986).

сильное акцентирование внимания на вопросе о суверенитете, независимости, праве на свободное развитие Югославии [...], у нас никогда не возникало сомнений на этот счет». Он поинтересовался, всерьез ли Тито считает, что Советский Союз представляет собой угрозу безопасности СФРЮ. В ответ Видич предложил ему выступить с публичным заявлением по этому вопросу [14. С. 361–365]. Вместе с тем стороны не хотели, чтобы существующие разногласия препятствовали развитию диалога. Брежнев предложил «и дальше предоставить суду времени» разногласия, связанные с интервенцией в Чехословакии. Кроме того, он попросил передать югославскому руководству, что «мы приветствуем готовность к развитию и расширению сотрудничества» [14. С. 363–364].

Так или иначе, 6 августа в беседе с работником советского посольства исполняющий обязанности председателя Союзного исполнительного вече М. Павичевич¹¹ отметил, что после обмена письмами отношения сторон «значительно улучшились» [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 340. Л. 65. Запись беседы с исполняющим обязанности председателя СИВ СФРЮ М. Павичевичем. Об. 08. 1969].

Белград также сделал ряд шагов навстречу Москве. Так, советским кораблям было разрешено посетить югославские порты. Был отменен запрет на издание в стране журнала «Земля совета» [5. Ф. 5. Оп. 61. Д. 340. Л. 65]. В конце августа Тито выступил перед партактивом г. Задар и призвал к более решительной борьбе против антипартийных и антисоциалистических элементов. Возможно, эта акция была направлена на создание благоприятного информационного фона визита Громыко. Речь югославского президента с одобрением встретили в советском руководстве. Наиболее важные отрывки его выступления опубликовали в газете «Правда» (см. [15]).

2–6 сентября 1969 г. состоялся визит в Югославию А.А. Громыко. 4 сентября в резиденции на Бриони его принял Тито. Стороны согласились, что не нужно оглядываться на существующие принципиальные расхождения и необходимо развивать политические отношения и равноправное сотрудничество (в выступлении Громыко дважды подчеркивалось, что СССР уважает принцип равноправия социалистических стран и их национальные интересы).

Тито завел речь о югославской прессе, недовольство публикациями которой советская сторона высказывала при каждом удобном случае. Он заметил, что «в Югославии социалистическая система свободная и демократическая», существуют свобода слова и свобода печати, поэтому не следует драматизировать появление отдельных статей и делать далеко идущие выводы. Кроме того, Тито заверил, что он и сам нередко не согласен с выходящими публикациями [14. С. 370].

Далее югославский лидер, выступив неожиданно резко, призвал прекратить критику экономической и политической системы своей страны: «Не нападайте на нашу систему. Это – наше дело». Также он подчеркнул: «Необходимо, чтобы вы наконец прекратили практику время от времени менять политику в отношении Югославии». Выступление Тито и занятая им позиция оказались более решительными, чем прежде. Так, повторив, что ввод войск в Чехословакию нанес большой вред делу социализма, он укорил советское руководство в том, что ему не было сообщено о готовящейся операции: «Я – старый коммунист, и вы бы могли отнестись ко мне уважительней». От неожиданности Громыко

¹¹ Павичевич Мишо (1915–1995) – югославский политический деятель, дипломат; посол Югославии в Турции (1953–1955); заместитель секретаря иностранных дел Югославии (1965–1968). Исполняющий обязанности секретаря иностранных дел Югославии (1968–1969).

даже начал оправдываться, объясняя, что ситуация менялась слишком быстро, и они сами не знали, что произойдет завтра. Сглаживая углы, Тито указал, что не стоит все же драматизировать события: «Прессу мы усмирили. Пусть этот вопрос решают сами чехи и словаки, а мы не можем быть больше чехами, чем сами чехи» [14. S. 374–375].

В совместном сообщении по итогам визита Громыко присутствовали ссылки на двусторонние Белградскую декларацию (1955) и Московское заявление (1965) [14. S. 393] – документы, объявлявшие принципы суверенитета, равноправия и невмешательства во внутренние дела других государств основой советско-югославских отношений. Таким образом, их история продолжила свое движение по спирали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Bogetić D.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u svetlu vojne intervencije u Čehoslovačkoj 1968. godine // 1968 – četrdeset godina posle. Beograd, 2008.
2. Arhiv Jugoslavije. F. 837. Kabinet Predsednika Republike.
3. Arhiv Jugoslavije. F. 507/ III. Zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ. 135. Zajednička sednica Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ. Izlaganje generala Ivana Gošnjaka. 02. 09. 1968.
4. *Radić A.* Vežba Avala. Jugoslovenska odbrana od Varšavskog pakta 1968. godine // Istorija XX veka. № 2. 2006.
5. Российский государственный архив новейшей истории.
6. *Bogetić D.* Jugoslavija između Istoka i Zapada // Jugoslavija u hladnom ratu: prilozi istraživanjima. Zbornik radova. Beograd. 2010.
7. Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.: в 2 т. М., 2017. Т. 2. 1964–1980.
8. *Улунян Ар.А.* «Послепражский 1969-й»: Советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в Европейском Средиземноморье. М., 2016.
9. *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. М., 1970. Т. II.
10. *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015.
11. Foreign Relations of the United States. 1969–1975. Vol. XXIX. Eastern Europe. Eastern Mediterranean, 1969–1972. Yugoslavia. Document 232. Memorandum for the President's File. October, 28. 1971 // <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v29/d232> (дата обращения: 23. 09. 2017).
12. *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. М., 2000.
13. *Tripković Đ.* Jugoslavija – SSSR. 1956–1971. Beograd, 2013.
14. Jugoslavija – SSSR. Susreti i razgovori na najvišem nivou rukovodilaca Jugoslavije i SSSR. 1965–1980. Beograd, 2016. Т. 2.
15. Правда. 1969. 2 IX.

© 2018 г. Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

«ПЕРЕЗАГРУЗКА» ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЧССР/ЧСФР НА РУБЕЖЕ 80–90-х ГОДОВ XX ВЕКА

В статье на материалах российских и чешского архивов анализируется история поисков модели внешнеэкономического развития ЧССР/ЧСФР на рубеже 80–90-х годов XX в. Вплоть до начала 1990-х годов у Чехословакии были отлажены продуктивные экономические связи с СССР. Их форсированная деформация происходила после втягивания ГДР в западные экономические структуры. Потенциал этих связей можно было сохранить, что поначалу не отрицала и пришедшая к власти в ЧСФР новая политическая элита. Но в дальнейшем предпочтение стало отдаваться политизированным установкам перед экономической целесообразностью, что имело место и в самом начале создания СЭВ. Высказывавшиеся идеи сотрудничества СЭВ и Европейского экономического сообщества (ЕЭС) распространения не получили.

The article discusses the history of the search for a model of foreign economic development of ČSSR/ČSFR at the turn of the 1980s and 1990s on the materials of Russian and Czech archives. Until the early 1990s, Czechoslovakia had productive economic ties with the USSR. Their deformation forcedly occurred after the retaking of GDR to the Western economic structures. The potential of these ties could have been preserved, and the new political elite, which came to power in the ČSFR, did not deny that at first. In the future however, preference was given to politicised attitudes to economic expediency, which was also characteristic for the first years of the COMECON. Ideas of cooperation between the COMECON and the European Economic Community (EEC) had not been realized.

Ключевые слова: ЧССР, ЧСФР, СЭВ, ЕЭС, экономическая взаимопомощь, политические элиты, экономическая эффективность, экономическая целесообразность, политическая конъюнктура.

Keywords: ČSSR, ČSFR, COMECON, EEC, economic mutual aid, political elites, economic efficiency, economic expediency, political conjuncture.

DOI: 10.7868/S0132136618030056

Сложившая после 1949 г. модель внешнеэкономического развития ЧССР/ЧСФР как в рамках, так и за рамками Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в первый после «бархатной» революции (ноябрь 1989 г.) период кардинальному пересмотру не подвергалась. Советско-чехословацкие/чехословацко-советские экономические отношения всегда отличались взаимовыгодностью и достаточно высокой продуктивностью. Их форсированное свертывание — в основном в силу причин политического характера — нуждается в тщательном

Задоржнюк Элла Григорьевна — д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

Работа выполнена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы».

рассмотрении, чтобы восстановление потенциала этих отношений на новом историческом витке между Россией и Чехией не подвергалось ошибкам, недопониманию интересов своих партнеров.

С началом перестройки в Советском Союзе проблемы советско-чехословацких отношений интенсивно и широко обсуждались как в советской, так и чехословацкой печати. В аналитических материалах Генерального консульства СССР в Братиславе во второй половине 1980-х годов отслеживалась реакция словацких СМИ на перспективы внешнеэкономической ориентации ЧССР. «По-прежнему в центре внимания всей словацкой прессы, — подчеркивается в одном из них, — находились вопросы советско-чехословацкого экономического и научно-технического сотрудничества. Характерной чертой публикаций по этой проблематике стало то, что в статьях основное внимание уделялось вопросам, связанным с реализацией “Программы долговременного экономического и научно-технического сотрудничества между ЧССР и СССР на период до 2000 года”». Вместе с тем в публикациях указывалось на необходимость «нового качественного сдвига в экономическом сотрудничестве между двумя странами», в частности на необходимости «всемерно развивать прямые контакты и связи между предприятиями и организациями СССР и ЧССР».

В прессе ЧССР «критически отмечалось то, что чехословацкая сторона в прошлом недооценивала силу и значение производственного потенциала Советского Союза. Действуя изолированно от советских партнеров, чехословацкая сторона затрачивает большие валютные средства на приобретение дорогостоящего оборудования на Западе, в то время как в Советском Союзе имеются менее дорогостоящие образцы, по своим параметрам не уступающие, а порой превосходящие лучшие западные марки» [1. Ф. 138а. Оп. 67. Д. 6. П. 196. Л. 6–7]. Таким образом, в чехословацких СМИ на широкое обсуждение выносились проблемы экономического развития Чехословакии, подвергались критике отдельные стороны двусторонних чехословацко-советских экономических связей, что вполне соответствовало духу и веяниям времени.

Более того, на рубеже 80–90-х годов XX в. свертывание деятельности Совета экономической взаимопомощи, не говоря о его форсированной ликвидации, ни «режимом нормализации», ни структурами антинормализационного движения, ни даже представителями пришедшей к власти после 17 ноября 1989 г. новой политической элиты не планировались, не предполагались и даже не обсуждались. Речь шла исключительно о переформатировании этих отношений как непосредственно между двумя странами, так и в рамках СЭВ — этого ведь требовала и перестройка в СССР.

Действительно, доступные на сегодняшний день архивные документы, а также опубликованные документальные источники, касающиеся двусторонних экономических связей двух стран и их экономического сотрудничества в рамках СЭВ, ставят акцент, скорее, на необходимости реформирования этих отношений, придания им нового качества.

Естественно, что на множившиеся с конца 1980-х годов в рамках СЭВ проблемы и настоятельность их решения указывали лидеры разных стран, входивших в данную структуру. Большое внимание уделялось в том числе и вопросам двустороннего советско-чехословацкого экономического сотрудничества в дни рабочего визита в Москву, по приглашению ЦК КПСС, члена президиума и секретаря ЦК КПЧ М. Якеша 19–21 октября 1986 г. В отчетной информации об этой поездке на 19 заседании президиума ЦК КПЧ (6 ноября 1986 г.) Якеш остановился, в частности, на ключевых моментах позиции советского руководства

относительно двусторонних экономических отношений СССР и ЧССР как в рамках, так и вне СЭВ. Он, в частности, так передавал слова члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС Л. Зайкова о взаимоотношениях двух государств. «Уровень двусторонних чехословацко-советских отношений т. Зайков высоко оценил. Как он сказал, Чехословакия является одним из наиболее перспективных партнеров СССР в реализации процесса ускорения. Основой является долгосрочная программа экономического и научно-технического сотрудничества между ЧССР и СССР до 2000 года и взаимная координация экономической политики. Он оценил развитие торговых отношений с ЧССР, которая занимает второе место во внешней торговле СССР, и уровень взаимной производственной кооперации» [2. F. O2/1. Sv. 21. A.j. 19. L. 7]. Далее Якеш перешел к состоявшейся 21 октября 1986 г. встрече с М.С. Горбачевым, на которой «коротко проинформировал его [Горбачева] о работе по *постепенной перестройке* (курсив мой. — Э.З.) хозяйственного механизма с целью его сближения с механизмом Советского Союза, а также о необходимости структурной перестройки нашей экономики, которую можно реализовать лишь при полном понимании со стороны СССР и в рамках стран-членов СЭВ».

Якеш выделил следующий момент во время встречи Горбачева с ним: «Он [Горбачев] подчеркнул необходимость внесения изменений в деятельность СЭВ с тем, чтобы переориентировать его деятельность, в первую очередь, на важнейшие стратегические программные вопросы, процессы специализации и кооперации, а также на разработку экономических и юридических условий этого развития. Отметил, что он считает Чехословакию, как и ГДР, самым важным партнером в этом процессе, в первую очередь, в применении результатов научно-технического прогресса, который необходимо ускорить». «В политбюро, — продолжал изложение мнения Горбачева Якеш, — уделяют систематическое внимание сотрудничеству стран-членов СЭВ, усовершенствованию и повышению эффективности этого процесса, реализацию которого нужно неукоснительно обеспечивать, своевременно и качественно выполнять согласованные программы. Говоря о процессе интеграции, мы должны постоянно иметь в виду и ликвидацию стратегической зависимости в науке и технике от развитых капиталистических государств. В связи со снижением зависимости от капиталистических стран он отметил, что нельзя идти по пути Венгрии, выплаты процентов по полученным кредитам в этом [1986] году которой составили 2,3 млрд долларов, а в 1990 г. они должны будут выплатить 4,3 млрд долларов. Подчеркнул, что всем социалистическим странам необходимо использовать возможности, которые предоставляет социалистическая экономическая интеграция» [2. F. O2/1. Sv. 21. A.j. 19. L. 27–28].

Эти вопросы поднимались на совещании ПКК государств-участников Варшавского договора, прошедшем 28–29 мая 1987 г. в Берлине. Президент ЧССР Г. Гусак, принявший в нем участие, не обошел вниманием вопросы о перспективах развития как СЭВ, так и общеевропейского торгового, промышленного, финансового и технологического сотрудничества. Этому, по его словам, могло бы способствовать проведение в Праге экономического форума, который «предоставил бы возможности дальнейшего развития общеевропейского сотрудничества в этой области». «Форум, — уточнил свое предложение чехословацкий лидер, — мог бы содействовать решению ряда вопросов, в которых мы заинтересованы, в том числе и *ускорению переговоров об установлении официальных отношений между СЭВ и Европейским экономическим сообществом* (курсив мой. — Э.З.). О сотрудничестве, объединении говорится все время и на Западе.

Однако как только речь начинает идти о конкретных шагах, мы часто сталкиваемся с «глуховатыми ушами» [3. С. 59].

В прозвучавших предложениях лидера ЧССР относительно сотрудничества двух (восточной и западной) экономических структур ликвидаторские настроения относительно СЭВ обнаружить достаточно сложно. Правда, «глуховатые уши» Запада, о чем упомянул в выступлении Гусак, как показали дальнейшие события, становились все более и более «глухими».

Следующий раунд встреч, уже на двустороннем советско-чехословацком уровне, на которых в той или иной степени затрагивались и проблемы экономического характера, хронологически относится к 1988–1989 гг. Фактически, они входили в повестки дня встреч в верхах и касались, в первую очередь, трудностей развития экономики обеих стран. Так, на встречах Горбачева с Гусаком [4. С. 914–934], Л. Адамецем и Якешем в самом конце 1980-х годов обсуждение проблем экономического сотрудничества в рамках и вне СЭВ происходило на фоне складывавшейся сложной внутривнутриполитической ситуации.

Из стенограммы встречи Горбачева с генеральным секретарем ЦК КПЧ Якешем (11 января 1988 г.) следует: чехословацкий лидер высказывался за более тесную увязку перестройки с выполнением хозяйственных планов и обрисовал круг проблем, с которыми сталкивалась в тот период экономика ЧССР. «Мы сейчас, – подчеркнул он, – пока не ставим вопрос об ускорении развития экономики. Хотим сначала стабилизировать ее, а затем уже ускорить экономическое развитие» [5. Ф. 1. 88jan11 doc]. Решение накопившихся проблем чехословацкий лидер связывал в том числе и с активизацией деятельности СЭВ.

Коснулся он и некоторых конкретных моментов сотрудничества: «Ожидаем, что СЭВ поможет нам в перестройке структуры производства. Мы сейчас выпускаем 70 процентов продукции мирового машиностроения. Такое положение надо менять. Мы готовы, например, отказаться от производства части машиностроительной продукции и покупать ее у вас. За счет сокращения номенклатуры сможем увеличить производство нужной нам и вам продукции, повысить ее качество» [5. Ф. 1. 88jan11 doc]. Горбачев согласился с такой постановкой вопроса, отметив: «В работе СЭВ перемены, к сожалению, происходят слишком медленно. Все стараются производить все, даже тогда, когда для этого нет материальной основы. Надо вести дело ко все более широкому взаимовыгодному обмену товарами, специализации и кооперации» [6. Т. 9. С. 252].

Обсуждавшиеся на январской встрече проблемы стали приобретать более отчетливую конфигурацию в беседе Горбачева с председателем правительства ЧССР Л. Адамецем 2 ноября 1988 г. Адамец остановился на проблемах в работе СЭВ и путях их преодоления, заявив, в частности, о поисках «возможностей активизировать интеграцию». В качестве первоочередного шага он предложил «как можно быстрее реализовать двусторонние соглашения между нашими странами». «Это не фраза, – подчеркнул Адамец, – ЧССР без Советского Союза не может развиваться. Мы хотим идти с вами в ногу в перестройке, и если у вас будут хорошие результаты, дела пойдут и у нас. Новая эпоха развития социалистического содружества требует и новой солидарности» [5. Ф. 1. 88nov02 doc]. В целом пафос беседы сводился к необходимости корректировки двустороннего экономического сотрудничества, активизации интеграционных процессов в рамках СЭВ.

Позднее, касаясь развития чехословацкой экономики на встрече с Горбачевым 18 апреля 1989 г., Якеш снова сконцентрировал внимание на таком тревожном сигнале, как снижение прироста национального дохода в ЧССР в пятилетке

с 19% по плану до 14%. Это, по его словам, «могло привести к неизбежному замедлению процесса интенсификации». Вместе с тем, он перечислил и достижения: перевыполнение социальной программы, рост общественного и личного потребления в Чехословакии [5. Ф. 1. 89apr 18b doc]. Обращаясь к теме двустороннего сотрудничества, он, в частности, обратил внимание на следующее: «СССР занимает во внешней торговле с Чехословакией 42 процента. Дела идут неплохо, но надо устранить тормоза, которые мешают предприятиям налаживать прямые связи, вынуждают по-прежнему действовать через министерства. Мы за то, чтобы были увеличены поставки машин из Советского Союза, создано побольше совместных предприятий» [5. Ф. 1. 89apr 18b doc]; (о других сюжетах беседы см. [7. С. 420–421]). Этот курс на изменение парадигмы сотрудничества как в сфере двусторонних экономических отношений между СССР и ЧССР, так и в рамках СЭВ, неоднократно тиражировался и на других встречах на высшем уровне, в том числе и в многостороннем формате.

Вопросы советско-чехословацкого экономического сотрудничества поднимались и на уровне советников первых лиц двух стран-членов СЭВ. Это видно из наблюдений советника Горбачева В. Загладина, который в течение 1989 г. дважды встречался с представителями «режима нормализации» и оставил крайне интересные аналитические документы о содержании этих встреч [5. Ф. 3. z89apr01a doc; z89apr01b doc].

В обобщающем аналитическом материале «Встреча в Праге по общеевропейскому дому» (31 апреля¹ – 2 мая 1989 г.). Загладин подчеркнул, что проведенные им встречи «настраивают на серьезный лад». Нужно отметить, что в этих документах отсутствуют сюжеты, напрямую касающиеся СЭВ. Тем не менее, характеристику собеседниками Загладина внутриэкономического положения ЧССР можно рассматривать в качестве одного из тревожных факторов, которые, естественно, не могли не оказывать неблагоприятного, можно даже сказать негативного, воздействия и на сферу внешнеэкономических отношений. Подводя итоги проведенных встреч, Загладин поделился следующими соображениями: «В экономике ЧССР столкнулась с теми же проблемами, с которыми сталкивались развитые страны Западной Европы 10–12 лет назад: необходимость модернизации. Только здесь эта проблема проявляется острее, ибо на Западе речь шла в первую очередь о структурной реформе экономики, здесь же к необходимости структурных преобразований добавляется срочная нужда в обновлении производственного аппарата и изменении системы управления. Принятая экономическая реформа пока “хромает”: закон о предприятии выполняется плохо, выборы директоров проходят формально, что вызывает недовольство рабочих. В сельском хозяйстве дела вроде бы идут неплохо. Но и там назревают проблемы, – нужно обновление техники, нужно дополнительное количество кормов (производство мяса за шесть лет выросло с 81 до 92 кг на душу населения, крестьяне хотят производить больше, – платят за мясо хорошо, – но кормов не хватает; их покупка за границей стоит дороже, чем стоили бы закупки мяса. И это уже вызывает разговоры в деревне)» [5. Ф. 3. z89apr31 doc.].

Загладин позднее провел еще ряд неофициальных встреч с работниками партийно-государственного аппарата и был официально принят заместителем председателя ФС ЧССР, председателем Чехословацкой социалистической партии Б. Кучерой. В обобщающей аналитической записке от 7–28 августа 1989 г., подготовленной для Политбюро ЦК КПСС, Загладин затронул и вопрос

---

¹ Так в оригинале.

об отношении его собеседников к чехословацко-советскому экономическому сотрудничеству. «В связи с вопросами экономического развития, — читаем в документе, — широко обсуждаются и отношения с СССР. Признается, во-первых, что старая модель этих отношений (обмен советского сырья и энергоносителей на чехословацкие промышленные товары, прежде всего оборудования) перспективы не имеет. Во-вторых, отмечают, что СССР в дальнейшем будет все больше нуждаться в новой технологии, в товарах широкого потребления, но, мол, и того и другого не хватает самой Чехословакии (не говоря уже о том, что наиболее современные изделия идут на западные рынки). В-третьих, в ряде случаев выражалось сомнение в надежности советских партнеров» [5. Ф. 3. z89avg07 doc]. Эти сомнения обосновывались, по мнению Загладина, тем, что в прошлом СССР то давал заказы, то снимал их. В настоящем же новая структура организации внешних связей не устоялась и было неясно, как вести дело. В целом собеседники не скрывали своих сомнений в будущем, а некоторые и прямого пессимизма.

«Конечно, — резюмировал Загладин, — имеющиеся трудности не следует преувеличивать; руководство партии и государства пока держит ситуацию в руках, возможности для решения существующих проблем есть. Но вопрос в том, чтобы не опоздать с таким решением. Кстати, об опасности запоздания в решении назревающих задач говорили и многие чехословацкие друзья. Анализируя опыт Польши и Венгрии, они ссылались, в частности, на то, что корни возникшей там ситуации во многом именно в запоздании с решением давно назревавших и незамеченных проблем, которые, постепенно накапливаясь, и создали опасную ситуацию» [5. Ф. 3. z89avg07 doc].

Таким образом, в приведенном выше архивном материале ставятся вопросы трудностей экономического развития Чехословакии, акцентировано внимание на архаичности парадигмы экономического сотрудничества, подчеркивается необходимость курса на его реформирование и т.д. Вместе с тем накануне «бархатной» революции смена вектора внешнеэкономического развития государства не предусматривалась.

Но, возможно, свои концепты свертывания экономического сотрудничества в рамках СЭВ разрабатывали и предлагали противостоявшие правящему режиму представители антинормализационных структур, довольно громко заявлявшие о себе и своих требованиях как раз в этот период? Если обратиться к корпусу изданных документов Хартии 77, то в них можно обнаружить планы изменения направления внутриэкономического развития ЧССР. Так, еще в 1985 г., на фоне звучавших в СССР громких призывов к перестройке, в документах Хартии 77 стали появляться и мотивы развития чехословацкой экономики, которые по понятным причинам ранее практически не поднимались, хотя вопросы жизненного уровня населения неразрывны с тематикой гражданских прав и прав человека. В этой связи обращает на себя внимание документ Хартии 77 от 14 ноября 1985 г. «Анализ причин кризисных явлений в чехословацкой экономике и настоятельность экономической реформы». Не отрицая «отдельные позитивные итоги» экономического развития ЧССР, хартисты призывали не закрывать глаза и на существенные причины продолжавшейся экономической стагнации и углублявшегося отставания чехословацкой экономики от развитых стран, т.е. «на необходимость основных структурных преобразований и глубокой экономической реформы» [8. Т. 1. С. 536].

В документе зафиксирована неспособность административно-директивной, централизованно-распределительной системы реагировать на неотложные требования продуктивного технического и экологического развития, а также

неэффективность принимаемых решений на фоне призывов к улучшению хозяйственной и трудовой дисциплины. Хартия 77 видела выход из сложившегося положения в переходе от централизованной к децентрализованной системе управления экономикой [8. Т. 1. С. 544]. Внешнеэкономическая стратегия документом не рассматривалась, а внимание концентрировалось исключительно на целях и направлениях внутриэкономического развития государства.

В документе хартистов «Письмо Федеральному собранию, правительству и центральному комитету Национального фронта» от 8 сентября 1988 г. проведение экономической реформы тесно увязывалось с реформированием политической системы ЧССР [9. S. 1036]. В дальнейшем, в частности, в 1989 г., Хартия 77 в своих документах практически не уделяла внимания экономическим проблемам.

Вопросы советско-чехословацкого экономического сотрудничества становились предметом обсуждений и после «бархатной» революции, но уже в принципиально новом формате. Старт им дала встреча президента ЧССР В. Гавела с президентом СССР Горбачевым в Москве 26 февраля 1990 г. [10–11]. Следует отметить, что переговоры Горбачева с Гавелом проходили на фоне достигнутых лидерами СССР и США договоренностей на Мальте (2–3 декабря 1989 г.). Тогда, как известно, в числе прочих обсуждались перспективы Варшавского договора и НАТО, СЭВ и Общего рынка с акцентом – подчеркну это особо – на сохранении данных структур.

Но уже 28 февраля 1990 г., в беседе с Дж. Бушем, Горбачеву пришлось отстаивать свою позицию относительно форсированного объединения Германии и, как следствие этого, автоматического включения ГДР – одной из составных частей не только Варшавского договора, но и СЭВ – в западноевропейские экономические и военно-политические структуры. «Вы сказали, – уточнял он у Буша, – что происходящее не должно ни у кого вызывать беспокойства, что объединенная Германия не будет представлять угрозы. Но тогда возникает вопрос: если это так, если угрозы нет, если баланс не будет нарушен, то почему же западные страны так стремятся интегрировать Германию в одну военно-политическую организацию? Разве это не изменит баланс? Если мы придем к выводу, что это затронет безопасность Советского Союза и его союзников, то тогда нам придется серьезно задуматься» [6. Т. 18. С. 361]. Ответ Буша отличался бескомпромиссностью и не терпел никаких возражений: «Но сейчас мы убеждены, что единая Германия не станет агрессивной силой. Что же касается Вашего вопроса о том, *почему же в таком случае мы хотим включить Германию в Западный союз, то я отвечаю: для гарантии, на всякий случай* (курсив мой. – Э.З.)» [5. Ф. 1. 90 feb28 doc] (некоторые оценки итогов встречи на Мальте 2–3 декабря 1989 г. см. [5. Ф. 1. 90 z89dec03 doc; 12. С. 26–43]). Этими словами, которые Горбачев оставил без ответа, американский президент продемонстрировал, кто на самом деле являлся хозяином в общеевропейском доме.

Последующие контакты советского лидера с представителями стран Западной Европы, а также стран Центральной и Юго-Восточной Европы проходили уже под «дамокловым мечом» интеграции Германии, с одной стороны, и пока еще лишь только вырисовывавшейся, хотя и достаточно зримо, перспективой дезинтеграции СССР и ЧСФР – с другой [13–16].

Интересным в плане сложившегося статуса двустороннего чехословацко-советского экономического сотрудничества и его перспектив можно назвать массив документов из Архива Горбачев-фонда, относящийся к встречам Загладина 11–13 июня 1990 г. с представителями новой политической элиты уже

не ЧССР, а ЧСФР. В ходе этих встреч, проходивших в индивидуальном формате и носивших преимущественно конфиденциальный характер, затрагивались вопросы как внутривластного положения ЧСФР, так и внешнеполитической и внешнеэкономической ее ориентации [5. Ф. 3. z90 jun 11 doc].

Пражские встречи Загладин начал с представителей движения Клуб за социалистическую перестройку «Возрождение», созданной в январе 1989 г. анти-нормализационной структуры, в которую вошли экскоммунисты (исключены из КПЧ в ходе проводившихся в конце 1960-х — начале 1970-х годов чисток). Так, 12 июня 1990 г. собеседники Загладина, коснувшись концепции ориентации внешней политики ЧСФР новой правящей политической элиты, назвали ее «в целом разумной». «Однако, — продолжал излагать мнение своих собеседников Загладин, — *внешнеполитическая программа руководства еще не разработана до конца* (курсив мой. — Э.З.). Если в политическом плане более или менее четко вырисовывалась ориентация на процесс СБСЕ, то в экономическом плане ясности нет. Понятно, что для вступления в Европейские сообщества (чего многие хотели бы) страна не готова. А раз так, то “отрываться” от СССР и других стран-членов СЭВ невозможно. Это, как представляется собеседниками, все отчетливее понимает и В. Гавел» [5. Ф. 3. z90 jun11 doc; z90 jun12 doc].

Это важное наблюдение Загладина не может не утверждать в мысли: только что пришедшая к власти и пока еще не вошедшая во вкус новая политическая элита в ЧСФР пребывала в поиске векторов как внешнеполитической, так и внешнеэкономической ориентации государства. Во всяком случае, на тот конкретный период времени еще ни о никакой форсированной и кардинальной переориентации ни внешнеполитических, ни внешнеэкономических связей, в том числе об отказе сотрудничества в рамках СЭВ, она не только публично, но и в ходе конфиденциальных переговоров не заявляла [17. S. 13, 19; 18. S. 324] (см. также [8. Т. 2. С. 688—689, 693—697]).

«В том, — писал далее Загладин, — что касается отношений между ЧСФР и СССР, представляется, что нынешний период открывает для нас значительные возможности создания основ для нормального, даже хорошего их развития на долгосрочную перспективу» [5. Ф. 3. z90jun12 doc]. В ряду таких возможностей он выделил следующее: «Если еще в недавнем прошлом руководство Гражданского форума (шедшего на выборы под лозунгом “Вернемся в Европу”) возлагало серьезные расчеты на то, что Запад буквально заключит Чехо-Словакию в свои объятия, то сейчас надежды на это постепенно испаряются. ФРГ, как отмечали собеседники, “занята собой”, другие тоже энтузиазма не проявляют. В этих условиях для ЧСФР, экономически тесно связанной с нами, возрастает значение сохранения и поддержания этих связей (на новой основе)» [5. Ф. 3. z90jun12 doc].

13 июня 1990 г. состоялась беседа (один на один) с советником В. Гавела А. Вондрой, на которой также затрагивался широкий круг вопросов. Вондра начал беседу, выразив глубокое удовлетворение тем, что в последние недели ему удалось познакомиться с рядом советских коллег, которых раньше он не знал. Это первое знакомство тем более важно, поскольку «у нового руководства ЧСФР, у В. Гавела крепнет стремление развивать и углублять отношения с Советским Союзом на основе тех принципов, которые были зафиксированы в совместной декларации двух президентов в Москве» [5. Ф. 3. z90jun13c doc].

В беседе с советником министра иностранных дел ЧСФР И. Динстбира Л. Добровским (14 июня 1990 г.) Загладин, в частности, зафиксировал следующие не менее интересные сюжеты. «В настоящее время, — читаем

в документе, – важнейшая задача и для СССР, да и для всех европейцев – способствовать углублению и ускорению европейского процесса. Создаваемый механизм должен быть таким, чтобы СССР “прочно находился в Европе не только географически, но и политически, и экономически”» [5. Ф. 3. z90jun14 doc]. Коснувшись внешнеполитических аспектов, Добровский отмечал, что ЧСФР «хочет иметь активные, конструктивные отношения с объединившейся Германией. Однако, мы видим, говорил собеседник, что если поначалу в Бонне очень щедро рассуждали о сотрудничестве и даже помощи ЧСФР, то сейчас поостыли. Видимо, процесс объединения “отнимает и все силы, и все внимание”. Однако, стремление иметь хорошие отношения с Германией не означает, что ЧСФР ослабит внимание к другим странам, перестанет считать для себя очень важными отношения с СССР, а также другими странами-соседями. Здесь надо сохранить все то, что было в прошлом хорошего, но выработать и новые, более эффективные инструменты взаимодействия» [5. Ф. 3. z90jun14 doc].

В обобщающем аналитическом документе «О некоторых выводах из бесед в Праге 11–13 июня 1990 года» Загладин отметил «значительное внимание», которое уделялось в ходе бесед и вопросам внешней политики, в том числе отношениям с СССР. В целом, – по его мнению, – можно было сделать следующий вывод: «обстановка далеко еще не определилась, возможны различные варианты поворотов [...] В том, что касается отношений между ЧСФР и СССР, представляется, что нынешний период открывает для нас значительные возможности создания основ для нормального, даже хорошего их развития на долгосрочную перспективу. Эти возможности определяются следующими обстоятельствами. Во-первых, политическая линия руководящих кругов окончательно еще не сформировалась. Идут споры. Общей для всех их участников момент в том, что касается внешней политики, – подтвердить “полное возвращение ЧСФР ее суверенитета”. Однако руководители республики понимают, что без нашей перестройки, без нового мышления никаких изменений в их стране не произошло бы», – резюмировал Загладин.

Проблемы, стоявшие на тот момент перед ЧСФР, как подчеркивали все собеседники Загладина, очень близки тем, которые возникли перед СССР. «В Праге, – писал он, – ищут свои пути их разрешения. И все, с кем пришлось иметь дело, подчеркивали: они заинтересованы в обмене мнениями с нами, в открытых дискуссиях на разных уровнях. Использование всех этих возможностей предполагает, разумеется, нашу постоянную, последовательную работу, которая на современном этапе не так проста. Прежде всего, эта работа затрудняется уже упоминавшейся неопределенностью внутривнутриполитической ситуации в стране. Еще большие сложности для нашей работы создает то, что в отношении к Советскому Союзу еще существуют недоверие и подозрительность» [5. Ф. 3. z90jun11 doc].

Как показывает анализ этих переговоров, вопрос форсированной «перегрузки» внешнеэкономических связей ЧСФР, реформирования советско-чехословацких экономических отношений в рассматриваемом в статье хронологическом диапазоне на них не ставился и не обсуждался. Как не ставились и не обсуждались вопросы о форсированной ликвидации СЭВ. Напротив, как следует из архивных документов, переговоры носили деловой, конкретный, не политизированный характер и были нацелены на поиск взаимоприемлемых вариантов развития этих отношений. Можно сказать, что, рассматривая комплекс проблем, они носили прагматический характер с выходом на перспективу. Не только Гавел, но и другие «новые» лидеры стран Центральной

и Юго-Восточной Европы продолжали ориентироваться на сотрудничество в рамках СЭВ с учетом необходимости его кардинальной реорганизации, катастрофические сценарии развития событий при этом не предполагались.

Вместе с тем следует отметить появление в рассматриваемый период принципиально нового фактора – форсированного объединения Германии, который с начала 1990 г. стал приобретать значительный вес и не мог не оказывать воздействия как на расстановку сил в Европе, так и на развитие событий в регионе. На словах поддерживая достигнутые на Мальте договоренности, лидеры ФРГ фактически торпедировали их. Тем самым, подготовка кардинального изменения баланса сил в Европе со стороны ФРГ происходила практически синхронно с активным поиском Прагой и Москвой моделей экономического сотрудничества в рамках и вне СЭВ.

3 октября 1990 г. ГДР и Западный Берлин вошли в состав ФРГ, что, конечно же, не могло не оказать влияния на развитие событий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и на деятельность такой межправительственной экономической организации, как СЭВ. Отзвуки этих событий не могли не отложить отпечаток на аналитический документ «О некоторых моментах положения в Восточной Европе и нашей политике», составленный Загладиным в октябре 1990 г. по итогам бесед на достаточно авторитетном политическом и научном уровнях в ходе визитов в ЧСФР и Румынию, в том числе – во время встречи в верхах в Париже с представителями указанных стран, а также Польши, Болгарии, Венгрии и Югославии. У него сложились соображения, подводившие к практическим выводам. Все происходившие в странах перемены, по словам Загладина, «бесспорно, отразились на внешнеполитической ориентации указанных стран. Тут тоже не все определилось, хотя во всех случаях прослеживается стремление “вернуться в Европу”, как в то же время везде (пусть с оттенками) налицо и желание не порывать связей с СССР, изменяя их в духе предложенного нами нового типа отношений» [5. Ф. 3. з90 oct]. Амбивалентность внешнеполитической ориентации стран региона – «возвращение в Европу» и попытки избежать разрыва с СССР – не могли не ставить под угрозу распада СЭВ.

«Важно учесть, – продолжал Загладин, – что наши экономические связи со странами Восточной Европы непосредственно влияют не только на позицию правящих сил, но и на отношение широких масс населения к нашей стране, поскольку объем и характер этих связей сказывается на уровне занятости и жизни простых людей. Эти соображения не претендуют на бесспорность, и, тем более, исчерпывающий характер. Но, полагаю, что *наш курс в отношении восточно-европейских стран должен быть как можно скорее переведен из сферы бесспорно правильных общих посылок в плоскость разработки тщательно продуманной конкретной и дифференцированной программы работы с каждой из них* (курсив мой. – Э.З.)» [5. Ф. 3. з90 oct].

Как представляется, кодом данного документа явились слова «как можно скорее»: ставшее уже хроническим запаздывание и повторение общих, ни к чему не обязывающих фраз, дорого стоило экономической интеграции стран-членов СЭВ. Для реализации подобного рода планов времени по оптимизации экономических связей как на уровне СЭВ, так и на уровне отдельных стран уже не оставалось.

Уже после состоявшегося объединения Германии и автоматического выхода ГДР из СЭВ появилась «Информация Международного отдела ЦК КПСС о встрече руководящих деятелей ряда левых партий стран Восточной Европы. (Москва, 14–15 ноября 1990 г.)», оформленная не позднее 13 декабря 1990 г.

В документе имплицитно содержится прогноз о крушении СЭВ, что вполне понятно после форсированного выхода из него одной из ключевых стран. В нем — с учетом и позитивного опыта данной организации — правомерно утверждается, что «авторами концепции объединенной Европы, всей Европы, а не отдельных ее частей, — были социалистические страны и их правящие партии. И об этом “отцовстве” не следует забывать». Далее следуют едва ли не пророческие утверждения о том, что односторонняя модель создания единой Европы таит в себе опасности, поскольку «будущий общеевропейский дом выглядел бы следующим образом: богатый западный флигель, в средней части еще можно как-то жить, а восточное крыло останется прибежищем бедняков. Между различными отсеками в этом случае будут неминуемо воздвигнуты высокие барьеры виз и запретов. А разделение жильцов общеевропейского дома на людей первого, второго и третьего сорта может притормозить процесс демилитаризации континента» [3. С. 223–224]. Констатации и заклинания, снова констатации... Между тем, каких-либо концептуальных осмыслений, конструктивных концепций или конкретных моделей, способных вывести сотрудничество в столь сложных обстоятельствах из тупика, придать ему новое дыхание и качественно новый уровень, документ не предлагал.

Нельзя сказать, что содержащиеся в «Информации» предостережения не содержали большой доли истины. «Очень быстрый темп объединения двух германских государств, — констатировал документ, — те формы, которые приняло объединение, создают потенциальные опасности для общеевропейского процесса. В центре Европы появилось мощное государство, которое стремится стать великой державой. Само его возникновение, подчеркивали участники встречи, связано с рядом тревожных моментов. Вопреки первоначальным ожиданиям, процесс объединения Германии пошел асинхронно с общеевропейским процессом» [3. С. 223].

Но если высказанные в документе эти и другие слова и были услышаны, то слишком поздно, а пожелание Советскому Союзу сохранять свои связи с Восточной и Центральной Европой в экономике и в политике как стабилизирующего фактора в регионе оказались безадресными: страна вскоре исчезла с политической карты мира. До исчезновения СССР распался СЭВ. Уже в конце 1990 г. на сессии СЭВ в Болгарии были отменены переводные рубли, а торговля перешла на доллары. А 5 января 1991 г. на заседании исполнительного комитета Совета экономической взаимопомощи, которое проходило в Москве, было принято решение о преобразовании СЭВ в Организацию международного экономического сотрудничества.

25 февраля 1991 г. на совещании стран-участниц Варшавского договора было принято решение о роспуске с 1 апреля его военных структур. 1 июля того же года в Праге подписывается протокол о прекращении действия Варшавского договора и протокола о продлении срока его действия, подписанного в Варшаве 26 апреля 1985 г. 28 июня 1991 г. в Будапеште на заседании сессии Совета страны-члены СЭВ (Болгария, Венгрия, Вьетнам, Куба, Монголия, Польша, Румыния, СССР и Чехо-Словакия) подписали Протокол о расформировании организации.

В конце же этого года, 8 декабря, руководители РСФР, Белоруссии и Украины подписали Беловежское соглашение, учредившее в качестве субъекта международного права Содружество Независимых Государств, а 25 декабря Горбачев объявил о сложении с себя полномочий президента СССР. Следовало говорить уже о российско-чешско-словацких отношениях — но в течение лишь немногим более года: 1 января 1993 г. Чехо-Словакия как единое государство исчезла с карты Европы.

В целом документы свидетельствуют, что лидеры ЧСФР, несмотря на отказ после «бархатной» революции от социалистической идеи, продолжали в конце 1989 г. — начале 1990-х годов связывать свои страны с внешнеполитическими и внешнеэкономическими структурами — ОВД и СЭВ, не педалируя при этом вопрос о кардинальной смене вектора своей внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации. Однако в 1990 г. значительный вес стал приобретать новый фактор: практически сразу же после объединения Германии события стали развиваться по принципу «снежного кома», когда ГДР, как одна из носящих конструкций СЭВ, автоматически выпадала из данной структуры. Это и явилось моментом отсчета его форсированного демонтажа, ставшего точкой невозврата; ситуация резко менялась после интеграции этой технологически развитой в рамках СЭВ страны в западноевропейские и евроатлантические структуры.

Таким образом, вплоть до начала 1990-х годов Чехословакия являлась страной, у которой были отлажены продуктивные экономические связи с СССР и которая во многом задавала цели технологического развития другим странам СЭВ. Вряд ли стоит ставить под сомнение, что потенциал этих связей, хотя бы в сокращенном виде, можно было сохранить (с чем поначалу соглашалась и пришедшая к власти новая политическая элита ЧССР/ЧСФР). Но в дело вступали иные факторы: интеграция Германии, с одной стороны, и дезинтеграция ЧСФР и СССР — с другой, при игнорировании богатого опыта сложившихся ранее экономических связей. Предпочтение стало отдаваться политизированным установкам, форсированные темпы экономического развития стали соотноситься с Западом, и только с Западом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Москва.
2. Národní archiv (NA). Praha.
3. Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. М., 2015.
4. *Zadorožňuk E.G. Gustáv Husák a Michail Gorbačov, od aprila do aprila (1987–1988) // Gustáv Husák. Moc politiky. Politik moci. Bratislava, 2013.*
5. Архив Горбачев-Фонда. Москва. Ф. 1. М.С. Горбачев; Ф. 3. В.В. Загладин.
6. *Горбачев М.С.* Собрание сочинений. М., 2009. Т. 9; М., 2011. Т. 18.
7. *Ворачек Э.М.* Горбачев и Г. Гусак — деятели сумерек реального социализма. Реалии взаимоотношений Советского Союза и Чехословакии // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности. Конец 60-х — 80-е гг. XX в. М., 2014.
8. Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. М., 2012. Т. 1. Начало 1970-х — первая половина 1980-х годов; М., 2013. Т. 2. Вторая половина 1980-х — начало 1990-х годов.
9. *Charta 77: Dokumenty 1977–1989. 1984–1989. Praha, 2007. D. 2.*
10. *Задорожнюк Э.Г.* Революции 1989 года и поворот к новой региональной идентичности восточноевропейских стран (по материалам Архива Горбачев-фонда) // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2000.
11. Реперные точки взаимоотношений СССР и ЧССР/ЧСФР в оценках оппозиции, ставшей элитой: 1969–1991 гг. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: К 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М., 2016.
12. *Задорожнюк Э.Г.* На переломе десятилетий: поиски вектора внешнеполитической ориентации региона (конец 1989–1991 гг.) // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016.
13. *Gorbatschow M.* Erinnerungen. Berlin, 1995.
14. *Горбачев М.С.* Как это было: Объединение Германии. М., 1999.
15. Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991. М., 2006.
16. *Брейтвейт Р., Мэтлок Д., Тэлботт С.* Горбачев: Крах советской империи. Пер. с англ. М., 2012.
17. *Suk J.* Občanské forum. Dokumenty. Listopad-prosinec 1989. Díl 2. Brno, 1998.
18. *Deset pražských dnů. 17–27. listopad 1989. Dokumentace. Praha, 1990.*

© 2018 г. Г.П. ПИЛИПЕНКО

К XVI Международному съезду славистов (Белград, 2018)

МАРКИРОВАНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИОННЫХ ЯВЛЕНИЙ В СЛАВЯНСКОЙ РЕЧИ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

В статье представлены основные стратегии маркирования иноязычных (испанских) элементов в речи представителей славянских диаспор в Аргентине и Парагвае. Материалом для анализа являются нарративы на словенском, хорватском, сербском, польском и украинском языках, собранные автором в результате полевого исследования. Подробно рассматривается типология стратегий маркирования. Информантами маркируются те элементы, которые осознаются как несвойственные грамматической и лексической системе славянских языков. Маркирование может быть не только структурным, но также семантическим и идеологическим (предполагающее маркирование определенной коммуникативной ситуации).

The paper deals with the marking strategies of the foreign (Spanish) elements in the speech of the Slavic diaspora in Argentina and Paraguay. The material for the analysis are the narratives on the Slovenian, Croatian, Serbian, Polish and Ukrainian languages, collected by the author during the field research. The typology of the marking strategies is presented. The informants mark those elements that are conceived as unusual for the Slavic grammatical and lexical system. The marking may be not only structural, but also semantic and ideological (involving the marking of a certain communicative situation).

Ключевые слова: славянские языки, испанский язык, билингвизм, маркирование, заимствование, переключение кода, Южная Америка.

Keywords: Slavic languages, Spanish language, bilingualism, marking, borrowing, code switching, South America.

DOI: 10.7868/S0132136618030068

1. В статье будут рассмотрены наиболее частые случаи и способы маркирования иноязычных вкраплений в славянских языках, которые используют представители сообществ, проживающие в Аргентине и Парагвае. Материалом для анализа послужили записи разговоров между собеседниками и интервью с исследователем, проведенные во время полевой работы в марте–мае 2015 г.¹ В поле зрения попали представители разных волн миграций, а также разного возраста.

Пилипенко Глеб Петрович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ За помощь при проведении полевой работы благодарю д-ра Хуана Карлоса Радовича (Juan Carlos Radovich), Надю Молек (Nadia Molek), Оскара Молека (Oskar Molek), Эстер Цмор (Esther Smog), а также директора Российского центра науки и культуры в Буэнос-Айресе Валерия Юрьевича Кучерова.

По большей части это люди среднего и пожилого возраста, во втором, третьем или четвертом поколении, кроме того, среди информантов оказались те, кто приехал в Южную Америку в детском или юношеском возрасте в межвоенный период, а также вскоре после окончания Второй мировой войны, т.е. те, кого можно считать первым поколением. Задача исследователя заключалась в том, чтобы через методику полуструктурированного интервью получить развернутые высказывания на темы из повседневной жизни, автобиографии, традиционной культуры. В результате удалось получить образцы устной речи от информантов на словенском, хорватском, сербском, украинском и польском языках². Географически полевая работа проходила в городе Буэнос-Айрес, провинции Буэнос-Айрес, провинции Мисьонес (Аргентина), а также в провинции Итапуа (Парагвай).

Речь представителей переселенческих сообществ в новых географических условиях подвергается всестороннему влиянию господствующего языка. Так, многочисленные иноязычные (испанские) вкрапления фиксируются в речи поволжских немцев [1], валлийцев [2], шведов [3], проживающих в Аргентине. Исследование языковых контактов на материале славянских языков в странах Южной Америки также в той или иной степени затрагивает вопросы инкорпорации и адаптации иноязычных элементов (см., например: русско-испанские контакты в Аргентине [4], польско-испанские контакты в Аргентине [5], словенско-испанские контакты в Аргентине [6]; украинско-португальские контакты в Бразилии [7]; языковая идентичность хорватов в Чили [8]). Тем не менее до сих пор славянские языки, функционирующие в этом регионе, еще не рассматривались вместе, как это делается в настоящей статье.

Характер и объем этих вставок может варьироваться от окказионального использования лексем до полноценного переключения кода, приводящего к смешанным формам языка. Очевидно, что здесь влияют социолингвистические факторы, такие, как компактность, открытость/закрытость, численность общины, влияние системы образования, социального и культурного окружения, частота смешанных браков, географические особенности местности, экономическая деятельность, важными оказываются идеологические установки индивида, а также языковая политика государства. Кроме того, с течением времени язык все реже передается последующим поколениям, в результате чего молодежь редко активно владеет языком, в лучшем случае речь идет о пассивном понимании и знании нескольких фраз либо о вновь приобретенном знании языка (через языковые школы, курсы и т.д.)³. По всей видимости носители изучаемых нами языков находятся в процессе замены языка, языкового сдвига (ср. [9]).

Специфика темы статьи диктует необходимость подробнее рассмотреть такие термины, как интерференция (трансфер [10. Р. 49]), заимствование, переключение кода. Инкорпорация иноязычных элементов и переключение кода – естественный процесс для любой ситуации билингвизма [11. С. 189]. Этим явлениям посвящена богатая научная литература, детально рассмотреть которую не представляется возможным в рамках данной статьи, мы лишь хотим дать наиболее распространенные взгляды на проблематику. У. Вайнрайх

---

² Все информанты являются билингвами с разной степенью сохранности первичного идиома, представленного зачастую также в виде диалекта той зоны, откуда происходила миграция. Соответственно испанский язык функционирует в своей региональной разновидности – как *español rioplatense*.

³ Имеются в виду представители тех общин, с которыми проводилось настоящее полевое исследование.

понимал интерференцию как отклонение от норм, вызванное языковым контактом [12. С. 22]. Эти явления могут находить свое воплощение как в плане выражения, так и в плане содержания. Заимствованные элементы демонстрируют адаптацию к языковой системе принимающего языка [10. Р. 51]. Отмечается, что заимствование характеризует язык в диахронии, в то время как переключение кода характерно для спонтанной речи [13. Р. 106]. Однако четкого критерия разграничения этих понятий, как видится, до сих пор не представлено; так, сам факт адаптации не свидетельствует о том, что лексема является заимствованием или фактом переключения кода [14. С. 90]. Центральным понятием при языковом контакте является также переключение кода (ПК), предполагающее наложение внутри одного речевого отрезка фрагментов речи, принадлежащих двум разным грамматическим системам или подсистемам [15. Р. 59]. Существует несколько подходов к описанию ПК и к причинам его появления⁴. Один из наиболее распространенных предполагает прагматические причины возникновения, так, А. Зентелла обращает внимание на то, что при ПК происходит акцентуация высказывания: «то, чего монолингвы добиваются, повторяя громче и/или медленнее, или изменяя порядок слов, билингвы добиваются при помощи переключения кода» [17. Р. 293]. П. Муйскен, в свою очередь, рассматривает ПК со структурной точки зрения и выделяет три типа: вставку (вставка элементов из L1 в структуру L2), альтернацию (чередование структур языков) и конгруэнтную лексикализацию (языки имеют схожую грамматическую структуру, которая может быть наполнена элементами как из L1, так и из L2) [18. Р. 3–6]. Подход о маркированности/немаркированности ПК и его символическом значении для участников разработан Майерс–Скоттон [19. Р. 484]. В соответствии с ним немаркированным будет ПК, если такое поведение принято в данном сообществе, тогда как маркированным ПК будет являться то поведение, которое контрастирует с привычными языковыми практиками. Билингвы могут как осознавать, что в их речи происходит переключение кода, так и оставлять этот факт без внимания. Соответственно, использование иносистемных элементов может быть маркировано/остаться без маркирования в речи говорящего не только на уровне его семантики для участников коммуникации, но и структурно. В нашем корпусе мы зафиксировали разные случаи: от отсутствия любого факта маркирования, до развернутых комментариев по этому поводу.

2. Приведем примеры с отсутствием вербально и невербально выраженного маркирования использования иноязычных лексем, подвергающихся и не подвергающихся адаптации⁵:

[2.1] *In sem se ga navadil pol, in sem zmeraj šel na **bolso**, in ne vem kaj, pol sem začel s trgovino, danes tam čez sto delavcev* (S, BA) (И я немного к нему привык, и всегда я ходил на биржу, и не знаю что... потом я начал заниматься торговлей, сегодня у меня более ста рабочих);

[2.2] *je mela osemdeset let pa je, **kolektiv** jo je povožuw* (S, BA) (ей было 80 лет, и ее задавил автобус);

⁴ Типология подходов к описанию ПК представлена в [16].

⁵ Словенские, хорватские и сербские примеры приведены в литературной орфографии, с указанием наиболее характерных фонетических черт, польские и украинские примеры даны в фонетической транскрипции, испанские примеры переданы в соответствии с литературной нормой, кроме случаев отпадения [s] или его замены на звук [h]. После каждого примера приводится язык, на котором произведено высказывание (S – словенский, H – хорватский, P – польский, U – украинский, SR – сербский), а также регион, где записан пример BA – Буэнос-Айрес, PBA – провинция Буэнос-Айрес, M – Мисьонес, P – Парагвай.

[2.3] *nije se nikad kupilo u mjoj kući, moj otac nije ktija zašto, ima puno godina, kad nije bilo, frigorífico, ovako* (H, PBA); (в моем доме никогда не покупали, мой отец не хотел потому что, много лет назад не было холодильников, вот так);

[2.4] *so skoraj vsi italijansko, moji starši, mama especialmente, ztu ku mama je bila rojena leta dvajsetega, smo že bili pod Italijo* (S, BA) (говорили почти все по-итальянски, мои родители, особенно мама, потому что мама родилась в 20-м году, мы уже были под Италией);

[2.5] *sicer ni briyala gramatika, je briyalo potem, predmeti, ki smo se učili, psicologia, sociologija, literatura, pero nismo imeli probleme če smo slabo pisali* (S, BA) (меня не беспокоила грамматика, она беспокоила потом, предметы, которые мы изучали, психология, социология, литература, но у нас не было проблем, если мы плохо писали);

[2.6] *do nas pšynoš'i s tej cerkwy, e, ukrajins'k'ej, e, p'eršy p'ontek cada m'eš'onca pšynoš'i nam comunión* (P, M) (нам приносит с той церкви, э, украинской, э, в первую пятницу каждого месяца приносит нам причастие);

[2.7] *i, kolys' to ne búlo heladery, to my zar'izaly pac'uká, velykojo ... nové jito, robyly kobasý* (U, M) (и, когда-то не было холодильника, мы зарезали свинью, большую ... новый год, делали колбасы);

[2.8] *tamka, tam u mojih parjent'iw to každyj večir l'ud'uj powno, taka fiesta, večerja, tam duže po ukrajins'ky sp'ivajut* (U, P) (там, там у моих родственников каждый вечер много людей, такой праздник, ужин, там очень по-украински поют);

[2.9] *v'in kubruwáw..., yroš'i tam-m, sueldo, ws''o tut kupuwaw, nam ws''o prevéz-, prevezé* (U, M) (он получал... деньги там, зарплату, все тут покупал, нам все привоз- привозил);

[2.10] *bakterija, ščo, e, e, w m'jaso i vono je, e, nedobre, i, a Oland'ija to je, e, ganadérska, deržava* (U, M); (бактерия, которая, э-э, в мясо и оно, э, нехорошее, и... а Голландия это, э, животноводческая страна)

Использование иноязычных вкраплений происходит без предварительного уведомления слушателя о том, что должно произойти (например в виде мета-языкового комментария или невербальных знаков). Это может свидетельствовать о том, что как раз такое использование языка в данном сообществе конвенционально, тогда как речь без подобных элементов менее характерна для повседневных речевых ситуаций. Если оперировать терминами Майер-Скоттон, то подобное использование языка является немаркированным. Следует отметить, что употребление испанских лексем могло затруднить коммуникацию между информантами и исследователем, поскольку не было очевидно, что исследователь владеет также испанским языком. Тем не менее говорящими это не учитывалось. Среди приведенных примеров встречаются существительные [2.1], [2.2], [2.3], [2.5], [2.6], [2.7], [2.8], [2.9], глаголы [2.9], наречия [2.4], союзы [2.5], прилагательные [2.6], [2.10] в разной степени адаптации. Так, в [2.1] сущ. ж.р. *bolsa* подчиняется правилам словенского языка и в вин.п. ед.ч. приобретает окончание *-o*, также характерное для сущ. ж.р. на *-a*. В [2.2] сущ. м.р. *colectivo* утрачивает конечное *-o* и приобретает характеристики м.р. в словенском языке, что видно по согласуемой глагольной форме в перфекте. Примеры без грамматической и фонетической адаптации встречаются в [2.4], [2.5], [2.6]. При этом отсутствие адаптации в [2.5] может объясняться тем, что собеседница цитирует, воспроизводит названия учебных предметов, которые она изучала на курсах, естественно, по-испански; кроме того неразличению этих лексем с их аналогами в словенском языке способствует общая этимологическая основа. В сочетании *cada m'eš'onca* [2.6] неизменяемым остается испанское

прилагательное *cada* (выступающее только в такой форме), тогда как следующее за ним существительное употреблено в родительном падеже. Существительное *heladera* [2.7] оказывается встроенным в грамматическую систему украинского языка и, будучи воспринятым как сущ. ж.р. (поскольку в исходной форме оканчивается на *-a*), получает окончание, характерное для р.п. ед.ч.⁶. Подобным образом функционирует и слово *parjent'iw* [2.8], осмыслено говорящим как сущ. м.р.; в конкретной синтаксической позиции оно получает окончание, свойственное словам м.р. на согласный в р.п. мн.ч. В том же высказывании *fiesta* координируется по роду с зависимым словом (межъязыковому сближению способствуют идентичные правила согласования по роду для сущ., оканчивающихся на *-a*, в том числе для конкретного слова). Что касается примера [2.9], то здесь мы видим пример адаптации глагола, получающего суффикс, характерный для большинства иноязычных глаголов в украинском языке *-ova-*: *cobrar* – *kubruva-w* (ср. зафиксированный нами польский пример: *kosyč'-ova-č'* – *cosechar*). Похожий процесс наблюдаем в [2.10]: испанское прилагательное *ganadero* снабжается украинском суффиксом *-sk-* (при этом сохраняется ударение в испанском варианте) и согласуется по женскому роду со словом *deržava*. В некоторых других позициях, так называемых позициях нейтрализации, мы не можем точно судить о степени адаптации, например в [2.6], где испанское сущ. ж.р. *comuni6n* находится в позиции вин.п., тогда как в польском языке в позиции вин.п. сущ. ж.р. на согласный не имеет окончания, равно как и неодушевленные сущ. муж.р. (если это слово могло быть осмыслено в этой категории)⁷. Приводимые примеры позволяют сделать вывод о частоте использования определенных групп слов. Некоторые из данных лексем определенно знакомы информантам в варианте на славянских языках (например в [2.8], где замененные слова явно не принадлежат к сфере экономических отношений и новейшей лексике, а относятся к лексике семейного родства), тем не менее происходит их замена на испанские аналоги, что свидетельствует о частотности подобного словоупотребления.

3. Естественно, в речи одного и того же информанта могут наблюдаться колебания в степени адаптации лексем, однако существуют группы слов, которые чаще всего остаются без изменений. В первую очередь это географические названия⁸, а также числительные. В ситуации языкового контакта именно топонимы часто остаются без изменения (как, например, в речи российских немцев Алтайского края [22. С. 106]).

[3.1] *Što je zakon, se uportebljava... pervi... prezime, samo pervi, dok u Chile, i u Paraguay, no u Paraguay! e-e Bolivia i drugi upotrebljava* (Н, ВА) (это закон, употребляется... первая... фамилия, только первая, в то время как в Чили, и в Парагвае, не в Парагвае! э-э Боливия и другие употребляют);

[3.2] *neki su došli uglavnom preko Buenos Aires* (Н, ВА) (некоторые приехали в основном через Буэнос-Айрес);

⁶ Процессы адаптации имен существительных в славянских языках совпадают с данными, приводимыми в [20] для ситуации языкового контакта между украинским и английским языком. Ср.: *to ty jdes do storu* [20. Р. 1], *ja sjohodni jichala caruju* [20. Р. 8], *to taka replica takoji toji sukonky* [20. Р. 11].

⁷ Подобные случаи Ф. Вассершайдт называет *Passive Integration*, отмечая, что обычно они оканчиваются на согласный и употребляются в позиции, не требующей оформления падежным окончанием [21. С. 199].

⁸ Естественно, есть и примеры, демонстрирующие полную адаптацию географических названий: *nije bilo ovde u Dock Sudu, nikad nije bilo protiv crnih ništa* (Н, РВА) (здесь не было в Док-Суде, никогда не было против черных ничего), либо в одном высказывании сочетаются две модели – адаптационная и неадаптационная: *recimo za Hrvate, i sada je bio u Mendozii, bio i prije, u San Juan* (Н, ВА) (скажем, хорваты, и сейчас он был в Мендосе, был и раньше, в Сан-Хуане).

[3.3] *j-a-a-ako malo, jedan malo dio u u Córdoba, Córdoba i General Rivadavia* (Н, ВА) (о-о-очень мало, одна небольшая часть в в Кордобе, Кордоба и Генерал Ривадавия);

[3.4] *da maš prav take-e, al pa u u Córdoba... Córdoba... maš pa tudi... sierras, maš gore* (S, ВА) (есть именно таки-и-е, или же в в Кордобе... Кордоба... есть также... сьерра, есть горы);

[3.5] *bio je čak i u Paraguay, ali nije bio u Chaco* (Н, РВА) (он был даже и в Парагвае, но не был в Чако);

[3.6] *narod koji se rodio ovde, koji su bili ovde uvik, dolazu iz Peru, Bolivia, Uruguay, Chile znaš* (Н, РВА) (народ, который родился здесь, кто был здесь всегда, приезжает из Перу, Боливии, Уругвая, Чили, знаешь);

[3.7] *tak, pol'ak'iv je b'il'se, pol'aky je u Wanda* (U, M) (да, поляков больше, поляки в Ванде);

[3.8] *pryjihaly do Buenos Aireh, z Buenos Aireh vézly do Posadah* (U, M) (они приехали в Буэнос-Айрес, из Буэнос-Айреса их везли в Посада);

[3.9] *m'eškamy v Apóstoles, bo on urodzony, e, zap'isany w Azara* (P, M) (мы живем в Апостолесе, потому что он родился, э, записан в Асаре);

[3.10] *ja š'e urodž'iva en Azara, a on... Tres Capones, bl'isko... de Azara* (P, M) (я родилась в Асаре, а он... Трес Капонес, близко... от Асары).

Оставив в стороне менее очевидные случаи адаптации типа *Peru, Čile* в хорватском и словенском языках, обратимся к рассмотрению слов, которые в славянских языках изменяются как слова муж.р. на согласный, и как слова жен.р. на *-a*. В приведенных примерах географические названия употреблены в составе предложных конструкций *u/v/w* + предложный падеж [3.1], [3.3], [3.4], [3.5], [3.7], [3.9], *preko* + родительный падеж [3.2], *iz* + родительный падеж [3.6], *z* + родительный падеж [3.8], *do* + родительный падеж [3.8]. Объединяет все приведенные случаи то, что в предложной конструкции они (как слова мужского, так и слова женского рода) остаются без изменений, хотя слова других тематических групп на подобные финали в речи тех же информантов изменяются регулярно. Имена муж.р. на *-s* могут не изменяться, поскольку в испанском языке являются формами множественного числа (*Buenos Aires, Apóstoles*) и, по всей видимости, не воспринимаются собеседниками иначе, поскольку для них эти лексемы сохраняют внутреннюю форму. Отсутствие изменения географических названий в речи поляков Аргентины фиксируется также в работе М. Гильермо-Сайдак: *widziałam los Andes, mieszkam w Wanda* (я видела Анды, я живу в Ванде) [23. S. 127]. Из приводимых примеров выбивается [3.10], где вместе с топонимом используются пространственные предлоги *en* и *de*. Очевидно, этот случай представляет собой крайний вариант развития ситуации, к которой может привести отсутствие изменения топонимов в предложных конструкциях: вместе с неизменяемым топонимом вводятся предлоги. Данные гибридные образования весьма интересны, поскольку, с одной стороны, испанские предложные конструкции с топонимами соответствуют польским аналогам и выбираются в соответствии с правилами синтаксической связи в польском языке, с другой стороны, эти правила идентичны испанским (*urodzić się w X – nacer en X, blisko do czego – cerca de algo*). Особенно наглядно эта связь проявляется в конструкции с предлогом *blisko*, когда сама конструкция трансформируется в результате гибридизации.

4. При рассмотрении функционирования топонимов обращает на себя внимание употребление географических наименований (в том числе административных единиц — по большей части составных), а также топонимов из других

регионов, имеющих помимо испанских и соответствия в конкретном славянском языке.

[4.1] *moj stari... stari oče je bil... u-u Nort Ameriki, u rudnikah je šel, pol je šel v Slovenijo* (S, BA) (мой дедушка... дедушка был... в-в Северной Америке, в шахты поехал, потом поехал в Словению);

[4.2] *jer največ emigracija su otišli u Kanada, e-e Estados Unidos, i Australija* (H, PBA) (потому что больше всего эмиграции уехало в Канаду, э-э в Соединенные штаты, и Австралию);

[4.3] *jaz sem, jaz sem to naredil... Ameriko sem, Argentino, Meksiko ... Estados Unidos, po Evropi sem* (S, BA) (я, я это сделал [объехал]... Америку, Аргентину, Мексику ... Соединенные штаты, по Европе);

[4.4] *ali, kada su išli, krenuli drugi u u... provincia de Córdoba, ciudad de Córdoba, i to su, bueno, to je tako* (H, BA) (но, когда они ехали, другие отправились в в... провинция Кордоба, город Кордоба, и это, ладно, это так);

[4.5] *nimaš hribov je vse ravno, tukaj v Argentini, moraš iti, tukaj, čist blizu-u, e-e, la, tale la Cordillera de los Andes, da maš prav take-e* (S, BA) (нет гор, все ровно, здесь в Аргентине, ты должен ехать, здесь, совсем близко, э-э, эта, Кордильера Анд, что есть как раз такие);

[4.6] *šo my jizdyly na po... vže pu vud'i, po Mar Negro, vs'o* (U, P) (что мы ездили на по... уже по воде, по Черному морю);

[4.7] *on je od Mohcú* (S, PBA) (он из Москвы).

Определенно, причина этого феномена кроется либо в незнании славянского эквивалента, либо в большей частотности в собственной речи именно испанского аналога⁹. Эти названия могут встраиваться в языковую систему (например [4.1], где вторая часть, по всей видимости, ассоциируется с изменяемым аналогом в словенском языке: *Amerika – v Ameriki, Nort Amerika – v Nort Ameriki*), но чаще всего используются в своей исходной форме, в том числе и после предлогов [4.2], [4.4], [4.6], [4.7]. Внутри составных наименований сохраняются все синтаксические связи языка-источника, так что их можно принять за случаи переключения кода, однако с лексической интерференцией их сближает устойчивость номинации в сознании информанта и целостный образ обозначаемого. Если отвлечься только от составных названий, то мы увидим, что и здесь часто используются испанские аналоги вместо славянских соответствий [4.7]¹⁰.

5. Что касается числительных, то их использование в речи собеседников также встречается в испанском варианте¹¹. Приведем примеры из нашего корпуса:

⁹ Так, некоторые информанты применяли автокоррекцию, допустив в своей речи вначале испанский вариант, а затем после паузы исправив его на славянское соответствие, как, например в примере на хорватском языке: *uglavnom, e, to se razumi da je, u America del Sur, Južnoj Americi, ali, uglavnom, to je Argentina* (H, BA) (в основном, э, понятно, что, в Южной Америке, Южной Америке, но, в основном, это Аргентина).

¹⁰ Это и понятно, если учесть, что образование на языках мигрантских сообществ, в том числе и на славянских, в общеобразовательных школах не ведется.

¹¹ В принципе, числительные в ситуации ассиметричного билингвизма подвержены вытеснению со стороны функционально доминирующего языка. Это показали наши полевые данные из других контактных славянско-неславянских зон, например на итальянско-словенском пограничье (в особенности в Бенечии, Надиже и Резии) (ср. также [24. С. 57, 73]), а также в ситуации венгерско-сербских контактов в Воеводине. Чаще всего происходит переход на другой язык при назывании номера телефона. В исторумынском языке славянские числительные даже вошли в языковую систему [25. С. 663]. Использование испанских числительных (вместе с соответствующим немецким аналогом, когда реализуется стратегия повтора) характерно для немецкого языка поволжских немцев Аргентины: *die ejschte Deutschen nach Russland sein gezogen in tausendsiebenhundertdreiundsechzig, mil setecientos setenta y treh* [1. S. 190], а также для немецкого языка в России: *da war ich finfundeinzig, net, finfundzwanzig* (ну двадцать пять лет было) [26. С. 272].

[5.1] *hace cuarenta años atrás ne búlo nijakeya s'v'itla, teperka majut na šahráh* (U, M) (сорок лет назад не было никакого света, теперь есть на ферме);

[5.2] *cuando-o... v'in maw wže, dieciocho añoh, ne h'tiw žety na na... čakra, si* (U, M) (когда-а... ему было уже восемнадцать лет, он не хотел жить на на... ферме, да);

[5.3] *hto maw... bayato yerby entonce búlo dowre, pero-o, nuestra chacra-a mala veinticinco hectariah, es, poco* (U, M) (у кого было... много кустарника мате, тогда было хорошо, но-о, наша ферма имела двадцать пять гектаров, это мало);

[5.4] *pysanký tak, sama i de zakazuju i ja duže bayato varú... huevo, ja varú sesenta* (U, P) (писанки, да, сама [делаю] и где заказываю, и я очень много варю... яиц, я варю шестьдесят);

[5.5] *prentko bendž'em-, m'ala, dž'ev'e-, dž'ev'en'č', dž'ev'e-, noventa años, dž'ev'en'dž'eš'ont* (P, M) (скоро мне будет, девя-, девяно-, девя-, девяносто лет, девяносто);

[5.6] *esto es de setenta y cinco s'im'des'at p'jat' rok'iv jak naš'i sestry pryjihaly* (U, M) (это семьдесят пятого, семьдесят пять лет как наши сестры приехали);

[5.7] *časopis, bilo, na papir, smo izdali, jedanaest tisuća osamsto, stranica, once mil ochosientas páginas* (H, BA) (журнал, бумажный, мы издали, одиннадцать тысяч восемьсот страниц, одиннадцать тысяч восемьсот страниц);

[5.8] *ja imam tri, šešira, tres sombreros ... kako kažem* (H, BA) (у меня есть три шляпы, три шляпы ... как сказать).

Числительные могут употребляться как самостоятельно [5.1], [5.2], [5.3], [5.4], так и сопровождаться переводом на славянский язык [5.5] – [5.8], когда реализуется стратегия повтора. В примере [5.7] на хорватском языке стратегия повтора реализована только для первой группы числительного с существительным, тогда как вторая группа остается (*deset godina*) в исходном варианте. Важно для нас то, что испанские числительные могут как предшествовать славянскому аналогу [5.6], так и следовать за ним [5.7], [5.8], при том что существительное, количество которого определяется числительным, либо опущено в одном из вариантов [5.6], либо же приведено полностью [5.7], [5.8]. В [5.5] мы видим обе стратегии: не будучи в состоянии с первых попыток произнести числительное на польском языке¹², информант выбирает испанский вариант, а затем дублирует его на польском. Никаких специальных маркеров в первых двух случаях [5.1] [5.2] мы не наблюдаем, собеседники свободно и без паузы употребляют числительные, тогда как в остальных случаях их маркирует сам факт повтора. Тем самым информант как бы придает больший вес своему высказыванию, одновременно давая понять, что ему знакомы аналоги числительных на славянском и на испанском языках. Там, где испанские числительные предшествуют украинским [5.6], можно предположить, что в момент порождения речи этот вариант вспомнился первым (возможно, из-за большей частотности использования числительных именно на этом языке), затем следует украинское числительное. Информант может испытывать психологическую необходимость сначала проговорить числительное на испанском, а уже потом его передать на славянском языке. Последствием использования числительных исключительно в испанском варианте является переключение кода¹³: так, в [5.3] после группы числительного с существительным информант продолжает повествование на испанском

¹² Эта ситуация характерна для информантов, редко использующих язык, и языковой аппарат которых отвыкает с течением времени от произношения специфических неиспанских звуков.

¹³ Числительные таким образом выступают в роли «слов-переключателей» [11. С. 189] или *triggers* [27. P. 39].

языке, хотя само высказывание до переключения можно определить как смешанный код из-за обилия неукраинских элементов и непринужденности перехода. При анализе первых трех примеров возникает вопрос: информантам неизвестны только числительные или также существительные, входящие с ними в группу? И что в таком случае влечет за собой выбор испанского варианта? Ведь вполне допустимо, что слово *hectar* известно информантам только в испанской форме (в особенности, если учитывать, что информанты в провинции Мисьонес в большинстве занимаются сельским хозяйством). Причиной использования испанских числительных в [5.1] можно предположить также то, что собеседнику незнакома украинская временная конструкция, в составе которой употреблены числительные.

6. Перейдем к рассмотрению отдельных стратегий маркирования, не связанных с самой формой лексемы/высказывания. В предыдущих примерах мы видели, как функционируют иноязычные элементы, происходит или отсутствует их адаптация в принимающей языковой системе. Их встроенность в систему славянских языков позволяет судить о продолжительности контакта, уровне владения языком, частоте их использования и влиянии на структуру примарной языковой системы. Однако все эти случаи объединяло то, что вводились они без каких-либо метаязыковых высказываний и сигналов (случаи с повтором занимают тем не менее особое место).

[6.1] *pa tud [hiše] so... zelo-o-o... oscuras, so zelo-o-o, zaprte okna, zaprijo okna (in je hladno?) ja! malo, malo, ampak ti rabiš... tiste-e, ee, ar- e-e, aire condicionado, če nimaš tega, jaz ne morem preživeti (S, BA) (и [дома] тоже... ооочень, темные, очень, закрытые окна, они закрывают окна (и не холодно?) да! немного, немного, но нужен... этот, э-э, кондиционер, если его нет, я не могу выжить);*

[6.2] *koji su došli, ali najviše su dalmatinci, zašto je bila... ekonomska-a-a... emigración, zato je bilo (H, PBA); (которые приехали, но больше всего далматинцев, потому что была... экономическая-я-я... эмиграция, поэтому было);*

[6.3] *moja deca ne znaju jezik, al imaju mnogo-o-o... facilidad, je mnogo lako za njih da uče jezik (SR, BA) (мои дети не знают язык, но у них много-о-о... легкости, очень легко для них выучить язык);*

[6.4] *jer nemam mogućnost nemam s kim, ovde našaa, naša colectividad ehte, je vrlo mala (SR, BA) (потому что у меня нет возможности с кем [разговаривать], здесь нашаа, наша община это, очень маленькая);*

[6.5] *bulá škola, bulá, e zapysuvaly, do, e, registro de personas, e, e, užé buló tam (U, M) (была школа, была, э, записывали в, э, регистр лиц, э, э, уже было там);*

[6.6] *jaz sem šla pa sem šla nazaj domov sem bila zelo e-e depri- deprimida, zelo sem bila deprimida (S, BA) (я шла, я шла назад домой и была очень э-э, пода- подавлена, я была очень подавлена);*

[6.7] *i to fšystko bylo polsk'e... polsk'e... polsk'e, aš, aš tu, tu... š'e, š'e, se casaban, entre castella-, uc-, argentino y polaco (P, M) (и это все было польское... польское... польское, тут... тут заключали брак между испан-, ук-, аргентинцами и поляками);*

[6.8] *prygoščaly? Si! wže maly e-e-e preparado, mama hacía pan dulce ... esto es parecido también a hrúščyky (U, M) (они угощали? да! у них уже было э-э-э приготовлено, мама делала сладкий хлеб ... это также похоже на хрущики).*

Мы видим, что каждому иносистемному слову (словосочетанию) предшествует пауза, перед которой наблюдается хезитация. Проявляется хезитация в растягивании последних гласных звуков [6.1], [6.2], [6.3], [6.4], в повторах последнего слова [6.4], [6.7], повторе начальных звуков испанского слова (фальстарт) [6.1], [6.6], а также в произношении неречевых звуков [6.5], [6.6], [6.8].

Хезитационные явления являются неотъемлемой частью процесса порождения речи и свидетельствуют о его творческом характере. Все вышеназванные явления находят отражение в существующих классификациях [28; 29], они получают название вербальных хезитативов [30. С. 346]. Эти явления приобретают несколько иной вес и значение, когда речь идет о ситуации языкового контакта, а не только о монолингвальных индивидах. Показательно при этом, что выбранные лексемы проявляют признаки адаптивности: в [6.1] форма прилагательного *oscuras* согласовано в роде и числе с главным словенским словом *hiše* (нельзя также исключать влияния испанского аналога *casa*, имеющего женский род); в [6.2] и [6.3] слова женского рода *emigración* и *colectividad* предшествуют словам в женском роде в хорватском и сербском высказываниях соответственно; у информанта в примере [6.6] в словенском языке происходит согласование по роду (что идентично испанским правилам); а в [6.7] в результате хезитации при повторе информант не может вспомнить польский аналог и выбирает испанский вариант глагола, который в обоих языках возвратный (*ożenić się – casarse*). Очевидно также, что заминки, повторы и растягивание звуков могут вводить не только лексему или словосочетание, но и предшествовать переключению кода, как в [6.7], [6.8]. Перечисленные явления демонстрируют процесс подбора слов, поиск адекватного выражения на том коде, на котором ведется повествование (так называемая поисковая функция вербальных хезитативов) [30. С. 348], что, однако, с точки зрения успешности коммуникации не удается осуществить, поскольку слово на L1 не найдено, а вместо него используется аналог на L2. Тем не менее, именно перед данными языковыми элементами наблюдаются хезитационные явления, маркирующие их употребление и свидетельствующие о том, что говорящий осознает их несистемный характер в высказывании на L1. Любопытно также, что в некоторых случаях наблюдается что-то похожее на рамку, которая окружает проблемное слово: например в [6.5] после *registro de personas* информант еще какое-то время колеблется, произносит неречевые звуки, и только после паузы возвращается к теме повествования; в [6.6] примере собеседник обрамляет испанское слово повтором целой конструкции; в [6.4] после испанского вкрапления следует вербальный хезитатив *ehte (este)*¹⁴; а в [6.1] информант повторяет предшествующую испанскому слову словенскую часть высказывания, причем последний гласный звук также растянут (*so, zelooo, oscuras, so zelooo*)¹⁵. Таким образом, в некоторых случаях хезитативы имеют не только препозицию, но и постпозицию, акцентируя тем самым проблемный фрагмент высказывания.

7. Следующее явление, наиболее часто встречающееся в коммуникации с билингвальными информантами, — использование метаязыковых комментариев в качестве маркирования проблемных фрагментов. Значимым компонентом языкового сознания, которое отвечает за отношение языковой личности к языку, является метаязыковое сознание [32. С. 26]. Очевидно, что говорящие в процессе использования языка при помощи различных средств «сигнализируют», что они осознают не только содержание, но и форму сообщения [9. С. 137]. Показатели метапрагматической осведомленности могут быть выражены как эксплицитно, там и имплицитно (в том числе через практику переключения кода)

¹⁴ *Este* — является одним из самых частых дискурсивных маркеров в испанском языке, отмечается и в немецкой речи в Аргентине [1. S. 171]. Воспроизводство дискурсивных маркеров из функционально доминантного языка встречается очень часто [21. S. 188].

¹⁵ Это может восприниматься, по нашему мнению, и как оправдание перед исследователем (что отмечается в [31. P. 686]), и/или как еще одна попытка найти подходящее словенское слово.

[33. С. 92]. Здесь мы выделим несколько типов. К первой группе мы отнесли случаи самокоррекции информантов, когда очевидно, что они подбирают подходящие слова, используя метаязыковые высказывания, а также хезитативы.

[7.1] *pod Angležani so popravljali, delali na novo hiše, zmeram so imeli tudi, e delo-o-o e-e, na campu, a-a! na zemlji! in smo vsi otroci pomagali* (S, BA) (при англичанах восстанавливали, делали заново дома, всегда у них также была, э, работа-а-а э-э, на *campu*, а-а! на земле! и мы все дети помогали);

[7.2] *to će biti zapravo od... nekoliko, e-e-e, knjige, i e... nekih, dvije, recimo, e partes kako se kaže? djela! jedan* (H, BA) (это будет действительно... несколько, э-э-э, книг, и э... некоторых, две, скажем, э *partes* как сказать? части! одна [часть]);

[7.3] *ojećec, znaw murovač'... tut, a drug'i šl'i, e-e do Trellios, Corrientes, e-e, žeby ten-n, trigo jak? pšen'icy! kosyč'ovač', i tak, a drug'i, jak rob'il'i na kol'iji te šyny* (P, M) (отец умел строить... тут, а другие шли, э-э до Трелльос, Коррьентес, э-э, чтобы этот-т, *trigo* как? пшеницу! собирать, и так, а другие, делали на железной дороге эти рельсы);

[7.4] *mama je bila-a-a, saa nemcima dva puta u-u-u, kako se kaže u cárcel, kako že kaže? zatvor!* (SR, BA) (мама былааа, с немцами два раза, в в в, как сказать в *cárcel*, как сказать? тюрьма!).

Отличие от выше рассмотренных случаев [6] заключается и в том, что информанты самостоятельно находят выход из коммуникативной неудачи, каковой является использование иноязычных вкраплений, потенциально не понятных стороннему наблюдателю. Следует отметить, что в нашем корпусе подобных примеров не так много, информанты редко успешно решают подобные проблемы, хоть и осознают, как видно, иносистемный характер элементов. Во всех случаях первым называется испанское слово, т.е. речь не идет о том, что невозможно просто вспомнить нужное слово (как это часто бывает у монолингвов в спонтанной речи), не было подобрано именно нужное слово на славянском языке. В [7.2], [7.3] и [7.4] мы видим, что собеседники задают себе вопрос, свидетельствующий о поиске. В [7.1] подобных вопросов нет, однако их место занимает возглас — маркирующий удачный поиск аналога. Собственно, все примеры являются разновидностью хезитативов, только более развернутых. Так, им предшествуют те же сигналы, которые были рассмотрены выше: растяжение последнего гласного или согласного звука предыдущего слова, неречевые звуки. Испанские лексемы возникают в речи собеседников в уже адаптированном виде [7.1], либо в грамматической форме, свойственной конкретной речевой ситуации [7,2]. Именно трудности при поиске слова являются основной причиной подобных иносистемных вставок, зачастую снабжаемых метапрагматическим комментарием [21. С. 238]. Создается впечатление, что, если бы не присутствие исследователя, поиск слова и метаязыковой комментарий были бы лишними и беседа бы велась совсем по-другому. Скорее всего мы имеем дело с так называемым парадоксом исследователя, подробно описанным У. Лабовым [34. Р. 113].

8. В нашем корпусе гораздо больше примеров с метаязыковыми вставками, в которых информанту не удается найти эквивалент испанскому слову, и он задает вопрос самому себе и оставляет его без ответа, либо обращается за помощью к собеседникам или к исследователю. Приведем примеры:

[8.1] *tam navado kaj zmolit nad Marijo, in, e-e-e, kaj-j-j, oración?* — *Molitev.* — *Molitev o Mariji* (S, BA) (я обычно молюсь перед Марией, и, э-э-э, что-о-о, *oración?* — молитва. — Молитва о Марии);

[8.2] *jaz sem govoru w z ... pa mi je-e-e, kako bi rekel dar consejo?* – *Priporočil.* – *Priporočil in tako* (S, BA) (я говорил с ... и мне, как бы ты сказал *dar consejo?* – рекомендовал – рекомендовал и так);

[8.3] *nekateri so-o-o spominki, so spomini so-o-o tudi-i-i, e, cuadros, cómo decian cuadros?* – *Slike?* – *Ja, slike, slike od Bleda* (S, BA) (некоторые являются сувенирами, это память, а также-е-е, э, *cuadros*, как сказать *cuadros?* – Картины? – Да, картины, картины с озера Блед);

[8.4] *ja ja ampak če gledaš u cale- u-u, cómo eh calendario?* – *Koledar.* – *U koledar, ja, če gledaš u koledar* (S, BA) (да-да, но если ты смотришь, в *cale-* в-в, как э *calendario?* – календарь. – В календарь, да, если смотришь в календарь);

[8.5] *jaz ne morem niti e, particip- par- e-e-e particip- kako je že participar?* – *Udeležiti se* (S, BA) (Я не могу не, э, *particip- par-* э-э-э *particip-* как будет *participar?* – Участвовать);

[8.6] *tata je došao 1928. godine, moj otac bio, eee menor, kako se kaže menor de edad?* – *Mlađi* (H, BA) (папа приехал в 1928 году, мой отец был, э-э-э *menor*, как сказать *menor de edad?* – Младше);

[8.7] *sedamdeset posto Argentina se dolazi od Španjolce i Talijane, to znači co-o-o-costumbre, kako se kaže costumbre?* – *Običaj.* – *Po običaju su katolici* (SR, BA) (семьдесят процентов аргентинцев происходят от испанцев и итальянцев, это значит *cooo- costumbre*, как сказать *costumbre?* – Обычай. По обычаю они католики);

[8.8] *je ody n utes'' naš šo v'in e-e u municipalidad e-e ja ne znaju jak to kažete po ukrajins'ky municipalidad?* – *Mun'ic'pal'itet* (U, M) (есть один отец наш, который э-э в *municipalidad* э-э я не знаю, как вы говорите по-украински *municipalidad?* – Муниципалитет);

[8.9] *to je bilo... jedan... bi- sindicato, kako se zove sindicato?* – *Sindikat.* – *Sindikat* (H, PVA) (это было... один... бы- *sindicato*, как будет *sindicato?* – Профсоюз. – Профсоюз).

Перед нами еще один способ маркирования – более пространный, чем предыдущие, а также, что самое главное, непосредственно обращающий на себя внимание с привлечением собеседников к разрешению коммуникативных трудностей (например других, более авторитетных собеседников диалога, а также исследователя)¹⁶. Во всех случаях информанты ищут поддержки собственной языковой компетенции и успешно реализуют эту стратегию – в возобновленной реплике используется предоставленная лексема. Очевидно, что способы, предворяющие появление иноязычной лексемы, идентичны тем, которые мы наблюдали в предыдущих разделах: фальстарты, неречевые звуки, заминки, растягивание последних звуков предыдущих слов. В двух случаях метаязыковой комментарий дается на испанском языке [8.3], [8.4]¹⁷, в остальных примерах комментарии информантов при поиске слова и обращении за помощью даны на соответствующем славянском языке. Как и в выше рассмотренных высказываниях, проблемный статус слов никак не связан со временем появления реалии. Так, если для слов *municipalidad* [8.8] и *sindicato* [8.9] очевидно, что они появились соответственно в хорватском и украинском языке информантов как местные административные и политические реалии, то в [8.1] собеседник не может актуализировать слово *molitev*, относящееся к древнейшему слою словенской

¹⁶ Дж. Гафаранга различает исправления, сделанные самим говорящим (*self-initiation repair*) (что мы могли наблюдать в разделе 7) или другими лицами (*other-initiation repair*) [35. P. 511].

¹⁷ Подобные примеры свидетельствуют о функциональном преобладании испанского языка в идиолекте собеседника.

лексики, и родственное употребленному в том же высказывании глаголу *zmolit*. По всей видимости, речь идет о большей частотности в идиолекте говорящего конкретных лексем на конкретном языке.

9. Второй разновидностью маркирования иноязычных элементов при помощи метаязыковых высказываний в речи на славянских языках информантов является использование метаязыковых средств без обращения за помощью к партнерам по коммуникации. Собеседники не обращаются к ним напрямую, вербально (как в предыдущем разделе, когда в метаязыковом комментарии четко указан конкретный адресат: *kako bi [ti] rekel* [8.2], *jak to [vy] kažete* [8.8]), или при помощи жестов, а просто сигнализируют о трудности в собственной языковой компетенции (вероятно, не желая тратить время на поиск слова и упустить суть повествования). В следующих примерах представлены подобные высказывания:

[9.1] *kowbašy robyly, kowbašy, e-e-e, robyly ták'i, e, eso cómo se llama? morcilla, de la sangre morcilla se llama, a z nógy to robyly yr'išký, varyly* (U, M) (колбасы делали, колбасы, э-э-э, делали такие, э, это как называется? Кровяная колбаса, из крови кровяной колбасой называется, а из ноги делали холодец, варили);

[9.2] *tamo se pravilo, ima sam ja dvi roditelje od moga tate, koji su pravili, ponían amapola, ne znam kako amapola* (H, PBA) (там делали, у меня были двое родителей со стороны моего папы, которые делали, клали мак, я не знаю как мак);

[9.3] *onda došla... ovdje... puno vode, pa se izgubila, ta, ta la escritura, ne znan, kako se zove, da, bi, di piši da si ti, e-e, gazda od ove zemlje* (H, PBA) (тогда пришло... сюда... много воды, и потерялась, эта, эта запись, не знаю, как называется, где было бы написано, что ты, э-э, хозяин этой земли);

[9.4] *i Brazil sada su nam ukrali, ee, krave, la genética, ne znan kako se naški zove, zašto oni su imali tvrdo meso* (H, PBA) (и Бразилия сейчас у нас украли, э-э, коров, генетика, не знаю как по-нашему называется, потому что у них мясо было твердым);

[9.5] *ovi ljudi koji radu koji ubiju-u... krave, to je frigorifico po našem, frigorifico po našem, di se meso pravi* (H, PBA) (эти люди, которые работают, которые убивают... коров, это холодильники по-нашему, холодильники по-нашему, где мясо делают);

[9.6] *imali su revoluciju... protiv... portuguesés, ne znam kako onda, kad su izgubili, trebali su uteć* (H, PBA) (у них была революция против... португальцев... не знаю как тогда, когда они проиграли, им нужно было убежать);

[9.7] *al'i on teras... šedž'e na kšěš'i, s, tym'i, s tym'i, ruedas, silla con ruedah* (P, M) (но он сейчас... сидит в кресле, с, этими, с этими, колесами, кресло на колесах);

[9.8] *a jij meš, traumatólogo... koš'č'i... ma sv'oje, to, jak to, consultorio, i, ona bardzo, jak e, specialista de mano?* (P, M) (а ее муж травматолог... кости... имеет свою, это, как это, консультацию, и, она очень, как э, мануальный терапевт);

[9.9] *papaya, tamon, ja kážu tamon, papaya, a po ukrajins'ky, po ukrajins'ky ne znaju* (U, M) (папайя, мамон, я говорю мамон, а по-украински, по-украински я не знаю);

[9.10] *to je jedna kao lopta od drveta, ima jedan, kako se kaže agujero? e-e-e, ne znam kako, ti si me razumeo, i ima jedan štipić* (SR, BA) (это один как бы мяч из дерева, есть один, как называется дыра? э-э-э, не знаю как, ты меня понял, и есть одна палка);

[9.11] *my wže jubilado, jak to kazaty, še ne majem takoji rob-, takoji, jak to, z roboty kazaty, zan'at'a take* (U, M) (мы уже пенсионеры, как это сказать? у нас еще не такой раб-, такой, как это, сказать с работы, занятие такое).

Обращает на себя внимание типологическое сходство высказываний с примерами из предыдущей группы. Так, в [9.1] (как и в [8.3], [8.4]) мы также видим, что испанский язык может выступать в качестве языка метаязыкового комментария, сигнализирующего о языковых затруднениях и поясняющего, что хочет сказать информант. Кроме того, он является тем самым триггером, который заставляет информанта переключиться на другой язык с целью комментария; показательно, что после этого рассказ продолжен на украинском языке, т.е. в данном случае ПК носит характер вставки. В [9.2] иносистемной в хорватской фразе является конструкция с переходным глаголом и существительным – прямым неодушевленным дополнением (*ponían amapola*), тогда как проблемным словом является только существительное, на что и указывает собеседник в метаязыковом комментарии. В двух последующих примерах [9.3] и [9.4], испанские существительные приводятся с определенным артиклем, а в [9.5], [9.6], [9.9] устоявшаяся форма комментария «(не знаю) как *X* называется» дополнена введением названия идиома (*naški*¹⁸ [9.5], *po našem* [9.6]), что мы также наблюдали в высказывании [8.8] из предыдущего раздела. При этом интересно, что *naški* [9.4] относится именно к хорватскому языку, поскольку проблемное слово противопоставлено именно ему, тогда как *po našem* [9.5] относится к тому самому упоминаемому испанскому слову, которое функционирует без эквивалента и в речи на хорватском языке (см. например [2.3]). То, что информанты не рассчитывают на постороннюю помощь, а спешат донести информацию до слушателя, наглядно демонстрирует пример [9.10], когда эксплицитно выражено отношение говорящего к присутствию смешанных единиц в собственном идиолекте. Если собеседник понимает второй язык, можно не стараться находить эквиваленты и ослабить самоконтроль. В большинстве случаев информанты останавливаются, назвав испанское слово/выражение, однако в [9.1] и [9.11] предприняты попытки дать развернутое толкование слов на испанском и украинском соответственно. Все же данная стратегия редко реализуется как раз в связи со стремлением сэкономить время и донести больше информации, особенно если учитывать, что собственно метаязыковые комментарии, маркирующие испанские элементы, отнимают время и отвлекают от линии повествования.

10. Следующим подтипом является стратегия удвоения, о которой было уже немного сказано в разделе про функционирование числительных. Данная стратегия очень часто реализуется в ситуациях языкового контакта ([36. С. 144; 37. С. 97; 38. С. 212; 9. S. 147; 31. P. 684]; Вассершайдт называет эту стратегию переводом [21. S. 169], Ладилова [1. S. 187] пишет о стратегии повтора/разъяснения/акцентирования).

[10.1] *ja ću ti poslje slati, ali uglavno je da su, e ujci, los tios, e, tu su bili dva braća... moji* (H, BA) (я тебе потом пошлю, но в основном, что, э, дяди, *los tios*, э, это были два брата... мои);

[10.2] *ali... postoji jedan fakt, jedan-n-n, kako se zove? fakt... se zove... ljubomora, envidia! od strane ljudi* (H, BA) (но... существует один факт, один-н-н, как называется? факт... называется... зависть, *envidia!* со стороны людей);

[10.3] *vy jaku materiju včytě v un'iversitet'i?... predmet?* (U, P) (а вы какую *materiju* изучаете в университете? ... предмет?);

[10.4] *tam je naš'i sestry, a jizdyly na cataraty? na vodospad?* (U, M) (там наши сестры, а вы ездили на *cataraty?* на водопад?).

¹⁸ Похожее название характерно для хорватского языка в итальянском регионе Молизе: *na naš(u)*.

На подобное явление в речи билингвов обратил внимание еще Дж. Гамперц, отметив, что повторы (*reiteration*) служат для разъяснения сказанного, для расширения или акцентирования сообщения [15. Р. 78]. Билингвальные повторы указывают также на речевые колебания и часто сопровождаются паузами [39. С. 57, 59]. Приведенные примеры показывают, что повторяется не только элемент на славянском языке, но и элемент на испанском языке [10.1], [10.2] (ср. также с примерами [5.7], [5.8]). С точки зрения прагматики высказывания, это странно, поскольку нет никакой необходимости дублировать сказанное на языке, на котором в данный момент не ведется общение. Более логичными выглядят случаи, когда повторяется заимствованный элемент и информант производит автокоррекцию в сторону языка, на котором ведется общение [10.3], [10.4]. Что касается маркирования иноязычных элементов в первых двух случаях, то оно действительно происходит, отличается только расположением элементов. Мы видим, что дублеты не обязательно располагаются друг за другом [10.3]. Первые же два случая вряд ли правомерно рассматривать как автокоррекцию, скорее речь идет о логическом выделении в высказывании конкретных лексем.

11. Таким образом, в статье была представлена типология маркирования иноязычных элементов, которые встречаются в славянских языках в странах Южной Америки (на примере речи словенской, хорватской, сербской, польской и украинской диаспор). Специфика охвата информантов демонстрирует универсальный характер подобного маркирования, что подтверждается примерами и из других контактных зон. Выделены следующие группы: отсутствие маркирования испанских элементов¹⁹ (внутри группа подразделяется по семантическому признаку: географические названия и сочетания, имеющие в своем составе числительные), а также собственно маркирование заимствованных элементов (при помощи хезитационных явлений; метаязыковых высказываний, иллюстрирующих поиск проблемного элемента и его подбор самим информантом; метаязыковых высказываний, иллюстрирующих поиск проблемного элемента и обращение за помощью к собеседникам; метаязыковых высказываний, иллюстрирующих поиск проблемного слова без автокоррекции и обращения за помощью к собеседникам; повтор иноязычного элемента без метаязыковых вставок). Маркируется только то, что осознается как несвойственное грамматической и лексической системе славянских языков. Однако маркирование может быть не только структурным, но также и семантическим и идеологическим (предполагающее маркирование определенной коммуникативной ситуации). Так, в разговоре между собеседниками, принадлежащими к конкретной диаспоре, вероятно, количество метаязыковых вставок было бы меньше, чем в беседе с исследователем (или разговор вообще бы проходил на испанском языке). Оказывает влияние и уровень владения языком, активирующий функцию языкового контроля: чем меньше компетенция информанта в языке L1 (что особенно актуально для сообществ, проходящих через ситуацию языкового сдвига), тем меньше в его речи маркеров для элементов из языка L2, а также метаязыковых комментариев.

---

¹⁹ Адаптация иноязычных элементов или ее отсутствие также служит определенным показателем: информирует нас о том, насколько глубоко происходит интеграция языковых систем и в какую сторону направлен языковой сдвиг (об уровне языкового сдвига свидетельствует также сам язык, на котором делаются метаязыковые вставки). Структурно они маркированы уже самим фактом использования, а также тем, что выбиваются из общей грамматической и лексической системы. Однако семантически их употребление обычно и тем самым не маркировано для членов общины (как, например, для поволжских немцев Аргентины немаркированным является использование испанского языка [1. S. 184]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ladilova A.* Kollektive Identitätskonstruktion in der Migration. Eine Fallstudie zur Sprachkontaktsituation der Wolgadeutschen in Argentinien Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie des Fachbereiches 05 der Justus-Liebig-Universität Gießen. Gießen, 2012.
2. *Johnson N.* How green is their valley? Subjective vitality of Welsh language and culture in the Chubut Province, Argentina // *International Journal of the Sociology of Language*. 2009. № 195.
3. *Flodell G.* Immigrant Swedish in Misiones, Argentina – towards language loss // *Language contact across the North Atlantic: proceedings of the working groups held at University College, Galway (Ireland), August 29–September 3, 1992 and the University of Goteborg (Sweden), August 16–21, 1993*, Tubingen, Niemeyer, 1996.
4. *Urban A.* Russisch-spanischer Sprachkontakt in Argentinien. Die russische Emigration nach Argentinien und deren sprachliche Folgeerscheinungen dargestellt am Beispiel der russischen Sprachgemeinschaften in Buenos Aires und Oberá, Misiones. Wien, 2004.
5. *Guillermo-Sajdak M.* Bilingwizm polsko-hiszpański w Argentynie: drogi akulturacji polskich emigrantów w Buenos Aires, Córdoba, Santa Fé oraz Misiones. Warszawa, 2015.
6. *Ban J., Špelko T.* Slovenska jezikovna skupnost v Argentini // *Jezik in slovstvo*. 2006. Vol. 51. № 3–4.
7. *Сушинська І.* Українська мова у бразилійській діаспорі: стан і статус. Лінгвістичні студії. 2010. № 20.
8. *Lasić J.* Jezični identitet hrvatske iseljeničke zajednicu u Čileu // *Croatian Studies Review Časopis za hrvatske studije*. 2010. Vol. 6.
9. *Petrović T.* Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd, 2009.
10. *Romaine S.* Language-Contact Studies // *Sociolinguistics. Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society. Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft*. Berlin; New York, 2004.
11. *Белл Роджер Т.* Социолінгвістика. М., 1980.
12. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев, 1979.
13. *Matras Y.* Language Contact. Cambridge, 2009.
14. *Русаков А.Ю.* Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе) Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени д-ра филол. наук. СПб., 2004.
15. *Gumperz J.J.* Discourse Strategies. Cambridge, 1982.
16. *Проценко Е.А.* Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // *Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2004. № 1.
17. *Zentella A.C.* Growing up bilingual. Oxford, 1997.
18. *Muysken P.* Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing. Cambridge, 2000.
19. *Myers-Scotton C.* Duelling Languages. Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford, 1993.
20. *Budžhak-Jones S.* Developing Diagnostics: Word-Internal Code-Switching Versus Borrowing // *Cahiers linguistiques d'Ottawa*. 1998. № 26.
21. *Wasserscheidt Ph.* Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin, 2015.
22. *Курске В.С., Варламова И.Н.* Языковые практики немцев села Подсосново Алтайского края (по материалам полевых исследований) // *Диаспоры*. 2010. № 2.
23. *Guillermo-Sajdak M.* Język hiszpański – język argentyński – język polski. Charakterystyka języka polonijnego używanego w Argentynie // *Ameryka Łacińska*, 2013. № 2 (80).
24. *Grošelj R., Kenda-Jež K., Klemše V., Smole V., Šekli M.* Lipalja vas in njena slovenska govornica. Ljubljana; Ukve, 2016.
25. *Нарумов Б.П.* Истрорумынский язык/диалект // *Языки мира. Романские языки*. М., 2001.
26. *Александров О.А.* Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев // *Вестник науки Сибири. Серия Филология. Педагогика*. 2015. № 15.
27. *Demircay D., Backus A.* Bilingual constructions // *Dutch Journal of Applied Linguistics*. 2014. Vol. 3. № 1.
28. *Степанова С.Б.* Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // *Материалы XXXV Международной филологической конференции. Фонетика*. СПб., 2006.
29. *Александрова О.А., Иваницкий В.В.* Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации // *Вестник Новгородского государственного университета*. СПб., 2003. № 25. [Электронный документ]. URL: <http://www.novsu.ru/file/29080>

30. *Богданова-Бегларян Н.В.* Вербальные хезитативы русской устной речи: реализация поисковой функции и «рефлекс поиска» // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века.* Kraków, 2015. Вып. 2.
31. *Laihonen P.* Language ideologies in interviews: A conversation analysis approach // *Journal of Sociolinguistics.* 2008. № 12/5.
32. *Бондаренко Е.Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.
33. *Фершурен Дж.* Заметки о роли метапрагматической осведомленности в использовании языка // *Критика и семиотика.* 2001. № 3/4.
34. *Labov W.* Sociolinguistic patterns. Philadelphia, 1972.
35. *Gafaranga J.* Language alternation and conversational repair in bilingual conversation // *International Journal of Bilingualism.* 2012. Vol. 16. № 4.
36. *Пилипенко Г.П.* Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». М., 2017.
37. *Плотникова А.А.* Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.
38. *Седакова И.А.* Русская речь в балканском окружении // *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой.* М., 2008.
39. *Гаврилова В.Г.* Дублирование как одно из проявлений переключения // *Финно-угорский мир.* 2012. № 3/4.

© 2018 г. Д.С. ПАРФИРЬЕВ

ПРИДНЕПРОВСКАЯ УКРАИНА В ПЛАНАХ УКРАИНСКИХ ПОЛИТИКОВ АВСТРО-ВЕНГРИИ В ПРЕДВЕРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В преддверии Первой мировой войны украинские политики Австро-Венгрии стали активно включать Приднепровскую Украину в свои проекты решения украинского вопроса. Они рассчитывали повысить значимость украинцев в глазах Вены в ущерб польской верхушке Галиции. Лидеры украинцев не ожидали, что отправной точкой к началу войны станет убийство Франца Фердинанда, и лишь с объявлением Австро-Венгрией войны Сербии начали готовиться к участию в войне против России.

On the eve of World War One, Ukrainian politicians in Austria-Hungary began actively to include Dnieper Ukraine into their projects of the Ukrainian question's solution. They expected to increase their significance for Vienna at the expense of the Polish ruling elite in Galicia. The Ukrainian leaders did not expect that Franz Ferdinand's assassination would lead to a big war. They started preparing for the entry to war against Russia only after Austria-Hungary had declared war on Serbia.

Ключевые слова: Украина, Первая мировая война, Австро-Венгрия.

Keywords: Ukraine, World War One, Austria-Hungary.

DOI: 10.7868/S013213661803007X

В Австро-Венгерской империи украинская политическая жизнь развивалась только в Австрии (Цислейтании), на территории коронных земель Галиции и Буковины¹. Лидеры австрийских украинцев² заседали в местных представительных органах – галицийском и буковинском сеймах, – и в австрийском парламенте, Рейхсрате. Начиная с 1890-х годов, в Галиции действовали четыре украинских партии: национально-демократическая (УНДП), радикальная (УРП), социал-демократическая (УСДП) и маловлиятельная «Христианско-общественная партия» (ХОП). Самой влиятельной и популярной была УНДП: на последних предвоенных выборах в галицийский сейм она получила 80% голосов украинских избирателей. УРП тогда поддержали почти 14% избирателей-украинцев, небольшое представительство в Рейхсрате и сейме имели

Парфирьев Дмитрий Станиславович – магистрант МГУ.

¹ В Закарпатье, принадлежавшем Транслейтании, местное восточнославянское население почти не разделяло украинские идеи.

² В официальных документах, правительственных указах и законодательстве восточнославянское население Галиции и Буковины называли русинами («рутенами»). Это определение применялось и к москвофилам (русофилам), часть которых считали себя не русинами, а именно русскими. К избирателям украинских партий, на мой взгляд, уместно применять украинскую идентификацию.

социал-демократы [1. С. 345]. ХОП с ее репутацией соглашательской, проправительственной партии была аутсайдером и к 1914 г. не была представлена ни в сейме, ни в Рейхсрате. На Буковине, где проживали менее 10% всех австрийских украинцев, украинские партии, соответственно, тоже были немногочисленными и сформировались значительно позже, чем в Галиции. Самая влиятельная из них, национально-демократическая, появилась только в 1913 г. и к началу войны так и не успела выстроить сеть ячеек на местах [2. С. 310–312]. Позиции конкурентов украинского лагеря, москвофилов (русофилов), в предвоенные годы были серьезно ослаблены внутренними противоречиями и преследованиями со стороны властей. К 1914 г. в Рейхсрате заседали только два москвофила, в галицийском сейме – один, в буковинском – ни одного [3. С. 72].

Лидер УНДП Кость Левицкий, в 1914 г. главное действующее лицо украинской политики в империи Габсбургов, впоследствии писал, что от европейской войны он и другие лидеры австрийских украинцев ожидали двух результатов: 1) отторжения Приднепровской Украины от России и создания на ее территории самостоятельного украинского государства; 2) освобождения галицийских украинцев от господства поляков, не связанного с выходом из состава Австро-Венгрии [4. С. 11]. Второй сценарий предполагал раздел Галиции на польскую (западную) и украинскую (восточную) части с последующим объединением последней с Буковиной в единую украинскую провинцию в составе Австрии. В мае 1914 г. один из главных идеологов УНДП С. Баран назвал раздел Галиции на две национальных провинции и реорганизацию Австрии в «федерацию автономных народов» «национально-политическим требованием» австрийских украинцев [5. С. XIII].

Идея объединения с приднепровскими украинцами время от времени озвучивалась западноукраинскими политиками уже накануне Первой мировой войны, но с оговорками. В 1913 г. Баран в написанной им предвыборной программе УНДП назвал целью национальной борьбы украинцев объединение всего народа «в одно большое независимое украинское государство». При этом он оговорился, что имеет в виду «окончательную общую цель». «Более близкие, нынешние цели», по его мнению, не должны были выходить за границы государств, в состав которых входили украинские земли [6. С. 10]. К. Трилевский, видный представитель УРП, второй по популярности галицийско-украинской партии, в том же, 1913 г., предположил, что в случае революции в империи Романовых «украинцы полностью отделились бы от России и вместе с братьями в Австро-Венгрии создали бы независимое государство», но тут же добавил: «Если бы, однако, по каким-то причинам это было бы невозможным, тогда надо было бы оторвать Украину от России и вместе с украинцами в Австрии создать отдельную большую провинцию» [7. С. 287].

«Вторая военная тревога», вызванная в 1912 г. Первой балканской войной, вновь оживила опасения относительно возможного столкновения Австро-Венгрии с Россией. Понимая, что вариант войны с восточным соседом принимается в расчет Веней, западноукраинские политики пытались сыграть на этом. В конце ноября 1912 г. украинский парламентский клуб направил главе МИД Австро-Венгрии Л. фон Берхтольду специальный меморандум, где говорилось, что украинцы придерживаются проавстрийской ориентации, но пассивное отношение Вены к украинским национальным устремлениям может поколебать эти симпатии [8. С. 48]. А 7 декабря 1912 г. собравшиеся во Львове представители УНДП, УРП и УСДП публично заявили о безоговорочной поддержке австрийскими украинцами Австро-Венгрии в случае ее войны с Россией [9. С. 634].

Примечательно, что особенно активно за принятие антироссийской резолюции ратовал лидер УСДП Н. Ганкевич, хотя обычно социал-демократы занимали антивоенную позицию [10. С. 120–121]. В начале марта 1914 г. на V конгрессе партии Ганкевич заявил, что украинские социал-демократы, хотя и не приемлют империалистической политики Габсбургов, но своим главным врагом считают российский царизм, а главной целью – разрушение Российской империи, которое приблизит «день политической независимости Украины» [11. С. 23–24].

28 июня 1914 г. во Львове проходил слет военно-спортивных обществ «Сечь» и «Сокол-Батько», приуроченный к столетию со дня рождения Т. Шевченко. В разгар мероприятий галицийский наместник В. Корытовский получил известие о гибели наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда. Он уведомил о случившемся К. Левицкого, но попросил до конца слета не предавать новость огласке. Вечером того же дня иногородние участники и гости слета стали разъезжаться [9. С. 716–717; 12. С. 1]. Лидер украинцев Буковины Н. Василько по пути из Львова в Черновцы сказал коллегам, что теперь война неминуема [13. С. 93].

Но большинство западноукраинских политиков поначалу не предполагали, что убийство Франца Фердинанда приведет к войне между Австро-Венгрией и Россией. 29 июня газета «Дило» («Дело»), центральный печатный орган УНДП и самое многотиражное украиноязычное издание в Австрии, озвучила версию о возможном наличии «российской руки» в гибели Франца Фердинанда [12. С. 1; 14. С. 6], однако не посчитала это возможным поводом для войны. Куда активнее украинская пресса размышляла о судьбе идеи превращения Австро-Венгрии в государство равноправных народов, которую разделял убитый. И в последующие дни «Дило» писала о России, но исключительно в контексте обвинений против поляков: оба национальных лагеря традиционно пытались уличить друг друга в пророссийских симпатиях [15. С. 1–2; 16. С. 1]. Лидеры УРП и ХОП Н. Лагодинский и А. Барвинский в своих партийных газетах также опубликовали статьи о возможных последствиях убийства эрцгерцога, но Россия в них не упоминалась даже завуалированно [17. С. 2–3; 18. С. 1].

По свидетельству украинского журналиста из России Д. Дорошенко, побывавшего во Львове в начале июля, местные украинские круги верили, что ситуация, порожденная событиями в Сараево, разрешится мирно [19. С. 15]. Левицкий, по его признанию, поначалу тоже не считал, что инцидент в Сараево приведет к «опасным последствиям» [9. С. 718]. Украинский политиком был занят внутренними делами: 12 июля был распущен галицийский сейм, началась подготовка к новым сеймовым выборам, намеченным на октябрь–ноябрь. На заседании Украинского парламентского клуба 16 июля обсуждались вопросы созыва Рейхсрата, основания украинского университета во Львове и назначения украинцев на административные посты в Галиции [9. С. 718]. Неверие западноукраинской политической элиты в столь близкое начало войны с Россией хорошо иллюстрирует поведение видного деятеля УНДП Т. Войнаровского: в конце июня 1914 г. тот на целый месяц уехал отдыхать в Германию и в дни Июльского кризиса отнюдь не торопился выехать обратно во Львов, чтобы вывезти свое имущество. После начала войны во Львов он уже не вернулся [20. С. 63].

Когда 28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, украинские политики Галиции сразу же вступили в соревнование с поляками в демонстрации преданности Габсбургам. 29 июля по улицам Львова прошла многолюдная польская манифестация в поддержку императора и династии, 30 июля – украинская. «Дило» подчеркивала, что на украинской демонстрации собралось в три раза больше людей, что украинское общество «высказывает ясно и с жаром, что

стоит на стороне нашего государства, его династии и императора» [21. С. 1]. С. Баран на страницах национально-демократического еженедельника «Свобода» призвал соотечественников поддержать Австро-Венгрию как государство, чьи интересы соответствуют интересам украинцев, поскольку «только тут, в Австрии, а не в России, наш народ нашел основы своего национального развития, только в Австрии украинский народ имеет возможность свободно развиваться, расширять свои права и получать новые — в Австрии мы закладываем фундамент для нашей новой, свободной жизни» [22. С. 2].

Следующим шагом украинских лидеров была консолидация национальных политических сил в новых условиях. Поляки сделали это раньше, уже в последних числах июля создав во Львове Центральный национальный комитет. 1 августа с идеей создать Главный украинский совет (ГУС) — межпартийный орган для определения вектора украинской политической активности во время войны — к Левицкому обратились радикал М. Павлик и национал-демократ Л. Цегельский. Левицкий поддержал инициативу [23. Л. 3; 24. С. 72] и в тот же день собрал представителей УНДП, УРП и УСДП в обществе «Украинская беседа». После недолгой дискуссии было решено создать политическое представительство галицийских украинцев — по четыре делегата от каждой из трех партий. Главой ГУС был избран инициатор встречи [25. С. 9–10].

Состав ГУС не отражал реальной расстановки сил на галицийско-украинской политической арене: УНДП, по численности и влиянию в разы превосходившая УРП и УСДП, была представлена в совете наравне с ними. К. Левицкий понимал это: еще до создания ГУС он сказал С. Шухевичу, что каждая партия должна быть представлена в нем пропорционально числу депутатских мандатов, но согласился, что такое предложение не устроит представителей УРП и УСДП, а в возникших в связи с этим спорах украинцы потеряют драгоценное время [26. С. 25].

Из 12 членов ГУС лишь четверо — национал-демократы К. Левицкий и Л. Цегельский и радикалы К. Трилевский и Н. Лагодинский — были действующими депутатами Рейхсрата и депутатами местного сейма последнего созыва. Несколькими днями позднее в ГУС вошел еще один представитель УНДП, бывший депутат сейма И. Кивелюк³. В дальнейшем некоторые политики признавали этот состав случайным и слабым, и не только по причине нежелания Левицкого настаивать на пропорциональном представительстве, но и потому, что ГУС создавался в пору каникул, и многих видных украинских деятелей не было во Львове [23. Л. 3]. Чтобы не потерять депутатов из виду, 6 августа Левицкий со страниц «Дила» обратился к членам Рейхсрата и бывшим депутатам краевого сейма, находившимся за пределами Галиции, с просьбой срочно вернуться и прислать ему свои актуальные адреса [27. С. 5].

В первые дни августа западноукраинские политики открыто пользовались воинственной антироссийской риторикой. 1 августа ГУС принял решение организовать украинское добровольческое вооруженное формирование для участия в войне с Россией. Спустя несколько дней члены совета поддержали создание «Союза освобождения Украины» (СОУ), организации украинских политэмигрантов из Российской империи, открыто выступивших на стороне Австро-Венгрии и Германии против России. Членам СОУ было предоставлено

---

³ По информации Левицкого, вместе с Кивелюком к ГУС присоединился еще и В. Бачинский [4. С. 13]. С. Шухевич указывал, что в изначальной «четверке» УНДП был Кивелюк, а позже присоединился Баран [26. С. 26]. В перечнях членов ГУС, приведенных на страницах «Дило» в номерах от 6 и 7 августа, был указан только И. Кивелюк.

два места в ГУС с правом совещательного голоса [28. С. 73–74]. 3 августа 1914 г. ГУС опубликовал манифест к украинскому народу, в котором говорилось, что на Европу неотвратимо надвигается «буря войны», а Россия грозит украинцам Австро-Венгрии тем же ярмом, под которым находятся 30 миллионов приднепровских украинцев. В связи с этим соотечественники были призваны к единой поддержке Габсбургов в борьбе с «историческим врагом Украины». «Победа австро-венгерской монархии будет нашей победой, — подчеркивали авторы манифеста. — И чем большим будет поражение России, тем скорее пробьет час освобождения Украины» [29. С. 1]. Орган УРП «Громадский голос» буквально требовал от Вены объявления войны России по примеру союзной Германии [30. С. 5]. Галицийским политикам вторили их буковинские коллеги во главе с Н. Василько, призывая украинцев быть готовыми к любым жертвам во имя императора и монархии [31. С. 4].

Одновременно наблюдалось активное взаимодействие западноукраинских политиков с австрийскими и германскими властями. Для переговоров с украинскими деятелями во Львов из Вены специально прибыл уполномоченный сотрудник МИД Австро-Венгрии Э. Урбас. В ходе нескольких совещаний он обсудил с К. Левицким и еще некоторыми политиками перспективы украинской государственности и вопрос о создании украинских вооруженных подразделений в австро-венгерской армии [32. С. 4–7]. В этих совещаниях участвовал и греко-католический митрополит Галицкий Андрей Шептицкий. Он тоже был сторонником войны Австро-Венгрии с Россией⁴, считал, что украинские земли по ту сторону границы следует «возможно резко отделить от России» и «придать им характер национальной области, независимой от России» [34. Л. 9–13]. Созвучные мысли ГУС довел до сведения властей Германии, уже воевавшей с Россией. В подготовленном советом меморандуме «Украинская акция» отмечалось, что высшей целью украинцев является независимое государство в «нынешних этнографических границах» [35. С. 51]. Дополнением к меморандуму был проект манифеста австро-венгерского и германского императоров к украинскому народу, первый пункт которого гарантировал украинцам «полную политическую свободу» на территории «от Сана до Дона». «Вся Украина, — говорилось далее, — получит полную независимость, какую она имела во времена лучших украинских гетманов» [35. С. 51]. Оба документа К. Левицкий передал германскому консулу во Львове. В этот же день Австро-Венгрия официально объявила войну России.

Таким образом, в преддверии Первой мировой войны украинские политики Австро-Венгрии стали достаточно активно включать Приднепровскую Украину в свои проекты решения украинского вопроса (в общеукраинском и локальном смысле). Пока что это были общие рассуждения, не сопровождавшиеся конкретными планами, но их целевая установка вырисовывалась достаточно отчетливо: повысить значимость украинцев Австрии в глазах официальной Вены в ущерб политически преобладавшему в провинции польскому элементу. Того, что отправной точкой к началу европейского конфликта послужит именно убийство Франца Фердинанда, лидеры австрийских украинцев не ожидали. Лишь с объявлением Австро-Венгрией войны Сербии они стали предпринимать реальные шаги по консолидации национальных сил и поспешно готовиться к участию в войне с Россией.

⁴ Польский политик из Галиции С. Гломбиньский вспоминал, как в первые дни войны он спросил митрополита, что тот думает о войне, и Шептицкий с воодушевлением ответил: «Этому было уже самое время!» [33. С. 203].

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Totczuk R.* Galicyjska Rusko-Ukraińska Partia Radykalna w latach 1890–1914. Szczecin, 2007.
2. *Добржанський О.* Національний Рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст. Чернівці, 1999.
3. *Гайсенюк В.В.* Москвофілство в Галичині та на Буковині в роки Першої світової війни. Дис... к.і.н. Чернівці, 2015.
4. *Левицький К.* Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни 1914–1918. Львів, 1928.
5. *Баран С.* Новий краєвий статут і нова виборча ординація соймова. Львів, 1914.
6. *Баран С.* Наша програма і організація. Львів, 1913.
7. *Трильовський К.* Про українську військову силу // Гей, там на горі «Січ» іде!.. Пропам'ятна книга «Січей». Едмонтон, 1965.
8. *Gruchala J.* Polityka zagraniczna Austro-Węgier a stosunki polsko-ukraińskie (1908–1914) // Studia z Dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Wrocław, 1988. Т. XXIV.
9. *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914. Львів, 1926.
10. *Левицький К.* Українські політики. Сильвети наших давніх послів і політичних діячів 1907–1914 рр. Львів, 1936. Ч. 1.
11. *Ганкевич Л.* З минулого нашої партії: матеріяли до історії УСДП // Календар «Впереду»: 1920. Львів, 1920.
12. Катастрофа // Діло. 29 червня 1914. Ч. 142.
13. *Попович О.* Відродження Буковини. Львів, 1933.
14. Російська рука? // Діло. 29 червня 1914. Ч. 142.
15. Смерть Франца Фердинанда і польські погрози // Діло. 4 липня 1914. Ч. 147.
16. Між австрійською і російською орієнтацією // Діло. 9 липня 1914. Ч. 150.
17. *Лагодинський М.* По атентаті // Громадський голос. 9 липня 1914. Ч. 27.
18. *[Барвінський О.]* Наслідки сараєвської події // Руслан. 10 липня 1914. Ч. 151.
19. *Дорошенко Д.* Мої спомини про недавнє-минуле (1914–1920). Мюнхен, 1969.
20. *Войнаровський Т.* Спогади з мого життя // Історичні постаті Галичини XIX–XX ст. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1961.
21. Величава українська маніфестація за Австрією у Львові // Діло. 31 липня 1914. Ч. 169.
22. *Баран С.* Історична хвиля // Свобода. 30 липня 1914. Ч. 30.
23. Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДАУЛ). Ф. 581. Оп. 1. Д. 91.
24. *Левицький К.* Українські політики. Сильвети наших давніх послів і політичних діячів 1907–1914 рр. Львів, 1937. Ч. 2.
25. *Баран С.* Від Головної до Загальної Української Ради // Діло. 24 квітня 1938. Ч. 88.
26. *Шухевич С.* Видиш брате мій (8 місяців серед УСС-ів). Львів, 1930.
27. Діло. 6 серпня 1914. Ч. 174.
28. *Патер І.* Союз визволення України: проблеми державності і соборності. Львів, 2000.
29. Український Народе! // Діло. 3 серпня 1914. Ч. 171.
30. Європейський пожар // Громадський голос. 6 серпня 1914. Ч. 31.
31. Діло. 3 серпня 1914. Ч. 171.
32. *Urban an Hoyos: Über die Frage der Bildung einer ukrain. Legion und der Schaffung eines ukrain. Staates.* Lemberg, 6. August 1914 // Ereignisse in der Ukraine 1914–1922 deren Bedeutung und historische Hintergründe. В.І. Philadelphia, 1966.
33. *Głabiński S.* Wspomnienia polityczne. Pelplin, 1939.
34. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5325. Оп. 4. Д. 37.
35. *Кураєв О.О.* Українська проблема у політиці Берліна та Відня у Першій світовій війні (1914–1918). Київ, 2006.

© 2018 г. *М.Н. МОСКВИТИН*

РУМЫНСКИЙ ФРОНТ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РУМЫНИИ ПО ДОНЕСЕНИЯМ РОССИЙСКОГО ПОСЛА А.А. МОСОЛОВА (1916–1917)

В статье рассматривается Румынский фронт Первой мировой войны в 1916–1917 гг. Проанализированы связанные с боевыми действиями изменения в положении армий на Румынском фронте, а также показано влияние данных событий на общественно-политическую жизнь страны. Источником этих сведений являются донесения Российского посла в Румынии – Александра Александровича Мосолова.

The article treats the Rumanian Front of World War One in 1916–1917, analyses changes in the armies' disposition caused by combats and shows the influence of these events on the social and political life of the country. The sources used are the reports of Russian Ambassador in Rumania Aleksandr Aleksandrovich Mosolov.

Ключевые слова: Румынский фронт, румынско-русские отношения, Александр Мосолов, Первая мировая война.

Keywords: Rumanian Front, Rumanian-Russian relations, Aleksandr Mosolov, World War One.

DOI: 10.7868/S0132136618030081

27 августа Румыния объявила войну Центральным державам. Первые дни войны складывались удачно для румынской армии. Однако, вследствие просчетов командования и недостаточного снабжения армии, румынские войска потерпели поражение в Добрудже у Туртукая 6 сентября 1916 г. Румынская армия начала общее отступление, которое закончилось полным ее разгромом. Выступление Румынии, лишь усугубило и без того непростую для русских политическую и военную обстановку [1. С. 22].

После бегства румын в сентябре–октябре 1916 г. русское военное командование приняло решение создать Южный фронт, который впоследствии, 16 декабря, был переименован в Румынский. События на фронте имели широкий отклик среди местного населения, они оказывали влияние на настроение и повседневную жизнь румын, об этом мы узнаем из записок русских корреспондентов, донесений, телеграмм с фронта, дипломатической переписки. Целью данной статьи является анализ событий, происходивших на фронте и их влияния на общественно-политическую жизнь Румынии.

В статье на основе неопубликованных данных архивных фондов дается характеристика Румынского фронта, которая дополняется новыми деталями,

выявляемыми в ходе анализа общественного мнения, а также с помощью впервые вводимых в научный оборот документов, обнаруженных автором в Государственном архиве Российской Федерации. Основным источником работы являются телеграммы русских корреспондентов из Румынии, собранные единым чрезвычайным послом и полномочным министром, генерал-лейтенантом Александром Александровичем Мосоловым.

Румынская общественно-политическая жизнь того времени нашла освещение во многих работах, опубликованных в России и Румынии после 1989 г.

Одной из заметных работ на данную тему стала опубликованная в 2014 г. статья В.Б. Каширина – «Александр Авереску глазами военной разведки российской империи: штрихи к портрету будущего маршала Румынии» [2]. В данной работе освещена деятельность румынского генерала во время войны. Еще одной работой, рассматривающей положение на Румынском фронте, является публикация М.В. Оськина – «Проблема резерва для генерального наступления русской армии в 1917 г.» [3]. Однако благодаря обнаруженным автором новым источникам можно уточнить некоторые моменты.

Император Николай II в указе о создании Румынского фронта приказывал: сформировать Южный фронт в составе Четвертой и Дунайской русских армий. Помощником главнокомандующего Южным фронтом был назначен командующий Дунайской армией генерал Константин Вячеславович Сахаров. Управление Южным фронтом осуществлялось по общим директивам императора и приказам помощника главнокомандующего фронтом и одобрения каждый раз королем Румынии. Императорским указом предписывалось соединить штаб Дунайской армии и штаб короля Румынии. Разграничительной линией между Юго-Западным и Южным фронтом была назначена линия Редукенени – Кодешти – Онешти. До формирования управления начальника военных сообщений Южного фронта, тыл фронта объединялся с тылом Юго-Западного фронта [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 208. С. 3].

По мнению командующего Южным фронтом генерала Сахарова, при создании общего командования и при проведении совместных операций могли возникнуть осложнения в связи с тем, что – «румыны по своему характеру шепетильны, особенно считая себя здесь первенствующими, что подчеркивалось ими даже при наименовании фронта – румынским» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 208. С. 4]. Сахаров считал, что «первенствующими на фронте должны быть русские». Для него значение имел только король, который одобрял его приказы, все остальное должно было быть подвластно ему и его русским помощникам. При иных условиях управлять фронтом, по мнению генерала Сахарова, было невозможно. Это было справедливым замечанием, поскольку неразбериха, происходившая, в первый месяц войны привела к полному поражению румынской армии.

Снабжение нового Румынского фронта в основном взяла на себя Россия, так как к этому времени уже почти две трети территории Румынии были заняты германскими войсками. Румынский фронт требовал поставок большого количества вооружения, продовольствия и фуража. Примером этому может служить сводка о количестве отправленного продовольствия на фронт в августе 1917 г. [4. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 165. С. 1]. Благодаря данным сводки мы можем сделать вывод о том, что Румынский фронт в августе и в последующее время снабжался на том же уровне, что и остальные фронты, исключением является только снабжение кукурузой.

Начиная с декабря месяца, после создания единого Румынского фронта, изучая материалы прессы, можно проследить изменение общественного мнения по поводу неудач на фронте и вынужденного отступления в Молдавию. По поводу первых неудач войны и создавшегося положения в Румынии, румынская газета «Mișcarea» («Движение») сообщала: «Нам предстоит выдержать войну, для которой мы должны напрячь все свои силы, и принести всякие жертвы, что бы какой бы то ни было ценой победить. Мы начали войну для осуществления великой национальной идеи и во имя великих задач, поставленных Европой» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 7]. Газета «Fulger» («Молния») писала: «Мы с радостью должны отметить то, что наши могущественные союзники приняли все необходимые меры, чтобы в ближайшее время начать общее наступление на Румынском фронте» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 8].

После захвата Бухареста 6 декабря 1916 г., центр общественно-политической жизни Румынии переместился в Яссы. В Молдавию в срочном порядке перебрасывались русские полки. Единого фронта на тот момент уже не существовало, он был разорван на части, сопротивлялись отдельные воинские формирования [5. С. 168].

Большая часть Румынии оказалась оккупированной. Характерно, что бежавшее из Бухареста правительство оставило во всех министерствах управляющих, а также полицию, которым было приказано сотрудничать с оккупационными войсками для поддержания спокойствия и порядка, т.е. главной задачей было не допустить революционной активности.

В Яссах циркулировало множество различных слухов относительно боев в Карпатах. Общее настроение румын оставалось подавленным ввиду того, что население не видело выхода из создавшегося положения. Хотя после поражения русской армии в Добрудже в Румынию прибыли значительные русские силы, однако концентрация многочисленных немецких сил в Карпатах, — особенно в долине Ойтузь, — внушала румынам беспокойство, так как наступление в этой части Карпат в случае германского успеха угрожало перерезать единственную коммуникационную линию, соединяющую русские и румынские войска [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 8–9].

Чрезвычайный и полномочный посол Российской империи в Румынии А.А. Мосолов сохранил подборку румынских газет, с помощью которых можно проследить настроение и отношение румын к войне. В самом крупном городе Молдавии Яссах на тот момент издавались следующие газеты: 1. «Mișcarea» — орган правительственной национально-либеральной партии. Так же, как и Бухарестская «Viitorul» («Будущее») и «Independence Roumaine» («Румынская независимость») — выражала взгляды правительства И. Брэтиану). 2. «Evenimente» («События») — орган консервативной оппозиции — проводила взгляды лидера румынской консервативной партии Нику Филиппеску, враждебные правящему кабинету и вследствие цензуры, не имела возможности открыто высказывать свои взгляды. 3. «Opinions» («Мнения») — оппозиционная газета, принадлежавшая группе консервативных партий во главе с Александру Маргилومانом и Петре Карпом, ее статьи также задерживались цензурой. 4. «Neamul Romanesc» («Румынский народ») — орган независимой печати, издававшийся националистом, профессором истории — Николае Йоргой, который претендовал на роль народного вождя и призывал к единению и продолжению борьбы за объединение всех румын. 5. «Fulger» — орган студенческой молодежи, высказывавшаяся с самого начала войны в пользу Антанты и резко критиковавшая правительство

за двойную политическую игру. Все газеты выходили малым тиражом из-за недостатка бумаги [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 9].

Румыны, по словам полномочного министра и чрезвычайного посла А.А. Мосолова, — были полны отчаяния, не видя признаков улучшения положения. Вину за создавшуюся ситуацию они возлагали на союзников и, в первую очередь на Россию. Из донесений посла мы можем узнать о настроениях среди румын: «Что делают ваши бесчисленные армии, которые вошли в Румынию? Что делают ваши генералы? Вы открыто заявили, что Константинополь будет принадлежать вам. Уже скоро от Румынии ничего не останется, нам нужно будет спастись в Россию. Может быть, русские войска не желают сражаться на румынской территории для защиты Румынии?» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 9–10].

Обвинения по поводу разгрома румынской армии легли также на либеральное правительство. В ответ на все обвинения первый министр Ионэл Брэтиану заявлял, что подготовка румынских войск была достаточна. Армия была организована, и не было недостатка в снаряжении. Брэтиану причины поражения видел в превосходстве германских войск: «Наша армия встретила отчаянного врага, который решил нас наказать, почему и отказался вести наступления на других фронтах. Этот враг был лучше вооружен, чем любая другая армия». Однако в публичных выступлениях заверял, что «уже настал период, когда изготовление военных снаряжений нашими союзниками превосходит производство неприятеля, и в скором времени это приведет нас к победе» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 13].

По поводу вступления в войну Румынии на стороне Антанты, Брэтиану говорил: «Враг напал на нас, считая нас предателями, ибо мы, будучи маленьким независимым государством, отказались служить чужим интересам». По мнению премьер-министра, предательством было нарушение нейтралитета Бельгии. Европа перестала быть безопасной и хотя изначально Румыния присоединилась к Австро-Венгрии как к гаранту мира и европейского равновесия, то впоследствии — «она не являлась больше элементом ни равновесия, ни мира» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 15].

Позже премьер-министр заявлял представителям Берлина и Вены, что война с Сербией будет означать войну со всей Европой. По мнению Брэтиану: «Австро-Венгрия стала тем элементом, который уничтожает силы, нужные для нашего государства¹. Если бы мы не вмешались в процесс, то оказались бы изменниками собственным интересам». Румынский народ надеялся на помощь союзников. Премьер-министр рассказывал: «После нашего поражения Его Величество Русский Царь поручил Королю Фердинанду высшее командование русско-румынской армией» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 16–17]. Тем самым Николай II, по мнению румынской стороны, выразил доверие и готовность продолжать войну до ее завершения.

В начале декабря король Румынии Кароль I произнес тронную речь по поводу открытия законодательных палат, в которой выразил уверенность в окончательной победе Румынии.

В связи с этим газета «Evenimente» писала: «Тронная речь по поводу открытия законодательных палат содержала слова, которые соответствуют непоколебимым чувствам страны». Основная ее идея — это необходимость веры в окончательную победу и заявление о твердом решении принести все жертвы. Газета

---

¹ Имелась в виду Сербия как буферная территория на границе с Австро-Венгрией, к тому же обеспечивавшая связь с Востоком.

«Mișcarea» подчеркивала: «История румынского парламента не знала момента более возвышенного и глубокого, чем пережитой вчера. Тронная речь останется спасительной звездой, которая освятила тяжелый, но славный путь, предстоящий румынскому народу» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 10].

Что касается состояния румынской армии, то его оценивали в основном негативно. Из телеграммы Мосолова, которому довелось беседовать с русскими ранеными, можно выяснить, что румынская армия была небоеспособна и состояние Румынского фронта не шло ни в какое сравнение с другими фронтами Первой мировой войны. В яском госпитале русские раненые говорили послу: «Мы видим громадную разницу между тем, что видели на русском фронте в Галиции, и тем, что встретили здесь. Там раненых немедленно подбирали, перевязывали, вывозили. Здесь раненый должен тащиться несколько верст до перевязочного пункта, где его наскоро перевязывают, затем ему нужно попасть на румынский поезд и ехать несколько дней до госпиталя, без помощи, новой перевязки и еды. Пустыковые раны, легко излечиваемые в России, здесь, поэтому оказываются смертельными, зараженными гангреной. Легко раненые здесь остаются без рук и ног, которые приходится ампутировать» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 20].

Помимо плохого медицинского обслуживания, раненые жаловались на отсутствие еды или на ее плохое качество: «На русском фронте нас кормили хорошо, всего было в изобилии. Здесь же мы впервые стали испытывать недостаток и голод. Придя на позиции, мы на три дня оказались без теплой пищи, питались сухарями, а на четвертый нас повели в атаку». Из проведенной беседы Мосолов выяснил, что настроение среди солдат мрачное, они не могли понять, почему должны были сражаться за румын. Они говорили о повторяющихся случаях предательства и самовольного оставления позиций румынскими солдатами. По мнению русских офицеров, «отдельные румынские части должны были быть вовсе ликвидированы, и по одной румынской роте должно быть прибавлено к каждому русскому батальону, а сами наши стрелки сумеют заставить румынских солдат драться, идти вперед и не оглядываться назад» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 22–23].

Схожей точки зрения придерживался А.И. Деникин, командующий 8-м армейским корпусом, который оценивал румынскую армию следующим образом: «В начале кампании обнаружилось полное игнорирование румынской армией опыта мировой войны; легкомысленное снабжение армии; наличие изнеженного, не имеющего боевого опыта корпуса офицеров и отличных солдат, а также большого количества артиллерии и совсем необученной пехоты» [5. С. 244].

Из разбитых румынских армий наспех создавались новые дивизии и полки, однако их состояние оставляло желать лучшего. Мосолов в донесении от 23 декабря писал, что ценность румынской армии, можно было оценить по рапорту командира 75-го пехотного полка 19-й дивизии 26 ноября 1916 г., из которого посол сделал вывод, что этот полк состоял из людей, освобожденных от воинской повинности и впоследствии признанных годными. «Эти лица были недостаточно обучены, им были неизвестны самые элементарные правила стрельбы». Полк не имел ни санитарного отряда, ни перевязочного материала, ни противогазов, ни ранцев, ни палаток. «Полк не имел кадровых офицеров, роты были доверены запасным офицерам, батальоны были поручены двум поручикам, что же касается унтер-офицеров, то они были набраны из солдат, недавно произведенных в чины, и не имели достаточной подготовки» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 48].

Несмотря на поражение и потерю столицы румыны верили в то, что русские будут сражаться до последнего. Официальная «Independence Roumaine» писала: «Россия поставила себе цель победить, и неоднократные попытки Германии заключить сепаратный мир не увенчались успехом. Мы должны иметь безграничное доверие к воле и решению России. Всегда, когда Россия преследовала какую-либо цель, она стремилась к ней с редким упорством. Доказательством этому является решение реализовать то, к чему она стремилась в течение трех последних столетий. Владение Константинополем является зрелым плодом векового стремления России и долгой борьбы для уничтожения Турции» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С.25].

Газета «Mișcarea» в передовой статье писала о «братстве русских и румын» вследствие единства оружия. По мнению издания: «Судьба истории давно соединила духовно оба народа, имеющего много общих интересов».

В связи с эвакуацией подразделений из Бухареста, многие представители политической и военной верхушки не бежали в Яссы, а решили остаться в Бухаресте. По этому поводу Мосолов писал: «Среди румын говорили, что значительное количество румынских офицеров не желают покидать страну и уходить в Россию, и в случае дальнейшего германского наступления предпочтут германское иго». О настроении солдат было трудно судить, так как они страдали от недостатка продовольствия и плохой одежды. Офицеры же в большинстве случаев пользовались отпускаемыми суммами своекорыстно, доводя до минимума расходы на солдат и постоянно реквизируя бесплатно у населения продовольствие, дрова, сено. По мнению Мосолова, «попав в Россию, румынский солдат будет также хорошо обмундирован и содержим, как и русский солдат, увидит зажиточную жизнь русских и молдавских крестьян. Таким образом, румынская армия под русской дисциплиной и управлением могла преобразоваться в ценную боевую силу» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 26].

Настроения прибывших из Бухареста людей резко отличались от настроения молдавских румын. Один из виднейших представителей консервативной партии Петре Карп тогда заявил: «Молдавия всегда и традиционно была русофильской, тогда как Валахия была, наоборот, на стороне Германии» [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 33].

Население Молдавии главным образом составило ту консервативную партию, которая с начала мировой войны стала на стороне Антанты и требовала вступления вместе с Россией. По его мнению, либеральное правительство еще со времен отца И. Брэтиану систематически воспитывало румынское общество в ненависти к России. Однако ко времени вступления Румынии в войну создалось такое положение, что именно либералы и сын Брэтиану-старшего, оказались у власти. Русское правительство, однако, этого не боялось, забыв или не зная, что либералы затаили исторически вскормленную враждебность к России [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 219. С. 34].

К концу декабря 1916 г. оставшиеся части румынской армии были полностью отведены в тыл за Серет. На передовой оставались около 500 тыс. русских солдат. Из 24 румынских дивизий боеспособность сохранили всего шесть, после они были преобразованы во 2-ю армию, которая тремя дивизиями удерживала небольшой участок у Ойтуза [6. С. 170].

Однако и австро-венгерские войска были измотаны до предела. 28 декабря 1916 г. немецкое командование издало приказ своим войскам перейти к обороне.

Непрерывные пехотные атаки в некоторых долинах Румынии объяснялись невозможностью для немцев использовать артиллерию. Можно установить теперь

как факт то, что во всех столкновениях холодным оружием, немцы, не говоря уже об их союзниках, не выдерживали не только русского, но даже и румынского натиска и уступали уже всем своим противникам. Их непрерывное движение вперед в Румынии обеспечивалось тем, что они не щадя снарядов, расчищали артиллерией путь для своих войск [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 213. С. 29].

В период затишья на фронте, начавшегося в январе 1917 г. армия постепенно восстанавливала силы, однако коррупция разрасталась еще более быстрыми темпами. По поводу царящих в армии порядков Мосолов писал, что со дня мобилизации гражданские власти были заменены военными, вследствие чего началась страшная анархия. Военные власти бесконтрольно пользовались правом реквизиции всего необходимого, причем делалось это все самым варварским образом. У мирного населения забиралось абсолютно все, вплоть до молока, яиц и хлеба. Население терроризировали угрозой военной расправы. В то же время рекруты умирали вследствие отсутствия необходимой пищи. Голод в армии угрожал грабежами и беспорядками [4. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 228. С. 18].

В заключение можно сделать вывод о том, что Румынский фронт не оказал решающего влияния на ход войны на восточном фронте, румынская армия была разгромлена в первые месяцы после ее вступления в войну. Новости о поражениях армии на фронте болезненно воспринимались румынским населением.

После оккупации большей части Румынии к декабрю 1916 г., центр общественной жизни переместился из Бухареста в Молдавию. Население на оккупированной территории испытывало жестокие лишения. На территории, подконтрольной румынскому правительству, военные власти грабили местное население. В результате этого начались эпидемии и голод, который подрывал возможности к сопротивлению и без того ослабленной страны.

Обвинения по поводу разгрома румынской армии легли на либеральное правительство. Ответственность за недостаточное снабжение, плохую логистику, а иногда и обвинение в предательстве предъявлялись премьер-министру и правительству, однако короля в поражении практически не винули. Русские солдаты на фронте высказывали похожие мнения, — говорили о крайне низком уровне снабжения, о неустроенных госпиталях и низком уровне военного командования. В феврале положение на фронте резко ухудшилось под влиянием революционных событий в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКИ

1. *Оськин М.В.* Бессарабия и румынский фронт зимой 1916/1917 г.: деятельность организации гофмейстера С.Н. Гербея // Русин. 2014. № 3 (37).
2. *Каширин В.Б.* Александру Авереску глазами военной разведки российской империи: штрихи к портрету будущего маршала Румынии // Славяноведение. 2014. № 4.
3. *Оськин М.В.* Проблема резерва для генерального наступления русской армии в 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 11.
4. Государственный архив Российской Федерации.
5. *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Покивайлова Т.А., Семенова Л.Е.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996.
6. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. Париж, 1925.

© 2018 г. И.Н. СМЕРНОВА

ВНУТРЕННИЙ МИР ЛИРИЧЕСКИХ ГЕРОИНЬ В «ЖЕНСКОЙ» БОЛГАРСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена творчеству болгарских поэтесс начала XX в. — Екатерины Ненчевой, Доры Габе и Мары Белчевой. Они являются зачинателями женской поэзии в Болгарии. Их творчество отражает изменения положения женщины в социальном пространстве болгарского общества. В статье рассматривается слияние внутреннего мира каждой поэтессы с внутренним миром ее лирической героини, приводится краткий обзор мотивов, преобладающих в их творчестве, уделяется место анализу сходства и индивидуальным особенностям упомянутых поэтесс.

The article deals with the work of Bulgarian poets of the early twentieth century Ekaterina Nencheva, Dora Gabe and Mara Belcheva. They are pioneers of female poetry in Bulgaria. Their works reflect changes in the position of women in the social space of Bulgarian society. The article pays attention to the fusion of the inner world of the poet with the inner world of her lyrical heroine, gives a brief survey of the motives, which dominate in their work, analyses similarities and individual features of these female poets.

Ключевые слова: болгарская поэзия начала XX в., модернизм, первые болгарские поэтессы, женские образы, лирические героини.

Keywords: Bulgarian poetry in the early twentieth century, modernism, first Bulgarian female poets, female characters, lyrical heroines.

DOI: 10.7868/S0132136618030093

Говоря об изображении женщины в творчестве болгарских поэтов, нельзя обойти вниманием такое явление, как женская лирика. С течением времени женщина отвоевывала себе все большее пространство в социальной сфере болгарского общества, всего лишь в 1878 г. освободившегося от османского ига. Женский голос стал наконец слышен. Из системы чисто родственных отношений (мать, дочь, жена, сестра, кума) болгарка постепенно включилась в систему иных отношений, где она была музой, товарищем и, наконец, — творцом. Ее голос зазвучал в литературе, и это явление перестало быть чем-то исключительным, как исключительность девушки-богатырши и девушки-воина в фольклоре, в котором героини данного типа несли в себе набор устойчивых положительных качеств и воплощали идею героической борьбы против турецких угнетателей.

Женская лирика появилась в Болгарии гораздо позднее, чем «новая» литература в стране. В тот период, когда болгарская культура жадно впитывала все явления, уже отжившие в европейской культуре (романтизм, сентиментализм,

---

Смирнова Ирина Николаевна — младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

классицизм и др.), представляя собой причудливое сосуществование различных направлений в рамках одной эпохи или даже отдельного художественного произведения, женский голос в литературе не раздавался. Женщина служила лишь источником вдохновения для творцов-мужчин: она находила воплощение в их произведениях и выражала их мысли. Никогда прежде женщина не заявляла о самой себе публично и о своем присутствии в литературе как творец.

Восприятие женского образа в творчестве болгарских поэтесс представляло (и представляет) собой не вторичную презентацию восприятия женщины мужчиной, а обладающую самостоятельной ценностью самопрезентацию. Стихотворения первых болгарских поэтесс во многом автобиографичны, и при анализе женских образов в них просматриваются психологические портреты их создательниц.

Основной трудностью при исследовании женских образов в женской поэзии является прослеживание изменения точек отсчета. Мужчина-поэт смотрит вовне себя, открывая женственность в окружающем его мире. В той или иной степени он противопоставляет себя или своего лирического героя образу женщины, которая им воспевается или проклинается. Энергия и творческие силы мужчины-творца направлены на женщину-музу, вдохновляющую его в реальной жизни. Она запечатлевается в его стихотворениях как поэтический идеал или антиидеал. Данное утверждение прекрасно иллюстрирует поэзия П.К. Яворова (1878–1914), в которой представлена антитеза «святая – демоница» [1]. В ней доведены до логического завершения положительный «белый и чистый» образ и образ негативный, «черный». Последний являет собой апофеоз невысказанного в реальности разврата, жестокости и воплощение темной стороны женской натуры.

Видение женщины-поэтессы совершенно иное. Из-за разнонаправленности взглядов ее идеал отличается от женского идеала в поэзии мужской. В женской трактовке образа большую роль играет отсутствие в нем эротической составляющей, поскольку это для тогдашних социальных норм являлось табу. По утверждению болгарской исследовательницы А. Алипиевой, связь между полами тогда устанавливалась «только через отношения мужчины и Женщины» [2]. В начале XX в. невозможно было представить присутствие в болгарской литературе Женщины, которая влюбляется в женщину или мужчины, влюбленного в мужчину. Это кардинально противоречило болгарским общественным устоям и находилось для национальной литературы под негласным запретом. А. Алипиева по этому поводу писала, что тогдашняя болгарская литература такой грех на душу не брала. Добавим здесь от себя, что исключением в данном случае является лишь страсть Сафо к Аттис, описанная в одном из произведений П.К. Яворова из цикла «Царицы ночи» [1].

Взгляд болгарских поэтесс в подавляющем большинстве случаев направлен вовнутрь их самих. Антитезу сменяет синтез: происходит сознательное или подсознательное столкновение общественного женского идеала и внутреннего «я» каждой отдельно взятой поэтессы. Проблема выходит за рамки литературы и становится культурно-психологической, поскольку женский идеал обычно подается с мужской точки зрения. Это приводит к тому, что женщина зачастую старается переделать себя в соответствии с таким идеалом. Предполагается, что конфликт этого идеала лирической героини и самой личности поэтессы в начале эпохи индивидуализма и должен составлять основной мотив их творчества.

Первой болгарской поэтессой считается Екатерина Ненчева (1885–1920) [3]. Она создавала любовную лирику, не затрагивая социальных или философских проблем. По свидетельствам современников, Ненчева считала своим духовным наставником Пейо Яворова. Она тяжело переживала его смерть, а в последние часы своей жизни даже беседовала с ним в предсмертном бреду. Вот строки из ее безымянного стихотворения, неоспоримо свидетельствующие о влиянии Яворова:

*Ела, безумец, изтръгни
признание — и с плам
на устните ми прилепни,
и пей нектар оттам.*

*Приди, безумец, произнеси
признание — и с пылом
приникни к моим устам,
и пей их нектар.*

*Ела, безумец, въплъти
безумния си блян,
додето в сладостни мечти
духът ми е пиян.*

*Приди, безумец, воплоти
безумство своих грез,
пока сладостными мечтами
опьянен мой дух¹.*

От поэтессы в то время требовалось недюжинное мужество, чтобы опубликовать под своим именем такие откровенные, полные чувственности строки. Однако несмотря на незаурядный поэтический талант и тонкое восприятие окружающей действительности, путь Ненчевой к признанию был нелегким. Далеко не все рецензии на ее первый и единственный прижизненный сборник «Снежинки» были похвальными. Критики в целом признавали талант поэтессы, однако отмечали и явное несоответствие ее творчества предшествовавшей литературной традиции. Это обстоятельство не могло не помешать быстрому признанию творчества поэтессы. Меланхолическое настроение, присущее поэзии Ненчевой, вызывало у критиков досадливую усмешку. Несмотря на то, что отзывов было довольно много, все они были написаны приблизительно в одном ключе. Так, комментируя переиздание сборника «Снежинки» в 1909 г., критик Алберт Гечев, скрывший свое имя под инициалами А.Г., писал, например, следующее: «Почти на каждой странице находим “трепет”, “печаль” и “вечно влажные глаза”» [4. С. 59.] Желая несколько сгладить резкость своей критики, А. Гечев добавлял, что, дар поэтессы, видимо, еще недостаточно развился. Но сразу же он вновь продолжал ядовито отзываться о поэзии Ненчевой: «Я не вижу перед собой богатую индивидуальность, широту души, которая понимает цену и смысл жизни, ее удовольствия и страдания» [4. С. 59.]. Тем не менее наряду с обвинениями ненчевских стихов в блеклости, апатичности и монотонности он отмечал умение поэтессы связать сиюминутное настроение с природой и выразить его с помощью одухотворения всего окружающего. Хотя затем упрекал Ненчеву за неаккуратность и небрежность стихосложения, невнимательность к собственным творениям. А. Гечев приводил конкретные примеры, указывая в одном из четверостиший на случаи нарушения ритма и необоснованности переноса ударений.

Подобного мнения придерживался и критик, скрывший свое имя под инициалами Н.Р. Используемые Ненчевой средства художественной выразительности он характеризовал как «скудные», «однообразные» и «немошные» [5. С. 11–12]. При этом в другой своей рецензии, помещенной рядом, он,

¹ Здесь и далее, если не оговорено иное, подстрочник мой.

наоборот, весьма тепло отзывался о сборнике стихотворений еще одной «зачинательницы» болгарской женской поэзии — Доры Габе. Ее сборник, вышедший под названием «Теменуги» («Фиалки»), в художественном отношении он ставил гораздо выше, чем сборник Ненчевой «Снежинки».

Может сложиться впечатление о почти случайном попадании стихотворений Ненчевой под псевдонимом Велерина в журнал «Мисъл», выпускавшийся под редакцией критика, философа и эстета д-ра К. Крыстева, и в журнал «Летописи», который редактировал писатель К. Величков. Ведь поэтика и направленность этих стихотворений шли вразрез с канонами формализма и эстетики, которые провозглашали данные редакторы. Но случайности здесь не было. То, что критик А.Г. принимал за небрежность, являлось лишь свидетельствами поиска Е. Ненчевой собственного стиля, лишенного элементов подражательства. От Яворова, перед которым Ненчева преклонялась, она восприняла лишь склонность к экспериментам со стихотворной формой. Возможно, в упомянутых журналах Ненчева имела известную протекцию. Поэтесса входила в тесный круг болгарской интеллигенции благодаря близости к Ивану Харизанову, заметной в болгарском обществе личности. Тот занимал должности судьи, а затем прокурора и через несколько лет стал супругом Ненчевой. Его близкими знакомыми были известные болгарские писатели Петко Тодоров, Пенчо Славейков и уже упомянутый нами редактор К. Крыстев.

Причину той глубокой мечтательности и погруженности в собственный мир, которые раскритиковал А. Гечев, следует искать в наследственности Ненчевой. Способность воспринимать все близко к сердцу и гипертрофированно трагично была присуща всем членам ее семьи. Это восприятие довело ее отца, Димитра Ненчева, до пьянства и загадочной гибели, а младшего брата Страшимира, ученика третьего класса, — до самоубийства. Покончила с собой и племянница поэтессы, дочь ее сестры, актрисы Симеонки Ненчевой.

Одновременно А. Гечев предрекал неизбежное развитие таланта поэтессы и в этом оказался прав. Поэзия Е. Ненчевой обладает необычной по тем временам смелостью. Почти кощунственно звучало ее стихотворение «Преди, кога се взирах...» («Тогда, когда я пристально глядела...»), в котором поэтесса отрекалась от общепринятого Бога ради служения богу любви: «Пред този бог аз клетва веч изрекох, // в догробна служба нему се обрекох; // и с белите цветя на младостта // ще кича храма свят на любовта...» («Этому богу клятву я произнесла, // обет служить ему до собственной кончины; // и белыми цветами украшать // наш храм святой любви»). Эта наивная смелость была основой воплощения самой себя в своих стихотворениях. Она наряду с чистотой души сподвигла ее открыто заговорить о своих чувствах. Но чрезмерная восприимчивость способствовала тому, что описанная в ее стихотворениях любовь не была светлой и радостной — напротив, над ней всегда витал призрак смерти.

Не все произведения Ненчевой являются совершенными. Можно отметить, например, недостатки стихотворения «И тихо, с две очи...» («И тихо, глазами...»), являющегося попыткой идти вслед за Яворовым. Поэтесса использует явно яворовское сочетание образов, которые он создал в период расцвета своей романтической любви.

Именно о поэзии Яворова напоминают нам строчки Ненчевой, подобные следующим:

*И тихо, с две очи,
Ти в миг, като с лъчи небесни,
От сън разбуди моето сърце.
И в рой избликнали лъчи
То трепна сгряно за живот със песни!
Но литна ти далеч,
Лъчи изгаснаха в сърцето,
Душата ми угасва в черен мрак...
Ела, ела, върни се веч,
О, първий сън върни ми на сърцето!*

*И тихо, глазами
Ты вмиг, как лучи небесные,
Пробудил ото сна мое сердце,
И в скоплении блестящих лучей
Оно вздрогнуло, согретое песнями!
Но ты исчез далеко,
Лучи погасли в сердце,
Душа моя погасла в черном мраке...
Приди, приди, вернись,
О, первый сон верни моему сердцу!*

Переменение образов «лучей», «глаз» и «сердца», а особенно повторение слов «приди, приди» отсылают нас к стихотворениям Яворова. Однако если Ненчева и стремится позаимствовать у него форму произведения, то это выходит у нее неудачно. Повторение слова «лучи» трижды в одном стихотворении и трижды слова «сердце» вместо достижения рифмы придают ему ту небрежность, которая была отмечена критиками.

Противоречивость поэтического творчества Ненчевой отмечают почти все исследователи. Многочисленны и упреки с обвинениями стихов поэтессы в слабости. Но тогда логически возникает вопрос: почему ее стихи были включены в пять антологий и в болгарской периодической печати до 1944 г. на них было опубликовано свыше 50 отзывов? [6] Причина заключалась в том, что Ненчева явилась первой в истории болгарской литературы поэтессой. Женский голос зазвучал в ней впервые, и это выглядело очень экзотично. Одновременно содержание произведений Ненчевой играло едва ли не меньшую роль, чем само ее появление в публичном пространстве.

«Снежинки», как мы уже говорили, были единственным прижизненным стихотворным сборником Ненчевой. Затем ее поглотили семейные заботы, и на несколько лет она почти отошла от поэзии. Вернуться к творчеству ее вынудила неизлечимая болезнь. Только на грани смерти Ненчева сумела раскрыть свой творческий дар в полную силу. Ее поэзия тех лет – скрупулезная «документация» своего душевного состояния. Если раньше ее стихи были всецело посвящены любви и служению ей, преобладали тревога, мистика и меланхолия, то в последний период жизни она сосредоточивается на служении семье и любви, «окрашенной» бытом. Эта любовь становится более приземленной и осязаемой. В поэзии Ненчевой обозначились зачатки философской и социальной проблематики, но безвременная смерть поэтессы не позволила ей более полноценно развить эти темы.

По достоинству творчество Екатерины Ненчевой было оценено лишь через несколько десятков лет после ее кончины. Пришло осознание того, что она является первой в истории болгарской литературы поэтессой. Первенство Ненчевой признавала и другая болгарская поэтесса, Дора Габе [7. С. 2], начавшая творить почти одновременно с ней. Именно тогда развернулась публикация разрозненных черновиков и писем поэтессы, собраны автографы ее стихотворений и немногие уцелевшие экземпляры сборника «Снежинки». Была обнаружена и поврежденная рукопись авторской эпитафии самой себе. Все эти материалы были изданы в сборнике избранных стихотворений Е. Ненчевой, вышедшем в 1941 г. под редакцией поэта Веселина Ханчева. В предисловии к сборнику В. Ханчев подробно проанализировал биографию поэтессы и то, как

трагические жизненные события влияли на ее характер и творчество [8]. Впервые по достоинству оценили и новаторство Ненчевой — сочетание в ее стихах невинности и откровенного разговора о чувствах.

По-другому представлены проникнутые схожим пафосом женские образы в творчестве Д. Габе (1888—1983). Упомянутый нами сборник «Фиалки» (1908) отражал характерные черты лирики того времени. Известная субъективность в выражении своих чувств ничуть не помешала современникам поставить Д. Габе едва ли не выше Ненчевой. Подобно своей лирической героине, Габе погружена в собственный душевный мир, переживает собственные страдания. В отличие от Ненчевой, в творчестве которой любовь присутствует константно, у Габе миг счастья длится недолго. В ее творчестве усиливается печаль от ощущения уходящей молодости и от несбывшихся грез. Значительно более явными становятся мотивы о страданиях, которым не видно конца. Ее лирическая героиня не просто меланхолично взирает на мир, а мучается в надежде обрести новую любовь взамен утраченной. Но ничто не может возродить любовь. Ожидание счастья отравлено отчаянием и неверием в его возможность, несмотря на то, что смысл жизни лирическая героиня по-прежнему видит исключительно в любви.

Развитие этих тем получило воплощение в опубликованном через 20 лет другим сборнике поэтессы под названием «Земной путь» (1928). На первый план в нем выходит тема одиночества. Пессимизм Габе становится явным и более глубоким, чему есть свое объяснение. Приобретая значительный жизненный опыт, она обнаружила, что чувствует себя одинокой и непонятой. Ее мысли и настроения теперь выражались более холодно и отстраненно, чем в первом сборнике, полном энергии и искренности. Гораздо труднее было понять настроение, владевшее Габе в процессе создания стихотворений. Отраженные в них мысли, идеи и суждения выглядят настолько неясными и спорными, словно она специально оставляла темные места, чтобы запутать читателя [9. С. 405]. Однако во втором сборнике возникает и новая тема — любовь к родине. Только эта любовь и присутствует в душе ее лирической героини. О ней она говорит просто, без иронии и путаницы, будто веря лишь в ее существование. Любовные переживания женщины по отношению к мужчине кажутся ей банальными и скучными. Последнее стихотворение сборника, называемое «Добруджа», полно теплоты и милых сердцу воспоминаний:

*Един мъничек край живеи дъл
боко в мене,
С небе бездънно, синьо, позлатени
Морета от жито, разлени на
вълни...*

[...]

Аз имах малка родина далечна!

*Один маленький край глубоко живет
в моем сердце,
С небом бездонным, синим, с золотыми
Морями, колышущимися волнами
пшеницы...*

[...]

*У меня была моя малая родина, столь
далекая от меня!*

Но нельзя утверждать, что женский образ у Габе оставался статичным на протяжении двух десятков лет. Ее героиня меланхолична и погружена в страдания, но ей присущи и энергия, и внутренняя сила, и способность изменить свою жизнь, хотя она не всегда склонна пользоваться своими возможностями. Женщина у Габе спокойна, она сознает свою силу, что особенно характерно для ее второго стихотворного сборника. Она умеет видеть скрытые процессы в течении

жизни, обращается к опыту прошлого и вновь ищет свое место в мире, ощущая свою связь с предками:

*Усещам някога в кръвта си тъмна
сила,
едно предчувствие, което се обажда
в сърцето ми и тъмен спомен ражда.
[...]*

*Защо ме тегли неспокоен дух далече?
Съдбата ли на мои прадеди бездомни,
пробудна в кръвта проклятие изрече,
или от векове сърцето ми го помни?..
«Прокоба»*

*Я чувствую иногда в своей крови
темную силу,
предчувствие, которое отзывается
в моем сердце, порождая темные
воспоминания.
[...]*

*Зачем мой беспокойный дух влечет
меня далече?
Судьба ли то моих бездомных
прадедов
Будит в крови изреченное проклятие
или веками мое сердце его помнит?
«Предсказание»*

Опосредованно в этом стихотворении присутствует образ родины, которую для героини олицетворяет не столько болгарская земля, сколько беспокойные «бездомные прадеды». В том числе и поэтому героиня позднего стихотворного творчества Габе не боится смерти, чувствуя свою глубокую связь с природой, с циклами смерти и рождения. Однако эта связь относится лишь к природе, но не к повседневности мира и не к условностям общества.

В этом смысле показательны стихотворение Д. Габе «В стаята» («В комнате»), в котором она пишет:

*Седа сама и ми се струва,
че сгушена във тази стая,
далечен глас от друг мир чувам
и тайната му вече зная.*

*Сижу една, и мне кажется,
что я зажата в этой комнате,
я слышу далекий голос из другого мира
и уже знаю его тайну.*

Образ комнаты выглядит зловеще. Комната — это часть дома, а дом — символ патриархальности, и женщине уже тесно в его стенах. Будучи запертой в доме, тем более в единственной комнате, героиня задыхается в нем, а единственная комната еще больше ограничивает ее свободу. Однако она сильна духом, и ее душевные порывы ничто не может сдержать. Поэтому чуткий слух героини Габе улавливает отзвуки иного мира, таинственного и прекрасного.

Мысли о свободе от пережитков прошлого и о женской эмансипации также привлекают Габе. Женщина у нее не хочет быть покорной, как то ей предписывалось обществом, и, в конце концов, она отрицает даже предписанное Богом. Так происходит в стихотворении «Не искам» («Не хочу»):

*Защо си казал: нека е смирена
и нека бъдат стъпките ѝ еки —
горят ме твоите огнени пътеки,
земята ти от жажда пресушена,
небето ти заключено във веки...*

*Зачем сказал Ты: будь смиренной,
шаги твои пусть будут эхом —
сжигают меня твои огненные тропинки,
земля твоя иссохла от жажды,
небо твое закрыто навеки...*

Протест выливается в природную катастрофу, ее пейзаж — это пейзаж души лирической героини. Позже эти идеи достигли высшей точки накала в творчестве другой болгарской поэтессы Э. Багряны.

А в поэме «Часовня Калиакры» сорок девушек, чтобы не попасть в руки турок, переплетают вместе свои косы и бросаются в море со скал мыса Калиакра, предпочтя смерть бесчестью. Но не классическим сюжетом замечательна эта поэма, а ее философскими размышлениями.

*Мълчание, утробо на света,
от тебе се раждаме, във тебе
без следа
изчезваме.*

*Молчание, утроба мира,
рожденные тобой, в тебе
бесследно
исчезаем.*

Этот фрагмент несобственно-прямой речи принадлежит героиням поэмы. На бродячий сюжет наслаиваются собственные философские воззрения Габе, делая образы девушек сложными и многогранными.

Однако женщина у Габе может быть и другой — яворовской девой в белом, возлюбленной, нуждающейся в живительной любви:

*Косите ми засипват плещи
отмалели...
И тебе ли ноца прегръща
запленен,
Или си ти горещ, надвесен тук
над мен!*

*Мои волосы затилают ослабевшие
плечи...
И тебя ли ночь обнимает,
очарованного,
Или ты, горячий, склонился надо
мною!*

Наличие параллелей с яворовским стихотворением «Приди!» не подлежит сомнению: здесь присутствует даже неточная цитата.

Развитие женского образа в творчестве Габе на этом завершается, поскольку далее поэтесса всецело посвятила себя созданию произведений для детей.

Что же касается другой болгарской поэтессы, Мары Белчевой (1868–1937), то она еще больше отстранена от мира, чем Дора Габе. В ее поэзии также вырисовывается внутренний мир женщины, сосредоточенной на личных переживаниях. Но для Ненчевой эти переживания живут в настоящем, у Габе — в прошлом, оставаясь при этом желанными, у Белчевой же видения ее жизни — всего лишь видения — она давно отрешилась от мира, недоброго к ней. Воспоминания о минувшем болезненны, поэтому стихотворениям Белчевой присущи и мрачный тон, и созерцательность. Передаваемые ею чувства лишены динамики и свободны от трагических противоречий.

Белчева часто дистанцируется от своей лирической героини, поэтому многие ее стихотворения написаны в третьем лице. Ее героиня не понята окружающим миром — он остается для нее юдолью печали. А саму ее даже не замечают. При использовании в стихах первого лица, мотивы в них несколько меняются. Она занята созерцанием прошлого, посвящая себя чистым помыслам и служению музе.

Пейзаж в творчестве Белчевой играет второстепенную роль, обозначен одним-двумя скупыми штрихами и является фоном для исповеди о личных переживаниях. Лишь изредка лирическая героиня пытается роптать на судьбу, но ее голос быстро обрывается: она не считает себя вправе это делать. Смирение и безропотное принятие своей судьбы — вот основа образа белчевской героини [9. С. 408].

Эта поэтесса сосредоточена на личных переживаниях лирической героини, которая почти неотделима от ее авторского «я». Автобиографичность лирики

Белчевой подчеркивалась исследователями и современниками еще при ее жизни [10]. От нее веет тихой скорбью или горестью, выражаемыми посредством пейзажа. Для стихов характерны импрессионизм и лаконичность стихотворной формы. Так, многие ее произведения имеют всего по две строфы и отличаются статичностью изображенных предметов (источник, дерево) или отношений (мать и дитя).

Поскольку стихотворения Белчевой во многом автобиографичны, то при анализе присутствующих в ней женских образов начинает вырисовываться психологический портрет самой поэтессы.

Она не пытается выйти за рамки социальных норм и привычного патриархального идеала с небольшими поправками на развитие цивилизации. Вот один из примеров ее творчества:

*О, дай ми, Боже, сила
Света само да нося
И милост да не прося, –
Аз, никому не мила.
«Пак сама»*

*О, дай мне, Боже, силу
Нести свой жизни груз
И милость не просить, –
Мне, никому не милой.
«Опять одна»*

Религиозность и смирение – отличительные черты традиционного женского идеала. Героиня Белчевой не ищет путей выхода из ситуации, уповая на высшие силы. Ее слова – это плач, индивидуальность которого не подлежит сомнению, но энергия этого плача не направлена вовне. «В философии Мары Белчевой испытание необходимо ради получения прощения и божьей любви», – справедливо отмечает болгарская исследовательница А. Вачева [11].

В поэзии Белчевой трудно выделить женский образ – он размыт личными впечатлениями поэтессы. Однако он складывается из ее отношения к окружающему миру, который занимает большую часть художественного пространства. В этом и состоит особенность женского образа, созданного Белчевой.

Женские образы в творчестве трех болгарских поэтесс различны. У Ненчевой героиня мучается, предчувствуя гибель, нависшую над всем, что ей дорого, у Габе она то отстранена, то способна на бунт, а героиня Белчевой, напротив, готова страдать, повинувшись воле высших сил. В творчестве этих поэтесс еще очень сильны патриархальные установки, и даже будучи погруженными в свой внутренний мир, они так или иначе воплощают в своих стихотворениях женский идеал уходящей эпохи: смирение и готовность страдать. Мысли их героинь вращаются вокруг любовных чувств, и лишь у Габе они начинают устремляться к философским и социальным проблемам.

В поэзии Ненчевой, Габе и Белчевой впервые прозвучали женские голоса в болгарской литературе. Это были голоса женщин, получивших редкое для того времени хорошее образование, вращавшихся в кругах болгарской интеллигенции, имевших протекции в ведущих журналах той поры. Они явно были талантливыми, высокообразованными, но нельзя не отметить, что при всем этом их поэзия декларировала зримо уходящие в небытие идеалы прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнова И.Н. Биографические аспекты в женских образах лирики П.К. Яворова // Вестник славянских культур. М., (в печати)
2. Алипиева А. Жената. Электронно списание LiterNet, 11.04.2006. [Электронный ресурс] (дата обращения 31.03.2013). <http://liternet.bg/publish/aalipieva/nacionalna/zhenata.htm>

3. *Русалиев В.* Мадонна в черно. Живот, любовта и трагическа смърт на първата българска поетеса Екатерина Ненчева. София, 1997.
4. *А.Г.* «Снежинки» // Демократически преглед. София, 1909. Кн. VIII.
5. *Н.Р.* «Снежинки». Ек. Ненчева // Теменуга. Литературно списание. 1909. № 1.
6. *Вачева А.* Далеч съм аз от жизнения пир... Екатерина Ненчева-Харизанова (1885–1920). Електронно списание LiterNet, 23.01.2011, № 1 (134) [URL: <https://litenet.bg/publish4/avacheva/ekaterina-nencheva.htm>] (Дата обращения 11.12.2017).
7. *Табе Д.* Екатерина Ненчева // Вестник на жената. 1936. № 642.
8. *Ханчев В.* Предговор // *Екатерина Ненчева*. Избрани стихотворения. София, 1941.
9. *Гичева-Михалчева К.* Българската женска лирика // Философски преглед. София, 1937. Кн. 4.
10. *Сестримски И.* Българска лирика. Литературни портрети. София, 1993.
11. *Вачева А.* «Чуй, тихий извор е дълбок!» Мара Белчева (1868–1937). Електронно списание LiterNet, 13.04.2010, № 4 (125) [URL: <https://litenet.bg/publish4/avacheva/mara-belcheva.htm>] (Дата обращения 11.12.2017).

J. BÍLEK, J. KUKLÍK, E. MARŠOUN, J. NEMEČEK. Druhý exil Edvarda Beneše. Fotografie z let 1938–1945. Praha, 2016. 250 s.

Я. БИЛЕК, Я. КУКЛИК, Э. МАРШОУН, Я. НЕМЕЧЕК. Вторая эмиграция Эдварда Бенеша. Фотографии 1938–1945 годов

В 2016 г. в Праге в рамках Центра по исследованиям истории и права совместными усилиями Института истории Чешской академии наук и юридического факультета Карлова университета, при поддержке Грантового агентства и при содействии Института Т.Г. Масарика вышло в свет очень любопытное издание. И хотя сами авторы склоняются к тому, чтобы определить жанр книги как альбом фотографий, текстовый материал (в отличие от обычных нескольких страниц предисловия) занимает практически половину книги. Именно поэтому вряд ли можно рассматривать это издание лишь как фотографический альбом. Вместе с тем огромный фотографический материал (99 фотографий) не позволяет говорить о книге как монографии с приложениями в виде фотографий. Такая специфика делает затруднительным четкое определение жанра работы. Но оригинальность этого «промежуточного» жанра, как ни странно, оправдана. В начале помещено историческое предисловие известных чешских историков, специалистов по Второй мировой войне Яна Куклика и Яна Немечка (95 с.) о второй эмиграции президента Чехословакии Эдварда Бенеша в 1938–1945 годах. В нем подробно освещены причины ухода Бенеша с поста президента и вынужденной эмиграции после Мюнхена как частного лица, описывается отъезд в США и возобновление политической деятельности после распада страны и оккупации Чехии и Моравии в марте 1939 г. Авторы не обходят своим вниманием сложную обстановку внутри чехословацкой

эмиграции, непростые отношения Бенеша со словаками Штефаном Осуским (чехословацким послом в Париже) и Миланом Годжей (занимавшим посты министра и премьер-министра чехословацкого правительства), борьбу Бенеша за лидерство.

Возвращение Бенеша в Европу и начало заграничного Движения Сопротивления реконструировано на основе многочисленных архивных документов и опубликованной корреспонденции. После начала Второй мировой войны основной целью Бенеша стало добиться отказа западных союзников от Мюнхенского соглашения, признания Чехословацкого национального комитета в качестве временного чехословацкого правительства и восстановления Чехословакии в домюнхенских границах.

По опыту первого заграничного Сопротивления, в котором Бенеш участвовал в годы Первой мировой войны, он понимал, что дипломатические усилия должны подкрепляться военными, поэтому много внимания он также уделял созданию за границей воинских формирований, призванных участвовать в войне на стороне антигитлеровской коалиции.

С точки зрения права, его положение было непростым, так как в Словакии президентом являлся Й. Тисо, а в Протекторате Чехии и Моравии на посту президента действовал Э. Гаха.

И все же, стараниями Бенеша и его сторонников за границей, сначала в Париже, а затем в Лондоне было создано эмигрантское правительство и Государственный

совет — подобие эмигрантского парламента. Особой заслугой авторов считаю то, что они показали действия Бенеша на широком фоне менявшихся исторических событий и в кругу ближайших соратников.

В заключение авторы приходят к выводу, что, несмотря на многочисленную критику политики Бенеша в годы Второй мировой войны, она, по их мнению, носила реалистический характер. Используя тактику уступок и компромиссов, ему удалось добиться восстановления Чехословакии, практически исчезнувшей с карты Европы 15 мая 1939 г.

Рассказ о деятельности Бенеша за границей основан на материалах архивов: Министерства внутренних дел (AMV), Министерства иностранных дел (AMZV), Национального музея (ANM), Института Т.Г. Масарика (AUTGM), Национального архива (NA), Военного центрального архива — Военного исторического архива (VUA—VNA), Внешней политики Российской Федерации (АВПР), Гуверовского института в Стенфорде (HIA), Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, Школы славистических и восточноевропейских исследований Университетского колледжа в Лондоне (SSEES), Национальных архивов в Лондоне (TNA) и Национальных архивов и записей в Вашингтоне (NARA). В качестве периодической печати широко использованы журналы: «Чехословак» («Čechoslovák»), «Новая свобода» («Nová Svoboda»), «Молодая Чехословакия» («Mladé Československo»), а также авторы привлекали опубликованные сборники документов, работы и воспоминания самого Э. Бенеша, а также новейшую чешскую историческую литературу. В тексте имеются отсылки к соответствующим фотографиям, помещенным во второй части книги.

Собственно фотографический раздел предваряет еще и редакционное введение, автором которого является Ян Билек. Идея настоящего издания родилась у авторов книги во время работы с личным архивом Э. Бенеша, хранящимся в особом фонде Института Т.Г. Масарика. Судьба этого архива весьма примечательна. Начиная с 1935 г., когда Э. Бенеш стал вторым президентом Чехословакии, его архив являлся частью Архива МИДа, после мюнхенскогоговора Бенеш меньшую часть своего архива увез с собой в эмиграцию. Во время оккупации президентский архив значительно пострадал. А та часть архива, которую второй президент увез в эмиграцию, за границей, наоборот, пополнялся, в том числе и фотографиями. В книге помещена третья

часть фотографического наследия президента указанного периода. Фотографии можно разделить на официальные и частные. В фонд Бенеша также попала и часть фотоархива Яромира Смутного, в эмиграции являвшегося главой президентской канцелярии, а в 1945—1948 гг. — канцлером. После 1948 г. архив Бенеша стал частью Архива Канцелярии президента республики, а в октябре 1953 г. он был передан в архив Института истории Коммунистической партии Чехословакии, причем личный архив, включая фотографии, не был обработан.

Новый этап истории фонда Э. Бенеша начался в 1989 г., когда он был передан на хранение в Институт Т.Г. Масарика. В 1998 г. появились каталог, описи и указатель фотографий. Окончательно обработана фотографическая часть фонда была уже в 2001—2004 гг. Следующий этап в развитии фотоархива был связан с новыми технологиями, оцифровкой фотоматериалов и созданием цифрового каталога (всего фотографический раздел фонда Бенеша насчитывает более 3 тыс. фотографий). В настоящем издании представлены фотоматериалы, начиная с отлета чехы Бенеш из Праги в 1938 г. и заканчивая дорогой из Киева в Кошицы в 1945 г. По словам Я. Билека, наиболее интересные снимки издания — это фотографии Э. Бенеша с британским премьером Винстоном С. Черчилем и американским президентом Франклином Д. Рузвельтом. Фотографии Э. Бенеша с И.В. Сталиным составители не посчитали нужным включить в альбом, сославшись на то, что они уже публиковались. Автор редакционного введения Я. Билек рассказывает о предшествовавших изданиях фотографий Бенеша.

Каждая фотография настоящего издания снабжена подробной легендой. Автором подписей к фотографиям и составителем фотографического ряда является Эрик Маршоун.

В заключительной части книги имеется список фотографий, именной указатель, достаточно подробное резюме на английском языке (25 с.) и содержание.

В целом книга получилась крайне интересная, позволяющая узнать подробности о деятельности второго президента Чехословакии в 1938—1945 гг. и увидеть фотографии Э. Бенеша, запечатлевшие различные эпизоды его жизни в указанный период, его супругу, окружение, важнейшие события и исторических деятелей того времени.

K. WOJAN. Z dziejów leksykografii polsko-rosyjskiej. T. 1. Słowniki lingwistyczne (bibliografia za lata 1700–2015). Gdańsk, 2016. 386 s.

К. ВОЯН. Из истории польско-русской лексикографии. Т. 1. Лингвистические словари (библиография 1700–2015 гг.)

Филологическая библиография, как и всякая научная библиография, приобрела в настоящее время еще одну важную и значимую цель (помимо традиционных справочной и историографической) – это дифференциация данных о существующих изданиях, которые в условиях информационного потопа, обрушившегося на современного филолога, уже не так легко и быстро, как ранее, поддаются выявлению и систематизации в тех или иных узких областях знаний. Поэтому так возросла роль специализированных библиографий в филологии, предметом которых становятся издания, посвященные уже не только отдельным филологическим дисциплинам, направлениям исследований, научным теориям или ученым-филологам, но также и описанию единичных реалий (как, например, содержательный библиографический указатель «Риторика М.В. Ломоносова: материалы к библиографии» (сост. А.Я. Лапидус, Е.В. Маркасова. СПб., 2012. 104 с.)).

В области библиографического описания славянской лексикографии дифференцированный подход традиционно и эффективно используется при структурировании и индексации источников в рамках общих словарных библиографий (как, например, в «A Bibliography of Slavic Dictionaries» (comp. by R.C. Lewanski. Bologna, 1972–1973. Vol. 1–4); или в одном из образцовых с этой точки зрения, на наш взгляд, издании «Беларускія слоўнікі й энцыклапедыі: бібліяграфія» (склад. В. Кіпель, З. Саўка. Нью Ёрк; Менск, 2002. XXXVIII, 568 с.)), однако

еще не нашел широкого применения в качестве методологического основания для составления узкоспециализированных библиографических указателей (в том числе в области полилингвальной лексикографии). Одной из лакун в области библиографии славянских двуязычных словарей оставалась польско-русская лексикография, которая до последнего времени не была надлежащим образом библиографирована. Эта лакуна, как и многие другие в польской и в русской библиографии, оказалась восполненной благодаря оригинальному авторскому проекту – трехтомному библиографическому справочнику польского профессора Катажины Воян «Из истории польско-русской лексикографии».

Роль Личности в польской библиографии имеет давние и богатые традиции. Достаточно вспомнить фундаментальный библиографический труд по описанию польской книги в период с XV по XIX в. директора Библиотеки Ягеллонского университета Кароля Эстрейхера (1827–1908), по праву называемого «отцом польской библиографии». Преимущественно авторский характер имеет и польская лексикографическая библиография, хотя в ней встречаются и примечательные коллективные труды, например известная библиографическая серия «Bibliographie der Wörterbücher = Bibliografia słowników (1945–1978)» (Warszawa, 1965–1981). В кругу общих библиографий польских словарей выделяются труды Петра Гжегорчика (Warszawa, 1967), Анны Квятковской (Warszawa, 1977), Ричарда Казимир

мира Леванского (Bologna, 1973). Бурное развитие лексикографии во второй половине XX — начале XXI в. обусловило дифференциацию словарей и появление узкоспециализированных словарных библиографий. В области исследования и библиографирования польско-иноязычных словарей в наше время наиболее плодотворной является деятельность профессора Гданьского университета Катажины Воян [1; 2; 3], не только лингвиста и библиографа, но и успешно практикующего лексикографа [4].

Новейший библиографический труд К. Воян обобщает сведения о лингвистических польско-русских и русско-польских словарях и словарных материалах, подготовленных польскими авторами и изданных за последние 300 с лишним лет (с 1700 по 2015 г.) преимущественно в Польше, а также в России, Германии и других странах. Данный труд является первым томом задуманной его автором библиографии в области польско-русской лексикографии, фундаментальной как по предметно-тематическому охвату, так и по фактической представленности. Первый том включает достаточно обширное собрание лексикографических трудов (свыше 2000) с точки зрения их максимально широкого понимания: словарей лингвистических, филологических, учебных, ономастических, идеографических, культурологических, исторических, терминологических, электронных и т.д. Такого рода подход противоречит, на первый взгляд, общепринятому пониманию лингвистической лексикографии, заявленному автором библиографического труда в названии («Лингвистические словари»), однако основан на широкой трактовке в польской лексикографической традиции понятия «словарь». Это любое «систематизированное собрание лексикографических материалов» (П. Гжегорчик), что относится, в понимании К. Воян, не только к лингвистическим словарям, описывающим избранные единицы языка и речи, но и к разным моно- и полилингвальным энциклопедическим публикациям, целью которых является описание экстралингвистической реальности («с помощью языка» (s. 91). Не менее широка трактовка автором библиографического труда и того, что формально можно считать словарем. Это любые линейно структурированные реестры, которые имеют признаки лексикографической упорядоченности, а также базы данных, которые содержат конкретную информацию и выполня-

ют функции, аналогичные функциям лингвистических корпусов. Столь странное содержательное и формальное понимание того, что является предметом лексикографии, позволило К. Воян создать библиографический комpendиум, в котором отражен весь спектр вклада польских авторов в деле справочной фиксации фактов и понятий чрезвычайно богатого и разноаспектного взаимодействия польской и русской культур в конфронтативном плане за последние три с лишним столетия.

Библиографический справочник представляется обширным очерком «Из истории польско-русской лексикографии» (s. 15–90), в котором освещается влияние польских лексикографических трудов на восточнославянские и русские, начало освоения русского материала польской лексикографией и роль в развитии польской лексикографии Ильи Копиевича, словарное творчество Кирияка Кондратовича, начало обучения русскому языку в польской школе и первые польские словари с русским компонентом, интенсивное развитие лексикографии в XX в., а также оценивается «вклад польских ученых в развитие мировой лексикографической традиции, связанной с русским языком» (s. 9). В конце очерка дается список литературы по предмету на польском, русском и иных языках (s. 97–135), включающий около 750 позиций и вполне достойный самостоятельного библиографирования. Отдельно в книге подробно описываются структура и содержание польско-русской лексикографии, принципы эксцерпции и регистрации фактографического материала, использованные при его выявлении и обработке источники, включая нетографию.

Само библиографическое описание польско-русской лексикографии дифференцировано на три неравнозначных по объему и внутренней структуре раздела: «I. Общие лингвистические словари»; «II. Словари специальных терминов»; «III. Лингвистические атласы». Наибольший по объему раздел общих словарей охватывает «Переводные словари» (двухязычные, тематические, ассоциативные, учебные и т.д.), «Корпусные словари», «Толковые словари и словари иностранных слов», «Ортологические словари» (общие, орфографические, орфоэпические, трудных слов). Меньший по объему, но более дифференцированный раздел специализированных лингвистических словарей включает в себя «Грамматиче-

ские словари» (общие, синтаксические, деривационные, частей речи — глаголов, прилагательных, наречий, союзов, местоимений), «Словари семантических связей» (синонимов, омонимов, паронимов), «Словари языковой интерференции» (языковой интерференции и заимствований, межъязыковых омонимов), «Словари языковых форм» (разговорного языка, говоров и диалектов, социолектов, политического и делового дискурсов), «Стилистические словари» (неологизмов, гапаксов, вулгаризмов, негативно-оценочной лексики, метафор, эвфемизмов, перифразов, эпитетов, идеологизмов, архаизмов и историзмов), «Исторические словари» («старорусского» языка), «Этимологические словари» (собственно этимологические, фотодокументационные, этимологически-мотивационные), «Обратные словари» (обратные a tergo), «Фразеологические и паремиологические словари» (фразеологические, идиоматические, графоидиоматические, коллокаций, команд, пословиц и поговорок, крылатых слов, афоризмов, сентенций и цитат), «Словари идиолектов» (языка писателя), «Ономастические словари» (общие, антропонимов, геральдических наименований, географических названий, топонимов, гидронимов, хоронимов, этнонимов, лингвонимов, институционимов, колоронимов, кулинарных названий, геммонимов, названий одежды, зоонимов, названий насекомых, названий рыб и морепродуктов, фитонимов), «Словари аббревиатур и сокращений», «Частотные словари», «Словари польского языка» (как иностранного, северокрессового диалекта, советского польского языка), «Словари советского, немецкого языка». Последний, весьма скромный по объему, но важный с точки зрения необходимой полноты библиографического описания раздел лингвистических атласов ограничен одним единственным подразделом «Общеславянские лингвистические атласы». Библиографический справочник снабжен указателем (имен), который позволяет достаточно легко ориентироваться в персональной части библиографии.

Библиографический указатель, составленный профессором К. Воян, не во всех своих аспектах видится идеальным, что, впрочем, свойственно многим масштабным авторским лексикографическим проектам. Так, не совсем корректным в его названии видится атрибут *польско-русской (polsko-rosyjskiej)*, позволяющий ожидать описание только двуязычных словарей,

но не монолингвальных (русскоязычных) словарей, составленных польскими по происхождению авторами (неискушенному филологу странно видеть в библиографии, посвященной польско-русской лексикографии, описания изданий типа «Монгольская хрестоматия, ч. 2, Казань: изданная Осипомъ Ковалевскимъ». Императорский Казанский Университет, 1837, s. 595). Более корректным было бы дифференцировать в отдельных томах собственно польско-русскую лексикографию (как часть двуязычной славянской лексикографии) и лексикографическую деятельность польских авторов в России (без польского языка). Такая дифференциация, нужно признать, дается у К. Воян, однако только внутри указателя и не всегда последовательно, например «Общие переводные словари с русским языком без польского» (s. 247) и т.п.

Можно также усмотреть некоторое противоречие в проекции цели библиографии, отраженной в ее названии, на вошедший в нее фактологический материал. Помимо польско-русских (и русско-польских) лексикографических работ (в том числе в различных комбинациях с иными языками мира в разном объеме), а также декларированных в предисловии словарей с русским языком авторства польского по происхождению или по месту проживания лексикографа (редактора), в библиографии встречаются и позиции, которые с трудом можно соотнести с указанными критериями. Например: [*Kościeszka Żaba August*] *Jaba A. de. Dictionnaire kurde-français. Saint-Petersbourg: Commissionnaire de l'Académie Impériale des Sciences, 1879 (s. 251, а также s. 85); Abramowicz Z., Citko L., Dacewicz L. Słownik historycznych nazw osobowych Białostoczczyzny (XV–XVII w.), t. 1: A–O, Białystok: Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, Uniwersytet w Białymstoku, 1997, s. 281 (s. 309); Zufüsse zur Ostsee zwischen unterer Weichsel und Pregel = Nazwy wodne dopływów Bałtyku między dolną Wisłą a Pregołą, bearb. von Maria Biolik, Kommission für Vergleichende Sprachwissenschaft der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, 5, Stuttgart, 1989, s. [8], 136, k. [1] (s. 348) и т.п. Их включение в библиографию вызвано оправданным стремлением ее автора как можно более полно отразить все, что попало в поле зрения при изучении польской русскоязычной лексикографии. Такой подход, однако, несмотря на кажущуюся избыточность, все же заслуживает одобрения, поскольку не только позволя-*

ет показать вклад польских лексикографов в словарное описание языков мира, но и дает возможность не утратить множества редких и значимых словарных трудов, многих имен их авторов и редакторов для истории польской лексикографии.

У рецензента, как фразеолога и практикующего фразеографа, наибольший интерес в справочнике К. Воян, безусловно, вызвал раздел «Фразеологические и паремиологические словари», включающий библиографические позиции, посвященные описанию словарей различных устойчивых единиц языка и речи. И здесь, к сожалению, обнаружилось заметные лакуны, в том числе, что показательно, в отношении польских изданий (не указаны, например, такие известные словари, как *Rozental D., Michałkiewicz C. Wybór idiomów i zwrotów rosyjskich*. Wyd. 2. Warszawa, 1985. s. 297; *Bierdiajew M. Okruchy twórczości, wybrał i przeł.* Zbigniew Podgórzec. Myśli i Sentencje. Białystok, 1993, s. 44; *Lenin Vladimir*. Myśli, aforyzmy, sentencje / Wybór i wstęp Hieronim Kędzierski, Roman Szymański. Warszawa, 1980. s. 257 и др.). Можно спорить и с предлагаемой К. Воян внутренней структурой справочника. Например, раздел «Словари перифразов» (s. 305) включен в «Словари стилистических средств» (s. 302–310), хотя более логично его было бы включить в «Фразеологические и паремиологические словари» (s. 317–332), где есть похожий раздел «Словари коллокаций» (s. 324–325).

Нужно отметить, что на примере раздела фразеологических и паремиологических словарей наглядно проявилась методологическая противоречивость и недостаточность избранного профессором К. Воян подхода по ограничению авторов, редакторов, переводчиков словарей только польским происхождением, который незначительно повлиял на количественную представленность библиографических позиций, но существенно обеднил содержательный аспект библиографии. Так, за ее пределами остались многие словари, изданные в России (например, широко известный справочник: *Котова М. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями)*. СПб., 2000. s. 360 и др.). Практически полностью отсутствуют и польско-русские словари, польскоязычные словари для русскоговорящих, изданные в Белоруссии (например *Гюлумяц К. Польско-русский фразеологический словарь = Polsko-rosyjski słownik frazeologiczny*: свыше 11 000 фразеологических сочетаний. В 2-х т. Минск, 2004.

Т. 1. S. 685; Т. 2. S. 718; Словарь афоризмов и цитат из польской литературы XVI–XX веков = *Słownik aforyzmów a cytatów z literatury polskiej od XVI do XX wieku*: для изучающих польский язык как иностранный / Под ред. Е. Иванова. Могилев, 2005. s. 104 и др.). Безусловно, предчувствуя это замечание и понимая очевидную атомарность избранного подхода в отборе авторов, Воян включила в свою библиографию ряд словарей русской фразеологии, составленных не польскими по происхождению, но весьма авторитетными лексикографами, как, например, *Мокиенко В.М. Новая русская фразеология*. Орле, 2003. S. XXX, 168 (s. 321) и др. Таких позиций в библиографии явно не хватает.

Придирчивый лингвист, глубоко специализирующийся в той или иной области полонистики и русистики, а также в польской и русской лексикографии, найдет еще лакуны в рецензируемом библиографическом справочнике. Еще более внимательный специалист-библиограф, конечно же, обнаружит и огрехи в библиографическом аппарате. Однако то, что профессор К. Воян, по собственному признанию, «материалы для этого исследования собирала много лет» (s. 13), позволяет надеяться на продолжение автором библиографии польско-русской лексикографии нелегкой работы по собиранию и описанию словарных изданий, на помещение в третьем томе исправлений и дополнений материалов первого тома, а также на будущие его переиздания в исправленном и дополненном виде.

К несомненным достоинствам библиографического справочника Воян можно отнести его научную актуальность и широкую практическую применимость. Это единственное в своем роде справочное издание, в котором наиболее полно отражена польская русскоязычная лексикография и которое незаменимо в сфере исследований широких языковых и культурных контактов польского и русского народов как в исторической перспективе, так и в новейшей истории и современности. Данная библиография будет полезна и в сфере перевода, и в области лингводидактики, и всем, кого интересует лексикография, которая, по словам выдающегося польского языковеда и лексикографа Витольда Дорошевского, есть «связующее звено между всеми науками...».

Библиографическая трилогия гданьского профессора Катажины Воян, безусловно, займет почетное место в библиотеках как полонистов и русистов, так и всех

поляков и русских, для которые Словарь – это не только доступный источник полезной информации, но и *tout l'univers par ordre alphabétique*.

© 2018 г. *Е.Е. Иванов*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wojan K.* Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005. Gdańsk, 2006.
2. *Wojan K.* Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2001. Gdańsk, 2013.
3. *Wojan K.* Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–2012. Gdańsk, 2014.
4. *Wojan K.* Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi = Словарь лексемных омонимов русского языка с польскими переводными эквивалентами. Gdańsk, 2011.

J. HOFFMANNOVÁ, J. HOMOLÁČ, E. CHVALOVSKÁ, L. JÍLKOVÁ, P. KADERKA, P. MAREŠ, K. MRÁZKOVÁ. Stylistika mluvené a psané češtiny. Praha, 2016. 528 s.

Я. ГОФФМАННОВА, Й. ГОМОЛАЧ, Э. ХВАЛОВСКА, Л. ЙИЛКОВА, П. КАДЕРКА, П. МАРЕШ, К. МРАЗКОВА. Стилистика устного и письменного чешского

Новаторский характер рецензируемой коллективной монографии обусловлен целым рядом обстоятельств.

Во-первых, она посвящена рассмотрению феномена, способного возникнуть лишь на современном уровне развития языка и технологий — мы имеем в виду прежде всего интернет-коммуникацию и связанное с ней размывание границ между устным и письменным дискурсом, а также появление доступных для анализа электронных корпусов устных и письменных текстов, объем которых сопоставим с количеством слов, воспринимаемых или/и воспроизводимых образованным носителем языка в течение всей его жизни (нетрудно подсчитать, что для того, чтобы просто озвучить тексты входящего в состав Чешского национального корпуса 3,836-миллиардного подкорпуса SYN verze 5, читая по 16 часов в день без выходных и праздничных дней, понадобится более 70 лет). Не случайно в качестве источника фактического материала авторами монографии используются исключительно современные чешские устные и письменные тексты (не старше двух десятилетий).

Во-вторых, дихотомия «литературный чешский язык» (spisovná čeština) — «обиходно-разговорный чешский язык» (obecná čeština), еще недавно занимавшая столь существенное место в богемистических и сопоставительно-типологических исследованиях (см. [1. С. 12]), в ре-

цензируемой монографии уходит даже не на второй, а на третий план, на первом же плане оказывается противопоставление «устный чешский» (mluvená čeština) — «письменный чешский» (psaná čeština). Это закономерно связано с основным источником фактического материала исследования — электронными корпусами, среди которых есть корпуса устных и письменных чешских текстов, но нет корпусов «литературного чешского языка» и корпусов «обиходно-разговорного чешского языка». Подчеркнем, что в то время как русское просторечие (с которым «обиходно-разговорный чешский язык» иногда соотносится, см. [2. С. 402]) ограничено, как правило, устной коммуникацией, и его фиксация в письменном тексте — нечто исключительное, использование обиходно-разговорной лексики в современном чешском письменном тексте — вещь весьма обычная, ср. [3], где на основе материала корпусов современных **письменных** чешских текстов документировано употребление 537 имеющих однословное соответствие в литературном чешском языке однословных же единиц обиходно-разговорного чешского, причем у 165 подобных единиц количество документированных контекстов употребления превышает 1000, у 32 единиц — 10 000, а у 7 единиц — 100 000.

В-третьих, авторы монографии отказываются от использования понятия «функциональных стилей», восходящих

к «функциональным языкам» Б. Гавранека [4] (jazyk hovorový / konverzační ‘язык разговорный/коллоквиальный’ для функции общения, jazyk pracovný/věcný ‘язык рабочий/деловой’ для функции «практического сообщения», jazyk vědecký ‘язык научный’ для функции «теоретического сообщения», jazyk básnický ‘язык поэтический’ для функции эстетического воздействия) и долгое время выступавшими в роли своего рода визитной карточки чешской функциональной стилистики, оперируя понятиями «коммуникативных сфер». Именно анализу наиболее значимых, по мнению авторов монографии, «коммуникативных сфер» современного чешского устного и письменного дискурса посвящены главы монографии со второй по восьмую. Сфера повседневной коммуникации проанализирована Я. Гоффманновой и Л. Йилковой, сфера институциональной коммуникации – Й. Гомолачем и К. Мразковой, сфера специальной коммуникации – П. Кадеркой, сфера учебной коммуникации – Э. Хваловской, сфера медиальной коммуникации – П. Марешом и П. Кадеркой, сфера рекламной коммуникации – К. Мразковой, сфера литературной коммуникации – Я. Гоффманновой).

При этом монография действительно продолжает, как подчеркивают авторы, традиции чешской функциональной стилистики, и дело не только в том, что они используют ключевое для современной чешской лингвистики (и необычное для лингвистики отечественной) понимание стиля как «способа сознательного отбора и организации языковых средств, осуществляющегося при порождении текста» [5. С. 9], а рассматриваемые ими «коммуникативные сферы» очевидным образом соотносятся с расширенным списком функциональных стилей в [6] и [7]. Каждая из исследовательских глав начинается с критического обзора работ, относящихся к проблематике данной главы, далее характеризуются стилеобразующие факторы, релевантные для данной коммуникативной сферы, после чего следует скрупулезный анализ образцов письмен-

ных и устных текстов, занимающих существенную часть объема публикации.

Текст монографии прекрасно структурирован, что существенно облегчает ориентацию в книге – идет сплошная нумерация арабскими цифрами глав, разделов, подразделов, пунктов и подпунктов, ср. подпункт 6.1.3.4.1 Automatizace a aktualizace на с. 269.

Графическое приложение к монографии содержит 25 цветных иллюстраций (аудиовизуальная и стендовая реклама, обложки книг и журналов, бумажные и электронные письма и т.д.).

Не являясь результатом абстрактных рассуждений по поводу уже известных фактов, не будучи и нормативным руководством по стилистике для массового читателя, рецензируемая монография вводит в научный обиход огромную массу нового и ценнейшего материала, самым добротным способом обработанного.

Подводя итог, горячо рекомендуем данное издание всем богемистам, а также всем специалистам по функциональной стилистике.

© 2018 г. А.И. Изотов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
2. *Бельчиков Ю.А.* Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. *Изотов А.И.* Эскиз частотного словаря ядра обиходно-разговорной чешской лексики // Язык, сознание, коммуникация. 2014. Вып. 48. doi 10.29003/m21.lmc2014-48/5-25
4. *Havránek B.* Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha, 1932.
5. *Čechová M., Chloupek J., Krčmová M., Minářová E.* Stylistika současné češtiny. Praha, 1997.
6. *Příruční mluvnice češtiny* / Eds. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Vydání 2. Praha, 1996.
7. *Encyklopedický slovník češtiny* / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha, 2002.

М. ČUDIĆ. Négy kísérlet Krasznahorkai Lászlóról / Четире огледа о Ласлу Краснохоркаију. Београд, 2016. 203 с.

М. ЧУДИЧ. Четыре этюда о Ласло Краснохоркаи

Монография М. Чудича «Четыре этюда о Ласло Краснохоркаи» посвящена творчеству крупнейшего современного венгерского писателя. Книга невелика по объему и состоит из четырех независимых статей эссеистического толка. Вместе с тем ее текст является чрезвычайно насыщенным и емким ввиду общности концептуальной платформы, развитие которой последовательно происходит от главы к главе.

Отличительной чертой монографии является ее двуязычный характер — она состоит из венгерской и сербской частей, дублирующих друг друга, сначала стоит венгерская часть, а затем сербская, что представляется логичным в плане движения от языка оригинала к языку перевода. Автор книги является переводчиком произведений Л. Краснохоркаи, его первооткрывателем в сербской культурно-языковой среде. Материал, который служит предметом внимания М. Чудича, оказывается неоднородным. Тексты Л. Краснохоркаи могут быть для литературоведа предметом авторефлексии, М. Чудич как переводчик видит текст не так, как остальные, в силу того, что на нем лежит ответственность за конкретные решения при перекодировании непростой образно-языковой структуры произведений венгерского писателя. Не все произведения Л. Краснохоркаи переведены на сербский язык, что обуславливает иное авторское погружение в материал и влияет на специфику его подачи. Столь же двойственной выглядит и потенциальная читательская аудитория книги: представители венгерской культурно-языковой среды, принципиально знакомые со всем

корпусом текстов, но также возможные реципиенты сербского текста, для них монография может стать введением в творчество Л. Краснохоркаи.

Исходным импульсом для изложения является профессионально-личностное осмысление материала. Так, в первой главе автор затрагивает круг вопросов, связанных со спецификой идиостиля Краснохоркаи, проявляющейся на всех языковых уровнях. Основная проблема, на взгляд Чудича, состоит в определении эстетической функции конкретной единицы, что будет влиять на приемы ее отображения в тексте перевода. Специфика Краснохоркаи состоит в том, что он соединяет в пределах одного языкового уровня противоположные приемы: сложные синтаксические конструкции и экстремально длинные предложения сочетаются у него с грамматической правильностью и четкостью, в ряде случаев речь персонажей, напротив, неправильна и аграмматична. Высокая стилистика нарратора соседствует с диалектно маркированной речью персонажей, хотя сама их речь в чистом виде диалектом не является, но представляет идиом смешанного характера — тем самым переводчику приходится максимально задействовать весь спектр средств родного языка. Чудич не ставит целью полное описание всех переводческих сложностей и путей их преодоления — это не всегда, впрочем, возможно в случае авторефлексии, однако сама фиксация парадоксального характера стилистики романов Краснохоркаи подводит переводчика к обнаружению скрытых потенций в языке перевода, и тем самым к со-творчеству и языковому новаторству,

когда произведение не оригинальное может и должно обогатить литературный язык перевода. Художественный перевод предстает как межъязыковой диалог, а переводческая авторефлексия является вариантом более общей метаязыковой рефлексии.

Вторая глава основана на материале текстов, не переведенных на сербский язык и носящих характер документальной прозы, — речь идет о травелогах Л. Краснахоркаи по мотивам его путешествия в Китай. Читательское внимание переключается с центральных, прецедентных текстов на периферийные. Хронологически — и как показывает Чудич, логически — эти произведения следуют за ранними романами писателя, действительность, моделируемая в условном мире, находит свое воплощение в мире реальном. Языковая ткань и мотивика прозы Краснахоркаи сохраняются, ключевым становится понятие коммуникативной неудачи, невозможности адекватного взаимопонимания между западной и восточной цивилизацией. Намеченная выше линия межкультурного диалога продолжается, однако он ведет не к взаимообогащению культур, но к взаимному остранению. Вторая глава служит антитезисом к первой: адекватная коммуникация возможна на металитературном уровне (переводчик/автор), и невозможна в реальной действительности, когда прямое, не литературно опосредованное общение приводит к непониманию.

Третья глава содержит синтез положений, выдвигаемых в первых двух частях. М. Чудич возвращается к интроспективной линии, однако здесь интроспекция носит структурно-содержательный характер и связана с интерпретацией концептов, формирующих образную структуру творчества Краснахоркаи, происходит объединение его центральных и периферийных произведений в единое смысловое пространство. Ключевым, по мнению Чудича, понятием здесь является мотив переходности, промежуточности — в первую очередь речь идет о состоянии ожидания и проекции ожиданий в будущее. Мы наблюдаем все ту же попытку диалога, однако теперь это диалог внутриличностный и темпорально ориентированный. Тем самым М. Чудич подводит читателя к интерпретации понятия «меланхолия», вынесенного в заглавие одного из

романов Л. Краснахоркаи в так называемую сильную позицию. Именно это понятие является стержневым: субъективный диалог между прошлым и будущим оказывается несостоятельным, а темпоральная и персональная проекция составляет исходный случай коммуникативной неудачи. Диалог переводчика и автора продолжается на уровне творческого переосмысления определенных жизненных дилемм.

Четвертая глава замыкает композицию — мы снова возвращаемся к переводному тексту как к определенному социокультурному феномену, когда мы сталкиваемся уже не с отображением социальной проблематики в тексте, не с переходом внетекстовой реальности в текстовую, но с вовлеченностью самого текста в более широкий культурно-общественный контекст, и с дальнейшим переходом текстового во внетекстовое.

Векторами, задающими специфику рецензируемой монографии, являются: общее характерное для данного исследователя полифоничное видение объекта, а также непрерывные переходы от центра к периферии и от чужого к своему — как от одного языкового кода к другому, так и от чужого ментального кода к собственному. Границы между своим и чужим стираются в общем диалоговом пространстве, и коммуникация творческая, текстово опосредованная, в своей успешности компенсирует коммуникацию внетекстовую, интерперсональную либо интраперсональную, развернутую в пространстве либо во времени. Дуалистичная, диалоговая концепция художественного перевода как феномена коммуникативного и при этом личностного, уже намеченная М. Чудичем (*Čudić M. Danilo Kiš i moderna mađarska poezija*. Beograd, 2007), получает свое органичное развитие. Книга перерастает рамки сборника эссе на тему творчества конкретного автора, за кажущейся фрагментарностью предстает единое мировоззрение, а затронутые в статьях проблемы носят общетеоретический и философский характер, что обуславливает чрезвычайную актуальность рецензируемой монографии в том числе для российского читателя.

© 2018 г. Д. Ю. Ващенко

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ 1917 ГОДА И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СЛАВЯНСТВА (ВОЙНЫ, МИГРАЦИИ, ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВ)»

26 сентября 2017 г. в Институте славяноведения РАН состоялся «круглый стол», посвященный влиянию событий 1917 г. на историю стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Его участники рассмотрели широкий круг вопросов, хронологически охватывающий более чем полувековой период. Организатором и модератором стола являлся А.В. Ганин.

Заседание открыло выступление *А.Л. Шемякина* на тему «Февральская революция и Корфская декларация». Согласно докладчику, договоренность между премьер-министром Сербии и главой Югославянского комитета была достигнута в 1917 г. благодаря пессимизму, вызванному фактическим выходом из войны после Февральской революции главного защитника Сербии – России. Н. Пашич подписал декларацию лишь в силу сложившейся конъюнктуры, стремясь к благополучию сербского народа. Но и вторая сторона соглашения не была откровенной до конца. В итоге, как констатировал Шемякин, Корфская декларация – вынужденный документ, следующий за Нишской декларацией в своей утилитарной мотивации.

Затем *Е.П. Серапионова* представила сравнительный анализ освещения в 1917 г. чехословацкой социал-демократической печатью происходившей в России череды революций и отношение к празднованию двадцатилетнего юбилея Октября. К февральским событиям вся пресса данного политического направления отнеслась сугубо позитивно, но приход к власти большевиков расколол чехословацких социал-демократов: централисты идеализировали произошедший переворот, автономисты же критиковали и предрекали победу белых сил в Гражданской войне. В 1937 г. оценки были близки: много говорилось о достигнутом в Советском Союзе за 20 лет, все остальное же списывалось на трудности революционного времени. Однако, как подчеркнула докладчик, это было вызвано во многом и потеплением отношений между Прагой и Москвой, надеждой ЧСР использовать СССР как союзника в противостоянии с Германией.

С.З. Случ продемонстрировал, как влияли революционные события на выход России из Первой мировой войны. Германия целенаправленно вела деятельность по дестабилизации обстановки в тылу противника, однако внутренние пертурбации оказали большее влияние. Так, в мае 1917 г. Берлин предложил Петрограду мир на довольно почетных условиях, но утрата русской армией боеспособности привела к пересмотру позиции. Новые переговоры в ноябре 1917 г. были сорваны большевиками, надеявшимися на успех стачек в Германии. Притязания, выдвинутые в январе 1918 г. также являлись весьма умеренными, поскольку для России большая часть территорий, которые требовал официальный Берлин, и так была потеряна: они отходили независимым государствам, воспользовавшимся своим правом на самоопределение. Однако, как констатировал выступавший, немцы в восточной политике стремились к победе на западном фронте, в чем не преуспели, а В.И. Ленин четко шел к своей цели и достиг ее.

А.В. Ганин рассказал о событиях 1917–1919 гг. на Украине в освещении генерала П.С. Махрова. Доклад основывался прежде всего на неопубликованных мемуарах военачальника, написанных в 50-е годы XX в. в Каннах и хранящихся в Бахметьевском

архиве в США. Украинские воспоминания Махрова занимают значительную часть рукописи, и хотя содержат неточности, представляют большой интерес. Генерал негативно относился к созданию украинского государства, критиковал его сторонников, процесс украинизации. Но это не мешало ему дружить с военными независимой Украины, поскольку огромное значение имели отношения, сложившиеся в годы их совместной службы в армии Российской империи.

Два последовавших выступления касались русских эмигрантов в Королевстве СХС. *Ю.В. Лобачева* представила анализ воспоминаний учеников реальных училищ в Земуне и Загребе об обеих революциях, Гражданской войне и жизни за границей. *Н.С. Пилько* поведала о судьбе одного из основателей словенского балета П. Головина, вынужденного преодолевать постоянные сложности из финансирования этого вида искусства, в том числе и ставя оперы и оперетты, приносящие доход. Однако строй, от которого он бежал из России, настиг его после Второй мировой войны, Головин предстал перед судом, был оправдан, но в 1951 г. все равно отправился во вторую эмиграцию, на этот раз — в Канаду.

Доклад *А.А. Силкина* касался обратного процесса — пребывания в России и СССР югославских коммунистов. Историческая наука СФРЮ традиционно старалась доказать независимость революционного пути своей страны и отмежеваться от связей с Коминтерном, хотя факты, долгое время замалчиваемые, свидетельствуют об обратном. После Октябрьского переворота ряд югославянских коммунистов ездил на родину для агитации в пользу революции, гарантией их свободы являлись взятые большевиками из «известных югославянских граждан» заложники. Принимали они активное участие в коллективизации, где набирались опыта, используя обычные для того времени методы колхозного строительства, не были чужды и доноительства друг на друга. Вернувшись на родину, многие из них стали реализовывать на практике накопленный опыт, стремясь превзойти большевиков, о чем ярко свидетельствуют слова М. Джиласа, сказанные в 1947 г.: «В относительном исчислении мы убили больше, чем большевики!».

Н.Н. Станков обратился к теме международного коммунистического движения и на основе новых архивных документов рассмотрел попытки лидеров КПГ, РКП(б) и Коминтерна организовать осенью 1923 г. революцию в Германии и распространить ее влияние на соседнюю Чехословакию. В ней местная компартия как оказывала германской революции поддержку, так и брала на вооружение ее методы, в том числе создание заводских комитетов. Тем не менее, как подчеркнул Станков, неудавшаяся революция в Германии, поиски виновных привели к усилению давления руководства Коминтерна на КПЧ, к вмешательству в ее внутренние дела.

Большую дискуссию вызвал доклад *Л.Я. Гибианского*, в котором была предложена типология установления коммунистических режимов в ЦЮВЕ после Второй мировой войны, в советской историографии считавшихся прямым продолжением Октября. К первому типу были отнесены Югославия и Албания, где сразу же установилась коммунистическая монополия на власть, ко второму — Польша, Румыния и Болгария, в которых фактически у власти находились коммунисты, опираясь на советское присутствие, хотя имела и массовую поддержку. В этой группе стран сложилась полукоалиционная система демократических фронтов под управлением компартий. В третьем же типе (куда включены Чехословакия и Венгрия) коалиционность являлась подлинной. В государствах второго и третьего типов имела место растянутая советизация, революции произошли лишь в Югославии и Албании.

Последовавшее выступление *А.С. Аникеева* также затрагивало тему продолжения 1917 г. — планы Кремля по смене режима Й. Броза Тито в годы советско-югославского конфликта 1948 г. Они предполагали использование югославских эмигрантов, группы которых и царившие в них настроения были проанализированы. Существовали идеи и по созданию новой компартии Югославии, выходили газеты, брошюры, листовки, предназначенные для дестабилизации ситуации в стране. Но все это, как заключил докладчик, было малореализуемо в тот момент.

За 40 лет после революции 1917 г. коммунистическое движение кардинально изменилось, что продемонстрировало Московское совещание компартий в ноябре 1957 г.,

внимание которому уделил *А.С. Тыкалин*. Переговоры происходили на фоне процесса над И. Надем, осложнений в советско-югославских отношениях, вдобавок празднование прошло под знаком усиления влияния КПК, в чем крылись ростки будущего расхождения в позициях правящих партий двух крупнейших стран социалистического лагеря.

Дискуссии, следовавшие за докладами, итоговое обсуждение результатов «круглого стола» продемонстрировали, насколько процессы, начавшиеся в 1917 г. в России и оказавшие влияние на весь мир в XX в., остаются актуальными и недостаточно изученными до сих пор. Материалы «круглого стола» планируется опубликовать в «Славянском альманахе» и других ведущих научных изданиях.

© 2018 г. *Н.С. Гусев*

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ ЛЬВОВИЧА АРША (1925–2017)

15 сентября 2017 г. на 92-м году жизни скончался старейший сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ветеран Великой Отечественной войны Григорий Львович Арш. Российская и мировая балканистика понесли тяжелую и невозполнимую утрату.

Г.Л. Арш родился в 1925 г. в Архангельске. Как и многие представители его поколения, он ушел на фронт сразу после окончания средней школы в 1943 г. Был ранен, за боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды и медалями. После окончания войны Г.Л. Арш поступил в Ленинградский университет, который окончил в 1951 г. специалистом в области всеобщей истории. В соответствии с существовавшими в те годы правилами распределения, он несколько лет проработал учителем в ленинградской школе, а затем поступил в аспирантуру Института истории Академии Наук СССР – в то время головного исторического учреждения в академической системе.

В 1959 г. Г.Л. Арш защитил в Институте истории АН СССР диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Некоторые вопросы истории Южной Албании конца XVIII – начала XIX в.». К этому времени он стал ведущим в СССР специалистом по истории Албании. Глубокое знание албанского языка и литературы, архивных документов и других источников, современной историографии придавали трудам Г.Л. Арша фундаментальность и всесторонность. При этом принципиальная и объективная позиция позволяли ему аргументировано высказываться по проблемам, носившим как тогда, так и сейчас острый характер – учитывая исторически противоречивое развитие российско-албанских отношений и непростую ситуацию в балканском регионе.

Первый посвященный албанской истории труд в отечественной историографии – «Краткая история Албании» (М., 1965) – увидел свет спустя всего лишь несколько лет после драматического разрыва советско-албанских отношений, разрыва, вина за который лежала на обеих сторонах. Несмотря на это, авторскому коллективу, ключевая роль в котором принадлежала Г.Л. Аршу, удалось сохранить научную объективность и принципиальность. Данная работа сразу же стала библиографической редкостью.

К этому времени у Г.Л. Арша вышла также индивидуальная монография «Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. (Западно-балканские пашалыки Османской империи)» (М., 1963), подготовленная на основе кандидатской диссертации, но с привлечением большого количества новых материалов (в 1994 г. была опубликована в Греции). С этого момента и до сегодняшнего дня Г.Л. Арш являлся признанным авторитетом по истории Албании и российско-албанским связям, труды которого охватывают многовековые пласты – от раннего Средневековья до Нового и новейшего времени. В 1992 г. увидела свет «Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней» (М., 1992). Ее ответственным редактором и одним из авторов стал Г.Л. Арш, а само издание до настоящего времени остается главным обобщающим трудом по албанской истории.

История Албании подробно проанализирована Г.Л. Аршем и в принадлежавших ему перу разделах семитомной серии коллективных монографий «Международные отношения

на Балканах». Это подготовленное Институтом славяноведения РАН фундаментальное издание стало первым обобщающим анализом развития ситуации в регионе, который с легкой руки политиков и дипломатов принято именовать «пороховым погребом Европы». В авторских разделах Г.Л. Арша анализ динамики международной обстановки на Балканах базируется на доскональном знании архивных материалов из различных стран, современных тенденций мировой историографии, а в качестве методологической базы выступают те самые принципы регионального подхода и междисциплинарных исследований, которые сегодня являются общепризнанными во всем мире.

Неудивительно, что блестящее знание не только истории собственно Албании, но и балканского региона в целом побудило ученого еще в 1960-е годы вплотную заняться и южной албанской соседкой — Грецией. Исторически сложные и противоречивые греко-албанские отношения во многом определяли и продолжают определять динамику всей ситуации на Балканах — и они нашли всестороннее отражение в работах Г.Л. Арша. Одновременно обращение к истории Греции позволило ученому выявить и по-новому проанализировать ключевые аспекты балканской политики России.

В многогранной истории Греции внимание исследователя с самого начала привлекли важнейшие страницы героической борьбы греческого народа за национальное освобождение, пользовавшейся поддержкой России. Греческая революция 1821—1829 гг. открыла новую страницу в истории эллинской государственности — и на этой странице засверкали имена любимых героев Г.Л. Арша — А. Ипсиланти и И. Каподистрии — оставивших ярчайший след и в российской истории. Еще одним героем исследований ученого является Л. Кацонис — грек на российской военной службе.

Благодаря введенным в научный оборот не известным ранее дипломатическим документам и другим источникам, Г.Л. Аршу удалось нарисовать комплексную картину развития обстановки на Балканском полуострове в конце XVIII — первой половине XIX в., показать место данного региона в системе внешнеполитических приоритетов России, проанализировать многочисленные проекты «обустройства» Балкан, принадлежавшие греческим и российским государственным, политическим и общественным деятелям, рассмотреть двусторонние российско-греческие политические, экономические, культурные связи, изучить деятельность греческих общин на территории Российской империи. В 1969 г. Г.Л. Арш защитил в Институте славяноведения и балканистики АН СССР диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи» — уже в следующем году увидевшую свет в виде индивидуальной монографии (М., 1970).

Теме русско-греческих связей посвящена опубликованная в 2014 г. в сборнике «Императорский дом Романовых и Балканы» статья Г.Л. Арша «Петр I и Екатерина II — царственные филэллины» (М., 2014). А такие глубокие статьи Г.Л. Арша, как «Греческая революция 1821—1829 годов» («Новая и новейшая история». 1971. № 3), «К вопросу о национальном самосознании греков в канун революции 1821—1829 гг.» (в сборнике «Греческий мир XVIII—XX вв. в новых исторических исследованиях». М., 2006), «Российский государственный филэллизм XVIII столетия» (в сборнике «От Средневековья к Новому времени». М., 2006), «Греческая революция 1821—1829 гг.: люди и события» (в книге «История и современность». М., 2008) и многие другие позволяют по-новому взглянуть на важнейшие аспекты, проявления и движущие силы процессов, протекавших на Балканах в Новое время.

Следует также особо выделить опубликованную совсем недавно и основанную на впервые вводимых в научных оборот архивных документах работу Г.Л. Арша «Греция после Кючук-Кайнарджийского мира по донесениям российских консулов» («Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина». М., 2013).

В последние годы из-под пера Г.Л. Арша вышли фундаментальные работы, посвященные актуальным проблемам историографии истории Греции и Албании. Среди них следует особо отметить исследование «Некоторые вопросы истории Албании в трудах дореволюционных русских славистов» для сборника «Независимость Албании

в общебалканском контексте» (М., 2014), а также статью «К вопросу об оценке Ламброса Кацониса в историографии» («Вопросы истории». 2015. № 4). В последней автор подверг критическому анализу некоторые современные тенденции в освещении истории Греции, не отвечающие, по его мнению, принципам исторической истины и интересам развития греко-российских связей.

В общей сложности в послужном списке Г.Л. Арша — более двухсот монографий, статей и других научных работ. Уже после его смерти выйдет подготовленная им для серийного издания «Славяне и Россия» статья «Русско-турецкая война 1735—1739 гг. и Западные Балканы».

Десятки трудов Г.Л. Арша переведены на албанский, греческий, английский, французский и другие европейские языки. Помимо авторской, он активно занимался редакторской работой, в том числе в рамках выпусков «Балканских исследований». Ученый принимал активное участие в научной и общественной жизни Института славяноведения РАН. Он активно и невзирая на лица отстаивал свое видение путей развития отечественной науки, выступал за сохранение богатейших традиций отечественной славистики и балканистики, жестко критикуя негативные и опасные тенденции в российском обществе и государстве. Научные доклады и выступления Г.Л. Арша по острым балканским проблемам — в том числе косовской — всегда отличались глубиной анализа, объективностью, принципиальностью, неприятием политических спекуляций и дешевых публицистических сенсаций.

Одним из важнейших направлений научной деятельности Г.Л. Арша являлась публикация документов из российских и зарубежных архивов, посвященных истории Албании, Греции и российско-балканских связей. Особое место среди них принадлежит переписке А. Ипсиланти, а также дипломатическим документам, касающимся взаимоотношений России и полунезависимых пашалыков Албании и Эпира в XVIII—XIX вв. В 1999 г. в Салониках увидел свет сборник документов, посвященных деятельности Ипсиланти, составителем и ответственным редактором которого был Г.Л. Арш (Alexander Ypsilanti. Correspondance ineditee. Thessaloniki, 1999).

Перу маститого ученого принадлежат многочисленные разделы в публицистических и научно-популярных трудах — в том числе статья «Албания: Исторический очерк» в первом томе «Большой российской энциклопедии» (М., 2005). Он вел активную педагогическую работу, руководил аспирантами и соискателями. Григорий Львович с неизменной симпатией и вниманием относился к молодым исследователям, охотно делился с ними своим богатым научным и жизненным опытом, всячески поддерживал проекты с их участием.

Г.Л. Арш на протяжении многих десятилетий с неизменным успехом представлял нашу страну на международных исторических конгрессах, симпозиумах и конференциях. Он входил в состав редакционной коллегии выходящего в США научного издания «Modern Greek Studies Yearbook». Когда в конце 1980-х — начале 1990-х годов для российских исследователей вновь стала открываться Албания — Григорий Львович охотно взял на себя роль не только докладчика, но и настоящего гида по истории и современности этой уникальной европейской страны для российских участников научных форумов в Тиране и других албанских городах.

Светлая память о Григории Львовиче Арше навсегда останется в сердцах его многочисленных коллег и учеников.

П.А. Искендеров

ПАМЯТИ ГАЛИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ ИЛЬИНОЙ (1930–2018)

Отечественная славистика понесла невосполнимую утрату — 3 января 2018 г. не стало доктора филологических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, основательницы академической школы литературоведческой югославистики Галины Яковлевны Ильиной. Несмотря на ухудшавшееся самочувствие, она до последних дней работала, участвовала в проектах Отдела, несколько подготовленных ею статей будут опубликованы в текущем году. Мы потеряли не только выдающегося ученого, но и близкого друга, и с этим невозможно смириться.

Научная жизнь Галины Яковлевны была тесно связана с развитием российского академического славяноведения — более шестидесяти лет она посвятила исследованию литератур южных славян и внесла существенный вклад в их систематическое изучение и популяризацию. Г.Я. Ильина пришла в Институт в 1956 г. после учебы на славянском отделении филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, окончания там аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации «Сатира Алеко Константинова». В дальнейшем связь Галины Яковлевны с высшей школой никогда не прерывалась: она являлась членом специализированного диссертационного совета филологического факультета МГУ, читала спецкурсы на славянском отделении, руководила дипломными работами, консультировала аспирантов, участвовала в совместных научных мероприятиях, привлекала в институтские проекты университетских коллег.

С первых лет работы в Институте определились основные направления научных интересов Галины Яковлевны. Это история южнославянских литератур в XX в., сравнительное изучение литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, теория и методология литературоведческих исследований, русско-югославянские литературные и культурные связи. Особое внимание она уделяла изучению литератур Югославии в межнациональном контексте, во многом выступая здесь первопроходцем. Галина Яковлевна была выдающимся исследователем литературы, большим авторитетом для коллег, ее отличали высокая эрудиция и научная культура, широта научных взглядов, литературоведческое чутье, увлеченность и крайняя добросовестность. Ее имя хорошо известно в научных кругах России, стран СНГ и за рубежом, прежде всего в Хорватии, благодаря выступлениям на многочисленных международных конгрессах и конференциях, съездах славистов, публикациям в совместных с учеными стран Восточной Европы трудах и иностранной периодике (хорватские журналы «Umijetnost tjeci», «Croatica», «Kronika»).

Перу Г.Я. Ильиной принадлежат свыше двухсот работ, среди которых широкую известность получила монография «Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в.» (1985), разделы, посвященные литературам народов Югославии в академических изданиях историй литератур: «Истории литератур западных и южных славян в трех томах». Т. 3 (2001), «Истории литератур Восточной Европы после Второй мировой войны в двух томах». Т. 1, 2 (1995, 2001), главы «Хорватская культура» и «Сербская, боснийская и черногорская культуры» в коллективной монографии «История культур славянских народов. В 3-х т. Т. 3: Культура XX века: от модерна до постмодернизма. Народная культура славянского региона» (2008). Она один из авторов учебника истории зарубежной литературы для высшей школы (1989). Итогом многолетнего изучения литературы Хорватии стала

первая в отечественной славистике монография Г.Я. Ильиной «Хорватская литература XX века» (серия «Литература XX века», 2015), в которой автор представила свою концепцию развития национальной литературы в минувшем столетии. Важным дополнением к этой книге является опубликованная Галиной Яковлевной «Библиография переводов хорватской литературы на русский язык» (2016).

Особое место в творческом наследии Ильиной занимает «Лексикон южнославянских литератур» (2012), инициатором создания и ответственным редактором которого она выступила. Эта книга также стала первым в России и зарубежных славянских странах справочно-энциклопедическим изданием по семи южнославянским литературам: болгарской, боснийской, македонской, сербской, словенской, хорватской и черногорской, начиная с зарождения в них художественного слова до рубежа XX–XXI вв. В ней обобщены сведения об основных этапах развития литератур этой геополитической и этнокультурной группы европейских народов, путях их художественной эволюции, типологическом родстве и национальной специфике каждого. В настоящее время это одно из самых востребованных русскоязычных славистических изданий.

Галина Яковлевна являла собой пример ученого, который не на словах, а на деле думал о перспективах развития славяноведения, о научной смене. Под ее руководством в 1989–2009 гг. было подготовлено и защищено шесть кандидатских диссертаций по четырём основным литературам Югославии (сербской, хорватской, словенской и македонской), а также по проблемам русско-югославянских литературных связей, она выступила научным консультантом, оппонентом, рецензентом нескольких десятков диссертационных работ. В 2001 г. решением Высшей аттестационной комиссии ей было присвоено ученое звание профессора по специальности «Литературы народов стран зарубежья». Ученики Ильиной продолжают благородное дело изучения и продвижения южнославянских литератур в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Минске, Белграде, Баку, Загребе. В ее лице они нашли истинного Наставника, сумевшего увлечь, привить вкус к исследовательской работе, дать путевку в самостоятельную научную жизнь. Теперь многие из учеников Галины Яковлевны передают исследовательскую эстафету своим ученикам, а это значит, что школа российской литературоведческой югославистики, основанная Г.Я. Ильиной, продолжает жить и развиваться.

Важное место в научной деятельности Г.Я. Ильиной занимало еще одно весьма трудоемкое направление – редакторская работа. В 1970–1980-е годы она была членом редколлегии РЖ РАН по литературоведению, членом редколлегии «Библиотеки югославской литературы», выступала в качестве ответственного редактора шести монографий и члена редколлегии более пятидесяти коллективных трудов. Ведущий специалист по литературам Болгарии и Югославии XX в., она являлась составителем, автором предисловий и примечаний к целому ряду переводов ведущих славянских писателей, среди которых М. Крлежа, Й. Йовков, А. Константинов, А. Цесарец, В. Калев и многие другие. Благодаря ее рецензиям в журналах «Художественная литература за рубежом», «Советское славяноведение» («Славяноведение»), «Вопросы литературы» наша читательская аудитория знакомилась с новыми именами и явлениями современных югославянских литератур.

Скорбь близких, друзей, учеников, коллег Галины Яковлевны Ильиной разделяют российские и зарубежные ученые – в адрес Института славяноведения поступили соболезнования от кафедр славянской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова и СПбГУ, кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ, от ИМЛИ РАН, Государственного института искусствознания, от коллег из университетов Загреба, Мостара, Нови-Сада, Любляны и Сараева.

Галина Яковлевна была удивительным, «штучным» человеком – большое научное дарование сочеталось в ней с исключительными личностными качествами: высокой интеллигентностью, душевной щедростью, огромным личным обаянием, добротой. Присущие ей жизнелюбие, доброжелательность, чувство справедливости, дар неравнодушного общения снискали глубокое уважение и любовь коллег.

Галина Яковлевна, нам будет трудно без Вас.

Ученики, друзья, коллеги

ПАМЯТИ ЕЛЕНА ЛЮБОМИРОВНЫ ВАЛЕВОЙ (1952–2017)

Она ушла, не попрощавшись. Элегантная, стильная, молодая. Такой ее *всегда* видели коллеги по Институту славяноведения. Такой ее видели и *в последний раз*: буквально через неделю, 10 декабря 2017 г., Елены Любомировны Валева не стало. Сказать, что Лена сгорела, как свеча, мало: так сгорают звезды. О том, что она долго боролась с тяжелой болезнью, знали немногие. Боролась стойко и мужественно, не теряя присущего ей оптимизма, чувства юмора и высочайшей профессиональной ответственности.

Елена Любомировна — известный специалист по новейшей истории Болгарии. В 1974 г. окончила МГУ им. М.В. Ломоносова по кафедре истории южных и западных славян и была оставлена в аспирантуре. В 1978 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Международное движение солидарности с антифашистской борьбой болгарского народа». А с февраля 1978 г. жизнь Е.Л. Валева — как вышло, *навсегда* — оказалась связана с Институтом славяноведения РАН. Был здесь, несомненно, и элемент преемственности. В Инславе — в то время в Институте славяноведения и балканистики АН СССР — работал отец Лены — Любомир Борисович Валева, профессор, безупречный интеллигент, сотрудник аппарата Коминтерна, в годы войны работавший на радиостанции «Христо Ботев». Темы межвоенной и современной истории Болгарии стали ключевыми в профессиональной биографии Елены Любомировны. Ее научные интересы в разные периоды времени концентрировались на проблемах антифашистской борьбы болгарского народа, развития политической системы Народной Республики Болгария в годы строительства социализма и политического развития Болгарии на современном этапе. Впрочем, простирались они и гораздо шире: история славистики во Франции, история народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, международные отношения на Балканах, становление и развитие отечественной исторической болгаристики и македонистики.

Е.Л. Валева — участник таких коллективных трудов, как «Славяноведение и балканистика в зарубежных странах» (1983); «Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории» (1989); «Политические партии и движения в Восточной Европе» (1994); «Бывшие “хозяева” Восточной Европы. Политические портреты» (1995); «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. Пропагандистские мифы и реальная история» (1999); «Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: взгляд через десятилетие» (2001); «Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. “Демократическое интермеццо” с коммунистическим финалом» (2002); «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века» (2002); «Власть и общество. Непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке)» (2008); «В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е годы XX в.» (2011); «Славянский мир в поисках идентичности» (2011); «Российская и болгарская государственность: Проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии» (2014) и др. Всего — более 150 крупных научных работ.

Много внимания Е.Л. Валева уделяла изучению инакомыслия и оппозиции в Болгарии в 1980-е годы, анализу болгарского варианта расставания с социализмом, исследованию

системной трансформации страны от смены власти до вступления в Европейский Союз, от коммунистического режима к демократическому обществу в конце XX – начале XXI в. Помимо написания разделов в коллективных трудах («Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века» (2006); «История антикоммунистических революций конца XX в. Центральная и Юго-Восточная Европа» (2007); «Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (90-е годы XX века – начало XXI столетия)» (2008); «Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века». Т. 1–2 (2012–2013); «Протестные движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец 1960-х – 1980-е годы. Хрестоматия» (2013); «Инакомыслие в условиях “реального социализма”. Поиски новой государственности. Конец 60-х – 80-е годы XX века» (2014)). Из-под ее пера вышли и индивидуальные работы – «Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности. 1980-е годы» // Славянский альманах 2012 (2013); «Реакция в СССР на “возродительный процесс” в Болгарии» // Российская и болгарская государственность: проблемы взаимодействия. XIX–XXI вв. (2014); «Желю Желев – философ во главе государства» // Политические лидеры в современной Восточной Европе. Сер. «Проблемы общественной трансформации стран Восточной Европы и России» (2017); «Желю Желев: философ, диссидент, президент» // *Studia Historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. (2017). В последнее время внимание Елены Любомировны привлекали актуальные вопросы системной трансформации и евроинтеграции Болгарии (коллективные труды: «Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя» (2011); «Между Москвой и Брюсселем» (2016)).

Научные интересы Е.Л. Валевой не замыкались рамками одной страны. Так, в коллективном труде «Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI вв. Аспекты общественно-политического развития» (2003) ей принадлежат главы по Албании и Румынии. Е.Л. Валева – один из авторов «Истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке (Учебное пособие для студентов высшей школы)» (1997).

Свой вклад Е.Л. Валева внесла и в развитие такого научного направления, как славяноведение и балканистика в России и зарубежных странах: «История славистики во Франции» // *Историография истории южных и западных славян. Учебное пособие* (1987); «Развитие исторической науки в Болгарии на современном этапе» // *Славяноведение*. 2007. № 6; «Любомир Борисович Валев» // *Портреты историков. Время и судьбы*. Т. 5. (2010); «Македонистика под запретом. К истории становления науки в СССР» // *България, Балканите и Русия. XVIII–XXI в. Българо-руски научни дискусии* (София, 2011); «Македонистика в СССР: к истории политических табу» // *Россия (СССР) и Македония: история, политика, культура 1944–1991 гг.* (2013); «Историческая болгаристика в России: современное состояние и тенденции» // *Историческая болгаристика. К 100-летию со дня рождения профессора Л.Б. Валева* (2016).

Многие работы Елены Любомировны опубликованы в Болгарии. В частности: монография «Международное движение солидарности с антифашистской борьбой болгарского народа» (1985); «Болгария во внешних планах Москвы и Берлина (1939–1941)» // *Живот сред книгите. Юбилеен сборник в чест на 85-годишнината на проф. Елена Савова* (София, 2004); «Внутренний и внешний аспекты евроинтеграции Болгарии» // *Призвание и всеотдайност. В чест на 70-годишния юбилей и 40-годишнината на проф.д.и.н. Витка Тошкова* (София, 2011).

Помимо исследовательской деятельности Е.Л. Валева вела большую научно-организационную работу. Она являлась руководителем проекта «Болгария в XX веке. Очерки политической истории» (2003), в котором также была и автором фундаментальных разделов «Болгария в годы Второй мировой войны», «На перекрестке геополитических интересов великих держав, 1939–1941». Много сил и энергии отдавала Елена Любомировна деятельности двусторонней Комиссии историков России и Болгарии.

Научный вклад Е.Л. Валевой как ведущего российского болгариста отмечают и зарубежные коллеги. В соболезновании, присланном руководством Института исторических

исследований БАН и исторического факультета Софийского университета «Св. Климент Охридски», говорилось: «Мы высоко ценим многочисленные и глубокие исследования Елены Любомировны, посвященные проблемам новой и новейшей истории Болгарии. Мы будем помнить ее активное участие в совместных российско-болгарских научных проектах и самоотверженную работу в двусторонней Комиссии историков». Новаторский характер, аналитический уровень исследования и востребованность работ Е.Л. Валевой подчеркивают болгаристы Украины и Молдовы, выразившие свои искренние соболезнования. А еще все они отмечают прекрасные человеческие качества, отличавшие Елену Любомировну – нашу Лену: оптимизм, доброжелательность, редкое по нынешним временам умение дружить... Нам всем очень будет не хватать тебя, Лена!

Друзья и коллеги

ПАМЯТИ ВИКТОРИИ МАКСИМОВНЫ ХЕВРОЛИНОЙ (1931–2016)

8 декабря 2016 г. после тяжелой болезни, на 86 году жизни скончалась Виктория Максимовна Хевролина — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра «Россия в международных отношениях» Института российской истории РАН.

Виктория Максимовна работала в Институте с 1978 по 2012 г. и была одним из ведущих отечественных исследователей истории внешней политики России и международных отношений второй половины XVIII–XIX в. В круг ее научных интересов входил самый широкий спектр проблем, охватывающий политику России на Балканах, в Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Тихом океане.

В ее монографиях «Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях (конец 60-х — начало 80-х годов XIX в.)» (М., 1986) и «Власть и общество. 1878–1894 гг.» (М., 1999) исследовалась взаимосвязь внешней политики и общественно-политической мысли России второй половины XIX в., внешне-политические взгляды революционных демократов, либералов, поздних славянофилов и русских консерваторов, общественное самосознание и оценка правительственной политики российским обществом.

Характерной чертой В.М. Хевролиной как исследовательницы является последовательность и стройность научной концепции, четкость и ясность выводов. Ее научные работы широко известны за рубежом, а монография «Власть и Общество. 1878–1894 гг.» издана в 2000 г. в США.

Поставив в центр научных интересов политику России на Балканах, Виктория Максимовна исследовала деятельность видного политика и дипломата второй половины XIX в. Н.П. Игнатьева, опубликовала его письма с балканского театра русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и написала книгу «Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев» (М., 2004, 2-е изд. М., 2009). Это исследование вызвало широкий интерес во многих странах Европы и Америки, где сегодня живут потомки графа Игнатьева и где помнят его деятельность, направленную на поддержку славян.

Виктория Максимовна много внимания уделяла публикации архивных документов, не раз возглавляя работу по подготовке документальных сборников, посвященных внешней политике России на Балканах — она являлась ответственным редактором, составителем и комментатором сборников «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1878» (М., 1985. Т. 1; М., 1988. Т. 2), «Россия и национально-освободительная борьба на Балканах. 1875–1878» (М., 1978), «Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы» (М., 1984), «Политические и культурные связи России с югославянскими землями в 1-й трети XIX в.» (М., 1997), «Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-х гг. XIX в.» (М., 2013), «Петр II Петрович Негош и Россия. Русско-черногорские отношения в 1830–1850-е гг. Документы» (М., 2013) и др. Кроме того В.М. Хевролина редактировала и была составителем двухтомного сборника документов «Москва — Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931» (М., 2007) и трехтомника «Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1941. Сборник документов». (М., 2009)

Т. 1–3). Эта работа проводилась по линии международного сотрудничества Института российской истории РАН и при участии МИД РФ.

В.М. Хевролина — один из основных авторов и член редколлегии фундаментальных коллективных работ, написанных в последнее десятилетие в центре «Россия в международных отношениях». Это прежде всего первый в отечественной историографии обобщающий пятитомный коллективный труд «История внешней политики России. Конец XV в.— 1917 г.» (М., 1995–1999). Истории основных геополитических проблем России посвящены коллективные монографии «Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия)» (М., 1999) и «Геополитические факторы во внешней политике России. (Вторая половина XVI — начало XX века)» (М., 2007). Особо следует отметить участие В.М. Хевролиной в совместном с МИД России трехтомном юбилейном издании, посвященном 200-летию министерства «Очерки истории Министерства иностранных дел» (М., 2002). Разделы, написанные В.М. Хевролиной в этих коллективных работах, охватывают сложнейший круг проблем, начиная от влияния преобразований в пореформенной России на структуру и организацию работы МИД России до Восточного кризиса 1870-х годов, русско-турецкой войны 1877–1878 гг., места Черноморских проливов в политике России в конце XIX в.

В памяти товарищей по работе Виктория Максимовна всегда останется не только как крупный ученый, но и как замечательный человек, обязательный, добрый, всегда готовый прийти на помощь.

© 2018 *Е. Кудрявцева*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Gusev N.S.</i> (Moscow). Breaking-up of political demonstrations in Russia in support of the Slavs in the spring of 1913	3
<i>Sokolovskaya O.V.</i> (Moscow). The revolutionary year of 1917 and the plight of Russian sailors	15
<i>Ulunyan Ar.A.</i> (Moscow). The Soviet-Bulgarian foreign economic relations in the estimations of the CIA of the USA (the second half of the 1960s and the early 1970s)	28
<i>Novoseltsev B.S.</i> (Moscow). The Soviet-Yugoslav relations in the 1968 and 1969	43
<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> (Moscow). The «Reboot» of the foreign political orientation of the Czechoslovak Socialist Republic / Czech and Slovak Federative Republic at the turn of the 1980s and 1990s....	52
<i>Pilipenko G.P.</i> (Moscow). Marking of interference phenomena in the Slavic speech of South America	64

REPORTS

<i>Parfiriev D.S.</i> (Moscow). Dnieper Ukraine in the plans of the Ukrainian politicians of Austria-Hungary on the eve of the World War I	81
<i>Moskvitin M.N.</i> (Moscow). The Romanian Front in the social and political life of Romania in the relations of the Russian ambassador Aleksandr Mosolov (1916–1917)	87
<i>Smirnova I.N.</i> (Moscow). The inner world of lyrical heroines in the female Bulgarian poetry in the early twentieth century	94

REVIEWS

<i>Serapionova Ye.P.</i> J. Bílek, J. Kuklík, E. Maršoun, J. Nemeček. Druhý exil Edvarda Beneše. Fotografie z let 1938–1945	104
<i>Ivanov Ye.Ye.</i> K. Wojan. Z dziejów leksykografii polsko-rosyjskiej. Tom 1. Słowniki lingwistyczne (bibliografia za lata 1700–2015)	106
<i>Izotov A.I.</i> J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jílková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Stylistika mluvené a psané češtiny	111
<i>Vaschenko D.Yu.</i> M. Čudić. Négy kísérllet Krasznahorkai Lászlóról / Четири огледа о Ласлу Краснахоркаију	113

SCHOLARLY LIFE

<i>Gusev N. S.</i> The «round table» «Revolutionary processes of 1917 and their consequences for the Slavs (wars, migrations, state-building)»	115
--	-----

OBITUARIES

<i>Iskenderov P.A.</i> In memoriam of Grigory Lvovich Arsh (1925–2017)	118
In memoriam of Galina Yakovkeva Ilyina	121
In memoriam of Yelena Lyubomirovna Valeva	123
<i>Kudryavtseva Ye. P.</i> In memoriam of Viktoriya Maksimovna Khevolina	126

Индекс 70891

ISSN 0869-544X Славяноведение, 2018, № 3

ISSN 0869.544X
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО •
• ВЕДЕНИЕ
2018

“НАУКА”